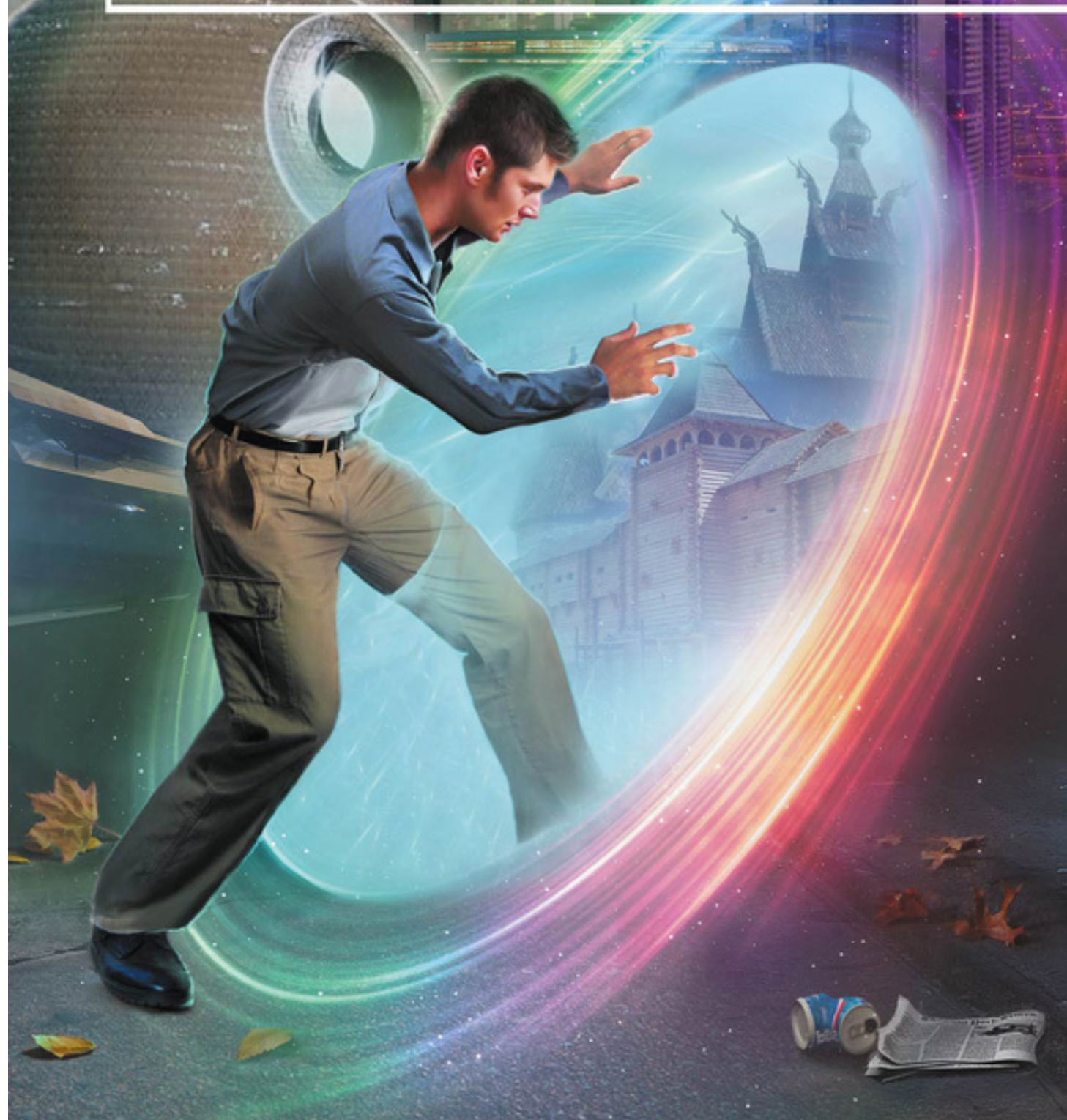

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

АРЕНЕВ • БАТХЕН • ВОЛКОВ • ГЕЛПРИН •
ГИНЗБУРГ • КАЛИНИЧЕНКО • ПАНЧЕНКО •
ХОРСУН • ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Владимир Аренев

Искушение чародея (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Аренев В. К.

Искушение чародея (сборник) / В. К. Аренев — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68097-9

Трудно поверить, но прошло уже десять лет, как ушел от нас Кир Булычев... На его добрых и мудрых книгах выросло и возмужало несколько поколений читателей. Истории о госте из будущего Алисе Селезневой, космическом докторе Павлыше, простоватых, но поразительно везучих жителях русского городка Великий Гусляр сопровождают нас всю жизнь — от младенчества до весьма зрелого возраста. Но время идет, любимые книги читаны-перечитаны, а ведь так хочется узнать, что было с их героями дальше... Этот сборник дарит читателям уникальную возможность заглянуть за пределы, казалось бы, давно завершенных историй. Алиса и доктор Павлыш, неунывающие гуслярцы и обитатели Поселка, затерянного на далекой, суровой планете, возвращаются! В сборник включены произведения Кира Булычева, найденные в архиве писателя, а также повести и рассказы, написанные по мотивам его книг другими известными авторами!

ISBN 978-5-699-68097-9

© Аренев В. К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Кир Булычев. Пленники долга	11
Кир Булычев. Шестьдесят лет спустя	31
Часть вторая	34
Сергей Удалин. Испытание чародея	34
Часть третья	43
Олег Пелипейченко. Тайна очередной планеты	43
Николай Калиниченко. Mirabele Futurum	46
Глава первая	46
Глава вторая	48
Глава третья	52
Глава четвертая	53
Глава пятая	55
Глава шестая	58
Глава седьмая	63
Влад Копернин. Сквозь зеркало	67
Часть первая	67
Часть вторая	75
Юлия Мальт, Ирина Скидневская. Громозека и Малый эвридикский дракон	81
Мария Гинзбург. Что сказал Минц	94
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Искушение чародея (сборник)

© Н. Анискова, В. Аренев, Н. Батхен, Б. Богданов, К. Булычев, В. Венгловский, И. Вереснев, А. Волков, М. Гелприн, М. Гинзбург, А. Голиков, С. Звонарев, Н. Калиниченко, Н. Караванова, К. Каримова, В. Копернин, Ю. Мальт, А. Марченко, В. Марышев, С. Пальцун, Г. Панченко, О. Пелипейченко, А. Рябоконь, И. Самохина, И. Скидневская, С. Удалин, Е. Халь, И. Халь, М. Хорсун, А. Щербак-Жуков, Ю. Южная, М. Ясинская, 2013

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Великому русскому писателю Киру Булычеву,
виртуозному мастеру и светлому человеку,
посвящается*

Пролог

Андрей Рябоконь. Кир Булычев: и в шутку и всерьез *биография на основе высказываний самого писателя*

Критерием цивилизованности мира должно служить чувство юмора: здесь [на дикой планете] ничего смешного просто не бывает. Если зазеваешься, решишь посмеяться – тебя скушают.

Кир Булычев. Космический доктор

Мало сказать, что Кир Булычев – писатель из числа самых-самых (братьев Стругацких, Станислава Лема, Айзека Азимова). Зачем кривить душой, ведь он на самом деле великий мастер слова, знаток человечества вообще и человека в частности. Книги его интересны всем, а тех, кто по каким-то причинам читать стесняется (например, плохо владеет иностранными языками вместе с родным. Помните шуточку? «Вы иностранными языками владеете?» – «Да я и по-русски не очень...»), тех притягивают, как магнит, фильмы и даже мультфильмы по его книгам и сценариям. Добрые, хорошие, чуть-чуть грустные.

Кир Булычев – целая эпоха. Грех не познакомить читателя с тем, как все начиналось.

Настоящее имя писателя – Игорь Всеволодович Можейко. Родился он 18 октября 1934 года вблизи Чистых прудов и при первой же возможности переехал на романтический Арбат. Школьные годы (пошутил как-то Игорь Можейко) помнил плохо, потому что был средним учеником, зато все летние каникулы глубоко запали в память. И, когда оканчивал школу, был уверен, что выучится на палеонтолога, однако волею судьбы попал на переводческий факультет Института иностранных языков. А пока учился там и ходил в турпоходы, умер Сталин, наступила новая эра и «оказалось», что за границей есть другие страны.

В 1957 году, когда Игорь Можейко успешно покончил с высшим образованием, появилась нужда в переводчиках во всех отдаленных уголках Земли. И тогда тех выпускников, которые успели к тому времени жениться, разослали в отдаленные страны. Наш герой попал на строительство в экзотическую Бирму. (Собственно, экзотической была только Бирма, но не само строительство.) «... Оказалось, что наша страна совсем не одинока на Земле, а есть еще много государств, с которыми можно не только враждовать, но и дружить. Развелось немало свободолюбивых, трудолюбивых и прогрессивных бывших колоний, которым не мешало бы помогать... Мы строим в Бирме Технологический институт, современный отель, госпиталь в горах, в Таунджи. А Бирма дарит нам в ответ соответствующее количество риса».

В Бирме было жарко и пыльно. И очень влажно. Скоро будущий писатель начал понимать, что ему не нравится работать переводчиком. Года через два, возвратившись домой, он узнал о существовании Института востоковедения и поступил в аспирантуру, в отдел Юго-Восточной Азии. По специальности «История Бирмы». Особенно занимало его существовавшее в долине реки Иравади в XI–XIII веках великолепнейшее государство Паган.

Денег в аспирантуре платили, как водится, маловато, и поэтому (а также, возможно, и по другим причинам) молодой аспирант стал наведываться в журнал «Вокруг света», который в 60-е был чудесным изданием, и работали там замечательные люди. Кстати, именно здесь в 1960 году увидел свет первый очерк способного аспиранта о Бирме. Спустя пять лет в этом же чудесном журнале был опубликован рассказ Игоря Можейко «Долг гостеприимства», официально именовавшийся переводом с бирманского языка, и автором значился некто Маун Сейнджи.

(Кстати, по словам знающих людей, Кир Булычев первой своей серьезной художественной повестью – повестью для детей – считал «Меч генерала Бандулы». Действие этой истории

разворачивается в той же Бирме – Бирме середины прошлого века, то есть в почти современной Бирме.)

В начале 1960-х Игорь Можейко, будучи уже вполне дипломированным историком-востоковедом, поработал в Ираке и западноафриканской Гане, омываемой водами Гвинейского залива.

Будущий писатель на полтора года возвращался в Бирму, где дописывал диссертацию (которую в 1966-м успешно защитил), и к середине 60-х годов, достигнув возраста Христа, надолго пережив Лермонтова, ничего кардинального – как ему казалось – не создал. Он был увлеченным читателем фантастики, но пока не писателем. И вот в 1965 году Игорь Можейко создал первые сказочные истории о девочке Алисе из XXI века. Цель – найти пути к детской литературе, адекватной поколениям, выраставшим у экрана телевизора, а затем компьютера – была достигнута. Добавим, что и путь к детским сердцам был найден.

А вот первое взрослое произведение появилось случайно. В журнале «Искатель» (приложение к упомянутому ранее «Вокруг света») в 1967 году случилась беда: цензура «зарезала» американский переводной рассказ. «Во мраке веков» сокрылось, что же это был за рассказ, но к нему тиражом 300 тысяч экземпляров была уже напечатана цветная (что недешево и по нынешним временам, высокотехнологичным и где-то инфляционным!) обложка. Конечно, это была катастрофа... Тогда собрались все и решили – надо написать за ночь рассказ по обложке.

Задача совсем не простая. Посудите сами – нарисован стул, на стуле большая банка, а в ней – динозавр. Что делать? Кир Булычев провел бессонную ночь (ну, может быть, две ночи от силы), и... скоро в журнале появилась история: в одной из редакций получают телеграмму – пойман динозавр! Живьем. Начинается суматоха, на железнодорожной платформе сооружается клетка. А тем временем появляется фотокорреспондент, отправивший телеграмму. Появляется с банкой в руках. В банке – живой бронтозавр, чуть крупнее некрупной ящерицы. Нет, не вымерли допотопные динозавры! Но сильно измельчали...

Рассказ напечатали. Трудно поверить, но факт, свидетельствующий о глубокой скромности писателя, заключается в том, что до 1982 года в институте, за исключением двух-трех друзей, никто не знал о «грехе писательства» научного сотрудника. А в 1982 году Кир Булычев получил Госпремию за сценарий к полюбившимся зрителям фильмам «Тайна третьей планеты» и «Через тернии к звездам». В газетах был предательски раскрыт псевдоним, собранный из имен членов семьи. Тайна раскрылась, и начальники, узнав истину (прошу не путать с формулой «познав истину»!), побежали к директору института требовать «принятия мер». К счастью, у директора имелось достаточно развитое чувство юмора (и чувство совести, и, наверное, множество иных очень хороших качеств), поэтому он произнес историческую фразу: «План выполняет? Выполняет. Вот пусть выполняет его и дальше». С тех пор Кир Булычев продолжал выполнять план и создавать чудесные книги.

Кстати, кроме фильмов «Через тернии к звездам» и «Комета», были – в сотрудничестве с режиссерами Ричардом Викторовым и Романом Кочановым – созданы замечательные мультфильмы (любимые не только детьми, но и взрослыми, которые есть, по секрету, не что иное как выросшие дети) «Два билета в Индию» и «Тайна третьей планеты». Позже писателю удалось поработать с такими хорошими режиссерами, как Г. Данелия, П. Арсенов, Ю. Мороз, В. Тарасов и другими. Всего были написаны сценарии к двадцати фильмам, включая короткометражки. Но в последние годы Кир Булычев отошел от кино – то ли темп жизни так изменился, то ли фильмы стали сниматься иные...

Вот мы и возвращаемся к прозе. От прозы жизни – к просто хорошей прозе. Вскоре после фантастических рассказов был написан и роман «Последняя война», в котором появился первый относительно постоянный герой, что автор позволял себе крайне редко. Предыстория такова: в 1967 году журнал «Вокруг света» отправил писателя в «круиз» по весьма прохлад-

ному Северо-морскому пути на сухогрузе «Сегежа». В Карском море корабль сломал винт и, выбившись из графика и всех сроков, притащился к Диксону, где и застрял весьма надолго. Рейс был внутренний, спокойный. Работники спецслужб (например, КГБ и т. д.) в подобных «круизах» не доставали. Кир Булычев делил каюту, предназначенную для какой-то важной персоны, с художником, командированным в Арктику, чтобы запечатлеть доблестный труд советских моряков, и оказавшимся человеком скучным. Иные моряки были чудесными ребятами, но уж очень пьющими, порой чрезмерно – и по поводу холодов, и по поводу сломанного винта. Булычев подружился с корабельным врачом Славой Павлышем. Этому способствовали неспешные беседы во время исследования пустынных окрестностей Диксона и Хатанги. И вот ощущение арктических просторов, дающих мало шансов выжить человеку, ощущение сплоченной корабельной команды, характера моряков, ситуаций на борту перетекло в первый фантастический роман как-то само собой.

Другая «постоянная тема» писателя – городок Великий Гусляр, тоже имеющий свой прототип, географический. И тоже на уровне ассоциаций, не более.

Как-то поехал Кир Булычев с друзьями в Вологду, а оттуда в Великий Устюг, который произвел на писателя просто неизгладимое впечатление. Городок буквально очаровал писателя. И надо же такому случиться, на одной из улиц (именно в момент пребывания писателя в городе) произошел провал – кусок мостовой «ушел» вниз, в какой-то древний ход. И Булычеву пригрезился Великий Гусляр... Зеленый дворик, окруженный двухэтажными домишками; за могучим столом люди в майках «забивают козла» (кстати, в 68 рассказах и повестях о Великом Гусляре его персонажи тоже частенько играют в домино), провизор в аптеке, странный лохматый веселый гражданин с воздушным змеем под мышкой, старик, с которым писатель разговорился в столовой и который утверждал, что в Устюге под каждой улицей подземные ходы и клады... Так родился центр действия. И так начали складываться вымышленные биографии жителей. А написан первый гуслярский рассказ был в Болгарии, в городке Боровец, под звон колокольчиков возвращающихся с альпийских лугов овец. Булычев, находившийся в горах по приглашению друзей, сочинил фантастический рассказ для журнала «Космос». Так что первая гуслярская история увидела свет на болгарском языке!

Кстати, имена персонажей Кир Булычев извлек из «Адресной книги города Вологды» за 1913 год, подаренной ему умнейшей и обаятельной Еленой Сергеевной, бывшим директором вологодского музея. Так «родились» Корнелий Удалов вместе с женой Ксенией, старик Ложкин, Саша Грубин и профессор Минц.

Псевдоним писателя появился примерно в ту самую «динозавровую» пору, почти одновременно с первым фантастическим рассказом «Когда вымерли динозавры», опубликованным в журнале «Искатель».

Обратимся к первоисточнику, приводя шутливую цитату автора об обстоятельствах, в окружении которых рождался псевдоним:

«Ну, выйдет фантастический рассказ. Прочтут его в институте. И выяснится, что младший научный сотрудник, лишь вчера защитившийся, про которого известно, что он сбежал из колхоза, прогулял овощную базу... еще и фантастику пишет!.. В общем, я испугался. И в одну минуту придумал себе псевдоним: Кир – от имени жены, а Булычев – от фамилии мамы».

Вспомним и слова Игоря Всеволодовича о постепенном возникновении идеи сказочного цикла о девочке из будущего Алисе Селезневой; добрая сотня сказок этого цикла вышла в свет полутора десятками замечательных книг – замечательных и обожаемых детьми, а также их родителями:

«... В нашей семье родилась дочка. Ее называли Алисой. Алиса росла, и вот она научилась читать. И тогда я подумал: а что же она будет читать?..

Нашим детям жить в двадцать первом веке, летать к звездам, открывать новые планеты, но что они будут читать, когда узнают все про Бабу-ягу и Кашея? Может, они ничего не будут читать? Будут смотреть видео, жевать «Сникерс» и обойдутся без книжек? С этим я не согласился и решил попробовать написать повести для детей, которые станут взрослыми в будущем веке». Будущий век наступил. Дети выросли – талантливые, смелые, вполне образованные, большей частью честные и справедливые – и не в последнюю очередь благодаря чудесным историям Кира Булычева. Жаль только, что космического братства, да и самих полетов в космос, почти не сложилось. Наоборот, многое хорошее из того, что было, благополучно развалилось вместе с не очень хорошим. Что-то взрослые с этим «... до основания разрушим, а потом...» то ли перебрали, то ли перестарались. И вместо «потом» выходит вполне «сейчас» – но временами черт знает что выходит. Предупреждаем сразу: вины великого писателя здесь нет. Он-то свое дело делал как следует, не в пример некоторым.

Итак, третье тысячелетие наступило. И новые поколения детей, конечно же, будут с увлечением читать и перечитывать чудесные книги о космических приключениях отважной девочки Алисы – читать с увлечением, так же как читали их мамы и папы, только собираясь вырастать, но уже устремляясь к звездам!..

И снова буквально два слова об ученом-историке.

Книги по истории, написанные Игорем Всеволодовичем, – «Пираты, корсары, рейдеры» (издательство «Вече»), «Соперницы Медеи (женщины-убийцы)», «Награды», «Загадка 1185 года. Русь – Восток – Запад» и другие, – увлекательнейшее чтение (популярное слово «читиво» кажется мне здесь неуместным) и для студентов-историков, и просто для студентов, и вообще для многих взрослых людей, считающих себя (хотя бы в душе) молодыми. Отметим особо, что тема «Соперниц Медеи» перекликается с четырьмя книгами из увлекательнейшего цикла об агенте 003 ИнтерГалактической полиции Коре Орват и особенно с фантастическим романом «Покушение на Тесея» (кстати, в одной из этих книг есть «привязка» к той самой «гусларской» серии; например, мама девочки Кору оказывается имела фамилию Удалова – видимо, правнучка «гусларского» Корнелия).

...Динамика, шквал событий получше модного голливудского «экшен», ирония, бьющая наповал – а временами смех сквозь слезы и то самое, настоящее, что присуще только высокой литературе, славянской, восточной или западной, без разницы (истина – она и есть истина, ей границы между государствами – не преграда) – все это может воплотиться в будущем (слово – за мастерами киноиндустрии) в потрясающие сценарии чудесных кинофильмов, которые могут стать в ряду «Дозоров» и «Властилинов колец». А быть может, и потеснить их!

Надо сказать, что Кир Булычев долгие годы имел репутацию оптимиста. Наверное, хотелось верить, что наша жизнь все же изменится к лучшему и свет в конце туннеля как бы не зря (один сатирик возмущенно говорил: «Почему же туннель, с... никак не кончается?»)... Скептики и всевозможные борцы за свободу иногда укоряли его, навешивая ярлычок «писателя застоя» (лучше бы попробовали сами создать хоть один настоящий рассказ, хоть что-нибудь стоящее). Напрасно. Каждому – свое. Кир Булычев оказался в итоге прав. На все сто. А скептики, покинув ряды диссидентов, органично влились в другие ряды, заняли руководящие посты и принялись бороться с оппозицией. Столь же яростно. Их бы энергию да в мирное русло. Да, очень по-разному люди понимают свободу. Часто наезжая своей личной свободой на свободу других людей – близких и далеких.

И вот в этот момент, когда быть оптимистом не возбранялось, писатель предложил читателям ряд пессимистичных произведений. Если бы он был больше похож на тех скептиков, то напечатал бы все это давным-давно в «свободной демократической прессе» и приезжал бы оттуда советовать интеллигенции (заодно и всем остальным), как следует жить. Вспоминается

фраза из талантливого фильма, произнесенная талантливым актером: «Я вас заставлю быть счастливыми!!!»

Кир Булычев не из тех, кто заставлял.

Скинув, образно говоря, маску оптимиста, под которой оказалось лицо оптимиста, писатель надел маску фаталиста. Ему хотелось еще пожить в свободном обществе (свободном теперь от многого и, к сожалению, иногда от чести, совести и других полезных свойств), но он не был уверен, что судьба предоставит ему такую возможность на долгое время. А времени оставалось все меньше и меньше. Времени и сил, отнимаемых подступающей старостью и болезнями. Это отражалось в его последних произведениях, пронизанных пронзительной печалью и стремлением открыть нам истину – пусть и с помощью приемов фантастики. Булычев с 1989 года работал над большим романом, который должен был состоять из многих частей, многих томов. Название романа символично – «Река Хронос».

За свою жизнь он успел очень многое. Хотя сколько осталось в планах, в мыслях?..

Кир Булычев умер в начале сентября 2003 года (утром, 5-го числа), накануне открытия международного фестиваля фантастики «Звездный мост», где его ждали, надеялись еще раз увидеть...

Наверное, разумнее прислушиваться не к скептикам или критикам, а к почитателям таланта Мастера. Ведь что ни говори, а в армии поклонников сказочно добрых, душевных, искренних – настоящих – историй Кира Булычева, в этой армии дезертиров не бывает.

Часть первая Шестьдесят лет спустя

Кир Булычев. Пленники долга

1

Одиночество не пугало Павлыша. Одиночество редко пугает, если оно добровольное, если знаешь, когда и как оно кончится.

Кораблик Павлыша был тесен. Планетарный катер должен садиться на планеты, и потому большая его часть отведена под топливо для посадочных двигателей, а почти все остальное пространство занято измерительной и контрольной аппаратурой. Так что каютки и пульт управления невелики. Кораблик звался «Оводом». Сначала Павлыш решил, что виной тому литературные реминисценции, но на пятый день полез от нечего делать в регистр и обнаружил, что в Дальнем флоте кто-то окрестил именами кусачих насекомых всю серию обтекаемых и остроносых планетарных катеров. К «Пушкину» был приписан «Комар», к «Надежде» «Москит» и так далее.

После преувеличенной грандиозности «Титана», который мог позволить себе быть грандиозным, потому что ни разу за свою жизнь не спускался ни на одну планету, а гордо парил в открытом космосе, оставляя черную работу на долю челноков и катеров, после его громадных шаров, замысловато соединенных жилами переходов, «Овод» показался Павлышу уютным, словно избушка, огонек которой поманил путника в дремучем лесу.

Видно, те, кому до Павлыша приходилось проводить здесь недели, также относились к «Оводу» как к избушке. И оставили будущему путнику нужные вещи. Павлыш обнаружил в миниатюрной душевой замечательный яблочный шампунь, в ящике стола потрепанную колоду пасьянсных карт, а в камбузе дюжину банок пива.

Утром, позавтракав, Павлыш брал диктофон, включал экран, гонял микрофильмы, наговаривал статью, которую уже второй год собирался написать. Он много читал, несколько раз выбирался наружу, просто так, погулять. Можно было убедить себя, что сидишь у порога избушки и любишься звездами.

Двенадцать дней пути. Две недели на Хроносе. Еще двенадцать дней пути до randevu с «Титаном». Такой выдался Павлышу отпуск, который официально называется инспекционной поездкой.

Павлыш ощутил беду за два дня по посадки на Хронос. Вообще-то следовало осознать это раньше, но Павлыш, не будучи профессиональным навигатором, слишком доверялся автоматике. «Овод», умный кораблик, должен был доставить его на Хронос без подсказок со стороны несовершенного человеческого мозга.

Планета должна была появиться не только на экране радара, но и в иллюминаторе прямого видения. Планеты не было.

Когда Павлыш убедился в этом, он спросил компьютер корабля, что произошло. Может, неверен курс?

Компьютер сообщил, что курс совершенно верен и что планета требуемой массы, находящаяся на требуемом расстоянии, теоретически существует, однако реально ее нет.

Если бы Павлыш мог допустить, что у компьютеров бывает чувство юмора, он бы засмеялся.

К сожалению, он не мог запросить инструкций с «Титана». Тот шел с околосветовой скоростью, и сигнал достигнет его не скоро.

Милое ощущение безмятежности мгновенно покинуло Павлыша. Одиночество, что обрушилось на него в тот момент, когда пропала планета, было одиночеством особого рода. Оно понятно альпинистам и космонавтам. Ты вдруг превращаешься в беспомощную песчинку, окруженную равнодушным безмолвием, масштабы которого настолько превышают способности человеческих ощущений, что бороться с ним невозможно. А покориться страшно, потому что потеряешь эту песчинку – себя.

Павлыш заподозрил компьютер в логической уловке. С планетой, к которой он подлетал, случилось нечто, выходящее за пределы понимания компьютера. Либо за пределы понимания человека. И тогда, дабы довести свою растерянность до человека, компьютер постарался выразить ее в языковых категориях. И, разумеется, не смог.

Положение усугублялось тем, что Хронос – бродячая планета. Миллионы лет назад в результате неизвестного катаклизма она потеряла свою звезду и стала системой «в себе». Она двигалась в витке Галактики по тем же путям, что и ближайшие к ней звезды. Именно поэтому Хронос был избран для экспериментов Варнавского.

Берем пустую, безжизненную или почти безжизненную планету, события на которой никак не могут отразиться на судьбе других планет, и забрасываем туда группу Варнавского с ее оборудованием. В крайнем случае планетой можно пожертвовать – возможные результаты окупят подобную потерю...

В ходе подготовки к эксперименту планета лишилась стандартного цифрового кода и получила название «Хронос». И это было понятно, потому что Варнавский занимался временем.

Путешествия во времени всегда были излюбленной темой фантастов и утопистов. Темой, выдержавшей испытания научным прогрессом. Фантастика постепенно отступала, теряя позиции и покорно отводя свои легионы. Когда-то давно оказалось, что из пушки на Луну летать не следует, потому что есть другие реальные способы добраться до Луны. Затем Венера потеряла очарование утренней зари, а марсианские каналы и извечная мудрость древних марсиан испарились с первыми же марсианскими станциями. И так шаг за шагом... Везде фантасты отступали, кроме темы времени. И чем упорнее ученые доказывали невозможность хроноэффектов, тем упорнее фантасты описывали машину времени, как будто надеялись изобрести ее сами. Какое бесчисленное множество парадоксов рождали эти сюжеты! Какие философские глубины открывались перед смелыми путешественниками! И даже окончательный вердикт науки, доказавший, что просто теоретическое допущение перемещения во времени вызовет катаклизмы в масштабе всей планеты, ничему писателей не научил. Чем невозможнее была задача, тем сладостней она становилась для литературы. В конце концов, все было логично (логика эта была невыгодна фантастам и потому отбрасывалась): вы не можете изменить объективный ход времени для какой-то части системы (несмотря на то что время – физическая величина, тесно связанная со всеми иными физическими реалиями), не сдвинув во времени всю систему. Не может один человек отправиться в прошлое, не отправив туда всю Землю, а также и всю Солнечную систему, представляющую собой именно физическую систему, единство гравитационного характера.

Но, ударив с размаху по писателям и мечтателям, ученые оставили открытой любопытную сторону проблемы: а если мы отыщем тело, не связанное гравитационно с прочими галактическими телами либо связанное настолько слабо, что для удобства эксперимента мы можем этими связями пренебречь. Что тогда? Вопрос был скорее абстрактным, чем практическим, но весьма любопытным.

Группа Варнавского теоретически обосновала модель перемещения во времени для изолированного тела. Варнавский повторил и во многом развил теории, существовавшие

и раньше. Но модель стала называться именно парадоксом Варнавского. Случилось то, что было в свое время с паровозом. Его изобретали множество раз, но так как нужды особой в нем не было, то образцы самоходных колясок увенчивали собой свалки, а их изобретатели – списки великих неудачников. Зато когда паровоз понадобился, все лавры достались Стефенсону.

Варнавский также получил свою долю лавров. Скорее авансом. Но возможности галактического человечества уже были таковы, что оно могло отыскать нужное для экспериментов изолированное тело – планету, получившую название Хронос, доставить туда группу Варнавского, а также отправить туда приборы и устройства, с помощью которых Варнавский (в случае если был прав) мог доказать свой парадокс. Варнавский попросту вовремя родился.

Теперь же доктор Павлыш, должный проверить санитарное состояние станции на Хроносе и выяснить, как себя чувствуют сотрудники Варнавского, обнаружил, что Хроноса нет.

У Павлыша было достаточно времени, чтобы рассуждать. И он принялся за дело. И довольно скоро пришел к простому выводу: отсутствие планеты вернее всего означает успех Варнавского. Если она существует потенциально, но ее не видно, то, весьма возможно, она сдвинулась во времени... И тут Павлыш прервал ход своих рассуждений. Ведь в каком угодно времени – вчера, сегодня, завтра – планета как таковая все равно реально существует. Разумеется, можно допустить, что несколько миллионов лет назад ее не существовало в том виде, в каком она есть. Но насколько Павлыш был знаком с теорией Варнавского, возможности перемещения во времени исчислялись часами, может, днями. Перемещение такой массы, как масса планеты, на год вызвало бы катастрофу во Вселенной. И было невозможно даже теоретически.

Поэтому, пока суд да дело, Павлыш решил не менять курса. В худшем случае, если Варнавский со своей планетой не объявится, можно будет не спеша направиться к точке randevу с «Титаном» и там подождать, пока корабль его подберет.

И в этот момент планета появилась яркой точкой на экране радара и с опозданием на восемь секунд – в иллюминаторе. Павлыш дал максимальное увеличение и успел разглядеть изъеденное кратерами, схожее с земной Луной, тело планеты в инфракрасной зоне спектра. Не совсем погасшее нутро планеты согревало ее оболочку. В абсолютных цифрах разогрев был невелик – до восемнадцати градусов по шкале Кельвина, но этого было достаточно, чтобы ее можно было увидеть на экранах.

Над пультом заплескали огоньки, сообщая Павлышу, что его «Овод» решил начать торможение, достаточно плавное, чтобы можно было не встегиваться в кресло, но вернувшее Павлыша в мир тяжести, направление которой, правда, было не очень удобным. В этом недостаток катера, который не может развернуть жилые отсеки так, чтобы пол оставался полом.

Павлыш включил канал связи с базой на Хроносе, но услышал лишь сухие разряды и занудный вой. Его передатчик работал нормально, сигнал к Хроносу шел непрерывно, и, даже если они там не любили заглядывать в радиорубку, запись сигналов «Овода» должна была дойти до слуха робинзонов. Павлышу так и не удалось добиться связи со станцией, и постепенное накопление странностей начало раздражать его. Он стал уставать от тайн и загадок. Когда едешь в инспекторскую поездку, чем меньше странностей, тем лучше для дела.

К тому же приборы зарегистрировали непонятное мерцание планеты, словно ей не терпелось вновь исчезнуть с экранов, чего Павлыш совсем не хотел. Оставалась теоретическая возможность, а может, и невозможность, что, преуспев в своих экспериментах, Варнавский решил пойти дальше, и планета, а может, и само время вышли из-под контроля. А что случается с планетами, на которых выходит из-под контроля время, Павлыш не знал. Но вряд ли это приводит к хорошему.

Воображению Павлыша уже стали представляться нерадостные картины, навеянные литературой, – возвращаться в мир динозавров не хотелось, перелететь на миллион лет в будущее также не казалось желательным. Не исключено было и то, что в ходе этих прыжков люди

могли умирать от старости. Вообразите (а Павлыш это вообразил), что в считанные минуты он превращается в немощного старичка и рассыпается в прах.

И вот тогда приборы «Овода» довели до сведения Павлыша, что планета не хочет их принимать.

В те минуты Павлыш как раз глядел на экран, тщетно стараясь разглядеть в кратере точку станции. По каким-то своим причинам преобразователи «Овода» развернули планету во весь экран, раскрасив ее в различные оттенки фиолетового цвета. Зрелище было не очень приятным.

Если верить показаниям приборов, то «Овод», который, гася скорость, приближался к Хроносу, в самом деле к Хроносу не приближался, а оставлял его справа по борту на значительном расстоянии. У Павлыша был большой соблазн скорректировать курс, но благоразумие удержало его от того, чтобы перейти на ручное управление. Вернее всего, кораблик лучше него знает, куда и как лететь, и причина недоразумения не в «Оводе», а в чертовой планете.

В последующие часы планета с экранов не исчезала, однако приборы «Овода» упорно показывали изменения в ее массе, причем изменения многократные, которые не сопровождались, как ни парадоксально, изменением гравитационного поля Хроноса.

Три попытки снизиться закончились примерно одинаково. Планета постепенно вырастала на экране, приближаясь и ничем не показывая, что готовит Павлышу подвох. Затем, на это, правда, уходили часы напряженного ожидания, диск начинал смещаться к краям экранов, а приборы «Овода» продолжали сообщать, что сближение происходит нормально. На расстоянии примерно сорока тысяч километров от поверхности планеты, на границе, крайне разреженной, уловимой лишь приборами, атмосферы Хроноса, планета окончательно пропадала с передних экранов, и обнаружить ее можно было лишь на боковых. То есть получалось, что, летя к ней, «Овод» неизбежно промахивался. Именно на этом расстоянии от планеты компьютер «Овода» доводил до сведения Павлыша, что планеты по курсу нет. Это Павлыш знал и без компьютера.

После третьей безуспешной попытки прорваться к планете, установив, что предел приближения сорок тысяч километров, Павлыш впервые вмешался в действия компьютера и перевел корабль на круговую орбиту. Павлыш надеялся обмануть планету и войти в ее атмосферу по касательной. Что ему также не удалось.

Тогда он пошел еще на одну уловку. Пройдя примерно половину орбиты на том пределе, до которого планета допускала корабль, он взял управление на себя и резко повел корабль вниз. Если можно проводить поверхностные, а потому сомнительные аналогии, «Овод» вел себя как прыгун в воду. В первые мгновения, когда ты врезаешься в нее, она будто и не оказывает сопротивления, но чем дальше, тем упрямее вода тормозит движение, и вдруг ты замечаешь – а момент этот условен, – что ты уже не идешь вглубь, а несешься все быстрее к поверхности.

Через двадцать минут после начала маневра Павлыш понял, что «Овод» удаляется от Хроноса, хотя силу, оттолкнувшую корабль от планеты, приборы не регистрировали – они обратили внимание лишь на ее следствие. Павлыш даже не смог установить, насколько ему удалось приблизиться к планете. Если верить компьютеру, то он не сходил с орбиты.

Еще один оборот вокруг Хроноса помог убить время, но не привел ни к какому решению. Планета не желала пропустить Павлыша, связи с лабораторией Варнавского по-прежнему не было. Оставалось лишь сделать вид, что ты и не намеревался сюда спускаться, и возвращаться к «Титану». Но, так как возвращаться было рано, Павлыш решил не отступать.

В общем, его гипотеза по поводу этой загадки сводилась к следующему: Варнавскому удалось добиться практических результатов. Планета в данный момент подвержена хронофлюктуациям. В таком случае она как физическая система отрезана от остальной галактики временным барьером. Существовая для глаз Павлыша, ибо она будет существовать и завтра, и послезавтра, в самом деле она существует в другом временном отрезке. И то, что видит Пав-

лыш, может быть планетой сегодняшней, а может быть и вчерашней. Или завтрашней. Следовательно, отказ приборов понять, с чем они столкнулись, объясняется просто: все они привыкли иметь дело с величинами, не учитывавшими времени как изменяемой произвольно функции. А что из этого следует? Из этого следует только одно: Павлыш не потерял шансов увидеть Варнавского, в случае если его эксперимент проходит успешно. И как только планета вернется в точку времени, в которой находится «Овод», она станет доступной. Об ином исходе эксперимента думать не хотелось. Предел же ушедшей в иное время системы – верхняя граница атмосферы планеты. И пусть на такой высоте атмосфера состоит из долек разбросанных атомов – практически и не существует – все это часть системы. В любом случае Павлыш решил не прекращать попыток в надежде на то, что эксперимент Варнавского займет не очень много времени. В распоряжении Павлыша оставалось еще несколько дней. В конце концов, его попытки должны представлять интерес для Варнавского. Он – тот, нужный в любом опыте, посторонний наблюдатель, который может фиксировать последствия опыта с точки, для остальных экспериментаторов недоступной.

Следующие три дня, наиболее драматические для тех, кто был внизу, на планете, о чем Павлыш тогда не подозревал, он провел на орбите вокруг Хроноса, занимаясь съемками планеты, измерениями, которые он мог сделать с высоты в сорок тысяч километров, и в периодических попытках войти в атмосферу Хроноса.

Каждый раз повторялся эффект ныряльщика, и Павлыш уже привык к нему и заставил привыкнуть к нему компьютер, который, будучи в определенных отношениях куда умнее, логичнее и образованней доктора Павлыша, внес свою лепту в эти попытки, варьируя угол снижения, скорость и ускорение.

Можно сказать, что Павлыш в своем планомерном упрямстве себя перехитрил и убаюкал. Он нырял, словно выполняя занудную, обязательную работу, которая будет продолжаться еще несколько дней. Если он спал, или готовил пищу, или зачитывался книгой, то прыжки в воду совершал за него компьютер, и Павлыш даже во сне отмечал их, а проснувшись, знал, сколько раз «Овод» пытался прорваться к Варнавскому.

Но когда пятьдесят первая попытка удалась, Павлыш оказался к этому не готов.

Он просто ничего не успел понять. Начало попытки он заметил, потому что в этот момент стоял у плиты и раздумывал, хочется ли ему супа из консервированных шампиньонов или этот суп ему бесконечно надоел. Решив, что суп надоел, но не бесконечно, Павлыш вскрыл пакет и опрокинул его над кастрюлей.

Он ощутил начало ускорения и даже услышал сигнал на пульте, которым «Овод» предупреждал своего хозяина, что начинается снижение. Но так как Павлыш знал, что в его распоряжении еще минуты две, чтобы загерметизировать все в камбузе, то и продолжал сыпать порошок, жалея, что не отменил попытку, потому что сейчас придется уйти от плиты.

И тут ускорение начало нарастать куда быстрее привычного.

Павлыш автоматически закрыл кастрюлю, включил колпак, который изолировал плиту, но больше ничего сделать не успел, потому что его отбросило на стену, и в последующие две или три минуты все мысли Павлыша были заняты лишь одним: как доползти до акселерационного кресла и притом не сломать шею.

До кресла он не дополз и потерял сознание от перегрузок, к которым не был готов, за несколько секунд до того, как «Оводу» удалось с ними справиться. И когда потом старался вспомнить, что же было в те минуты, пока он лежал, скорчившись, в углу штурманской, ему казалось, что со все нарастающей частотой «Овод» ныряет в атмосферу Хроноса и вылетает обратно... Что, впрочем, было недалеко от действительности, так как вторжение «Овода» в мир временного сумасшествия проходило не последовательным движением, а отдельными толчками, и кораблик Павлыша старался и прорваться, по ступенькам, по километрам, проваливаясь, как самолет, в воздушные ямы, и в то же время удержаться, не разогнаться до смертельной

скорости и не врезаться в планету. Если бы у обитателей планеты была возможность увидеть «Овод» в эти минуты, им показалось бы, что кораблик, подобно былинке в бешеном горном потоке, выполняет замысловатый танец, сверхфигуры высшего пилотажа.

Но люди на планете ничего не видели. Потому что их в то время не существовало – они рвались сквозь время вместе с планетой и ее атмосферой, но не вперед, а назад. Ибо движение вперед вряд ли возможно: вперед – это значит туда, в мир, которого еще не было.

2

– Ваш прорыв к нам, – сказал Варнавский за чаем, – парадокс, который потребует серьезного изучения. В принципе, он подтверждает спиральность времени. В какое-то мгновение нашего движения назад по хронооси, а вернее, хроноспирали, физические характеристики внешнего мира и нашей системы совпали настолько, что образовался канал, по которому вы снизились.

Людмила Варнавская еле дождалась, пока ее брат кончит фразу.

– Вот именно, – сказала она. – Значит, в этот момент можно и покинуть систему. Понимаешь?

– Это не решает наших проблем. – Заместитель Варнавского, полный, мягкий, добрый Штротмбергер, отложил в сторону листочек, на котором только что быстро писал. Вся станция была завалена его листочками, исписанными так мелко и непонятно, что строчки казались орнаментом, который рука выводит в задумчивости.

– Карл, – сказала Людмила. – Мы обязаны попробовать. У нас появился новый шанс.

– Теория этого не допускает, – сказал Штротмбергер виновато. – Можно построить модель вторжения инородного тела, но избавиться от него таким способом мы не сможем. Там, снаружи, время уже ушло.

– Но мы попробуем, правда попробуем? – в голосе Людмилы была нервная настойчивость. – Ведь никто не верил, что к нам можно проникнуть. Даже не думали об этом.

Людмила Варнавская Павлышу не понравилась. В первую очередь как врачу. Она производила впечатление человека, не спавшего несколько суток и находящегося на грани нервного срыва. Правда, и в этом состоянии она была хороша, может, даже красивее, чем обычно, – отчаянной красотой истерики – ты видишь горящие, синие глаза, а все лицо, кроме заостренного, четкого носа, куда-то впало, исчезло, чтобы не мешать глазам сверкать в лихорадке.

Остальные выглядели очень уставшими. Настолько, что перестали прибирать станцию. Как будто станция была обиталищем беспечных холостяков. Немытая посуда забыта на столе, клочки бумаги на полу... Павлышу казалось, что на станции пыльно, хотя пыли здесь неоткуда взяться.

Варнавский был похож на сестру. Его главной чертой, как ее сформулировал для себя Павлыш, была пропорциональность. Анатомический идеал, натурщик, о котором мечтают художественные училища. И он знал о своей атлетичности, подчеркивал ее одеждой. Он был в шортах и обтягивающей мышцы фуфайке, темные волосы до плеч и такие же синие, как у сестры, глаза. Но если у той они горели, сжигая все вокруг, в глазах Варнавского была настороженность, ожидание; порой Павлышу казалось, что он не слушает, что говорят вокруг, а смотрит внутрь себя, будто ждет сигнала оттуда.

– Я, разумеется, буду считать, – сказал Штротмбергер и начал шарить по карманам мешковатого комбинезона. Вытащил один блокнотик, поглядел на него, сунул обратно, нашел еще один, поменьше, этот его устроил. Штротмбергер оторвал листочек, наклонил голову и стал быстро покрывать его миниатюрными значками.

Четвертая обитательница базы, Светлана Цава, принесла поднос с гренками, тихо села у края стола. «Она тоже устала», – подумал Павлыш. Иначе, чем остальные, но устала. Движе-

ния ее были четкими, маленькие крепкие руки с коротко стриженными, ухоженными ногтями бессильно легли на стол. Она закрыла глаза на несколько секунд, а когда открыла их, то заметила взгляд Павлыша и робко улыбнулась, словно тот поймал ее врасплох, увидел то, чего она не хотела показывать.

– Значит, вы должны нас инспектировать, – сказал Варнавский. – Что ж, вам и карты в руки. И боюсь, вам будет что делать.

– Павел, – сказала Варнавская. – Мы не можем тратить ни минуты на экивоки. Павлыш медик, его опыт нам поможет.

– Может, отложим разговор на завтра? – спросил Штромбергер. – Павлыш устал, ему надо поспать.

– Я не устал, – сказал Павлыш.

– С каждым разом у нас все меньше времени! – сказала Варнавская. – На этот раз четыре дня. Может, три с половиной! Я вообще не понимаю, как можно гонять чай... – она резко отодвинула недопитую чашку, чай плеснул на стол.

– Надо поспать, – сказал Штромбергер. – Все равно надо поспать. Поглядите, какую чепуху я пишу, – он подвинул Павлышу листок, на котором Павлыш ничего не мог разобрать, но вежливо кивнул.

– Вот так, – сказал Варнавский, – после чая всем спать. И тебе, Людмила, в первую очередь. Ты напичкана лекарствами.

– Не говори глупостей.

– Это приказ.

– Сомневаюсь, что ты можешь приказывать! – Вдруг Людмила захохотала. – Ты не можешь! Уже не можешь! – причитала она, и ее пальцы стали суетливо отбивать дробь по скатерти. – Не можешь! – она ударила по столу кулаком, чашки подскочили.

Цава наклонилась к ней.

– Люда, – сказала она, – Людочка, возьми себя в руки. Всем трудно... надо поспать...

– Простите, – сказал Варнавский. – Она не виновата. Это я во всем виноват.

– Никто не виноват, Павел, – сказал Штромбергер. – Ну как можно кого-то винить! Все стараются.

– Надо ли? – Варнавский поднялся и первым вышел из комнаты.

– Я отведу Люду? – Светлана Цава обернулась к Штромбергеру.

– Конечно, конечно...

И Павлыш остался вдвоем с толстым математиком.

– Я не хочу! – донесся из коридора голос Людмилы. В ответ невнятно загудел низкий голос Варнавского.

– Вот видите, – сказал Штромбергер. – Так неудачно вы прилетели.

Павлыш хотел продолжить разговор, но глаза слипались. После всех пертурбаций со спуском он потратил еще часа четыре, пока снова поднял «Овод» и отыскал базу – при посадке корабль промахнулся на полторы тысячи километров.

– Вы отдыхайте, я вам покажу вашу каюту. Она не очень уютная, там никто не жил, но Светлана принесла вам белье, так что отдыхайте, – сказал Штромбергер.

Каютка оказалась и в самом деле неудобной. В ней раньше хранили какое-то экспедиционное добро. Ящики отодвинули в сторону, накрыли одеялом. Осталось только место для койки.

Но Павлыш и не рассматривал каюту. Он разложил простыни, затем вышел в коридор, к туалету. Пока мылся – вода текла тонкой струйкой, на станции воду экономили, ведь ее приходилось регенерировать, – казалось, что вокруг царит тишина. Но потом, выключив воду, Павлыш услышал доносящиеся сквозь стены голоса. Казалось, что никто на станции не спит. Все говорят... говорят... говорят...

Потом Павлыш вернулся к себе и с наслаждением вытянулся на узкой койке. И заснул.

3

Проснулся он в середине интересного сна, потому что его звали. Сначала ему показалось, что зовут там, во сне, и он уже поспешил к голосу, но голос настойчиво тащил его из сна, и, просыпаясь и еще цепляясь за сон, Павлыш уже понимал, что он на станции, что его зовут.

– Кто здесь? – спросил он, открывая глаза. Было темно.

– Это я, Людмила, – послышалось в ответ. – Тихо, все спят.

– Да? – Павлыш сразу сел на постели, натягивая одеяло на плечи. В тишине было слышно, как Людмила водит руками по стене, приближаясь.

– Я сяду на край, – сказала она. Койка скрипнула. – Вы лежите, лежите. Я ненадолго. Мне надо сказать несколько слов.

– Сколько времени?

– Третий час, вы уже четыре часа поспали. Я раньше не стала вас будить. Но вы поспали четыре часа.

Голос срывался, был быстрым, нервным. Павлышу показалось, что он видит, как в темноте лихорадочно горят глаза Людмилы. Голос Людмилы отражался от близких стенок каюты. Павлышу стало душно от горячих толчков этого голоса, он хотел зажечь свет, но не помнил, где выключатель. Забыл, хотя перед сном тушил свет.

– Зажгите свет, – попросил он.

– Не надо. Брат увидит. Он не спит. Он все будет преуменьшать. У вас создается ложное представление, а каждая минута на счету.

– Что же случилось? – Павлыш понял, что тоже говорит шепотом.

– Павел скоро умрет, вы понимаете, он болен, только не показывает вам. И болен безнадежно.

– Почему вы так решили?

– Не надо. Только не надо успокаивать. Я лучше знаю. Это случилось не здесь, а когда мы искали площадку. В прошлом году.

– Вирус Власса?

Павлыш не хотел произносить этих слов. Редкость болезни не уменьшала ее известности. Большинство вирусов и микробов космоса безвредны для людей – уж очень различен метаболизм существ, населяющих другие планеты. Но были и исключения. Вирус Власса – самый коварный и опасный из них. Онтогенез его не был до конца ясен. Почему он попал на безжизненные миры, разбросанные по всей Галактике, какова его первоначальная среда обитания, почему он так редок и в то же время вездесущ? В литературе было описано сорок с небольшим случаев поражения. Описал симптомы и ход заболевания доктор Власс. На базе, где он работал, была лаборатория. Так что у доктора Власса до того дня, когда он умер, была возможность заниматься исследованием вируса. Ему удалось выделить его и даже определить инкубационный период. Правда, впоследствии его пришлось уточнить. Доктор Власс умер через восемь месяцев и шесть дней после заражения (заболел он за шесть дней до смерти), в других случаях инкубационный период затягивался до года. А на станции Проект-4 два гидролога умерли через четыре месяца после заражения. Видно, вирусу, чтобы начать разрушительную деятельность, требовалось приспособиться к приютившему его организму. Затем он брался за дело. Пока что противодействия ему не было найдено. И причиной тому не только его удивительная стойкость и изворотливость, но и тот факт, что в Солнечной системе он еще не встречался, и активный период его деятельности начинался всего за неделю до гибели человека. Раньше угадать, что человек уже болен, заражен, обречен, было практически невозможно. Когда же маленькие синие пятна, словно брызги чернил, появлялись на шее и в нижней части живота жертвы, больному оставались считанные дни. Даже довести его до Земли или планеты, где нахо-

дился бы большой госпиталь, не удавалось. Павлыш знал, что с следующего года все, улетающие в дальний космос, станут проходить тест на вирус Власса. Но это будет нелегко сделать – ведь тысячи и тысячи специалистов годами не бывают на Земле...

– Вирус Власса, – прошептала Людмила. – Вы заметили брызги?

– Я ничего не заметил, – сказал Павлыш. – Предположил. Методом исключения.

– Он умрет, – сказала Людмила. – Вы должны помочь.

– Как?

– Вы врач! Вы не имеете права спать. Я все время в лаборатории. Мы должны найти противоядие. У нас еще три или четыре дня.

– Когда появились брызги?

– Появляются каждый раз, – сказала Людмила, – и каждый раз все быстрее.

– Не понял.

– Одевайтесь, только тихо. Я вас жду в коридоре.

4

Лаборатория на базе была маленькой, чуть больше каюты. Да и приборы там были только самые необходимые, что положены в комплекте. В стандартном контейнере, который включает в себя сам купол станции, хозяйственное барахло, регенерационные установки... При виде лаборатории Павлыш понял, что ничего путного они здесь не добьются. Большие институты на Земле и на Кроне пытались расколоть тайну вируса Власса, сотни ученых охотились за вирусом во всех концах Галактики, а Павлыш глядел на несколько мензурок, маленький микроскоп, чайные стаканы и массу хозяйственных сосудов и банок, словно кто-то перетащил сюда все что можно из камбуза и столовой.

– Бедность, да? – агрессивно спросила Варнавская. – Руки опускаются? Я не могу вам предложить института. И, в конце концов, это все неважно – у меня живая культура вируса, понимаете? Вот здесь.

Она показала на серое пятнышко на предметном стекле под микроскопом. Разумеется, в этот микроскоп не увидишь вирус.

– Я не понял, – сказал Павлыш. – И если это живая культура, как вы говорите, разве можно с ней так работать? Как вы неосторожны...

– Испугались? Он не заразный. Я читала.

– Испугался, в первую очередь за вас, – сказал Павлыш.

В лаборатории было очень светло. В трех пробирках – свернувшаяся кровь. Что эта дура увидит в свой детский микроскоп? Павлыш заметил, что у Людмилы дрожат руки.

– За себя, за себя, – упрямо сказала Варнавская и закусилла нижнюю губу, чтобы не заплакать. – Но вы не имеете права бояться! Вы должны быть готовы пожертвовать жизнью ради Павла. Как медик и как человек. Неужели вы не понимаете, что все мы ничего не стоим рядом с ним? Пальца его не стоим! Пускай мы умрем – не сейчас же – мы-то сможем долететь до Земли. А он – нет! Если вы так боитесь, надевайте скафандр – ничего с вами не случится. Ну идите, надевайте!

Сейчас она захохочет, подумал Павлыш. Начнется истерика.

– Людмила, прекрати! – в двери лаборатории стоял Варнавский. – Прекрати истерику.

– Но ведь осталось три дня!

– Павлыш, – сказал Варнавский, не глядя на Людмилу. – Пойдемте ко мне.

– Я его не отдам! – закричала Людмила. – Он медик, он поможет.

– Он тебе не поможет, – сказал Варнавский. – Пойдемте, Павлыш.

Каюта Варнавского была такая же, как у Павлыша.

Койка не заправлена. На столике исписанные листы бумаги, рядом диктофон и куча кассет.

Варнавский сел на койку. Павлыш увидел синие брызги на его шее. Варнавский перехватил его взгляд.

– Никаких сомнений, – улыбнулся он. – Даже не надо квалифицированных подтверждений диагноза. Я все знаю.

Павлыш отвел глаза от шеи Варнавского. На столике, рядом с диктофоном, валялись полоски из-под таблеток. Большею частью использованные. Павлыш по цвету понял – обезболивающие. Сильные обезболивающие. Почему он их принимает? Сейчас он еще ничего не должен чувствовать. Кроме страха. Восемнадцать полосок и там еще двенадцать... Боли начинаются за тридцать часов до конца. Это, к сожалению, установлено совершенно точно. Взгляд Павлыша скользнул дальше. К стене был прикреплен аппаратик для переливания плазмы. Павлыш подумал было, что Людмила заранее приготовила его. Переливания облегчали состояние и продлевали мучения. На часы. Не больше. Но аппаратик уже использовали – баллон почти пуст. Зачем они делают это заранее? Отчаяние Людмилы? Варнавский, кажется, держит себя в руках.

Варнавский накрыл ладонью пустые полоски, смахнул их со стола.

Павлыш ничего не сказал.

– Простите Людмилу, – сказал Варнавский. – Она вам не дала выспаться. Мне надо было догадаться, что не даст.

– Ничего, – сказал Павлыш. – Я не знал, что вы больны.

– Очень обидно, – сказал Варнавский. – Но я стараюсь не терять времени даром, – он показал на стол. – Знаете, все как-то откладывал. Думал, вернемся на Землю и займусь обобщениями. А вот пришлось сейчас.

«Он тоже устал, все они устали», – думал Павлыш. Даже удивительно. По виду брызг можно предположить, что они догадались, чем болен Варнавский, самое большее два дня назад. Может, меньше. Да, меньше, сутки назад. Как они успели довести себя до такого состояния?

– Вы видели так называемую лабораторию, – сказал Варнавский. – Там Людмила колдует. Даже стаканы отобрала. Компот не из чего пить. Но ведь у нее ничего не получится? Правда? Она же его даже увидеть не сможет?

Варнавский все понимал, но хотел, чтобы его разубедили. Чтобы именно Павлыш разубедил. Это не имеет отношения к разуму или образованию. Если бы сейчас на станцию прилетел колдун или экстрасенс, любой шарлатан – на него бы тоже смотрели с надеждой. Это неизбежно.

– Трудно что-нибудь сказать, – ответил Павлыш осторожно. – Я не успел посмотреть...

– Ясно. И не надо, – сказал Варнавский. Словно рассердился на Павлыша. – Знаете, что самое грустное – я не успею дописать общую теорию. Я понимаю, пройдет еще год-два, на наших же материалах или на своих, но кто-то обязательно напишет ее. Она вот здесь, рядом... Если бы я не боялся, я бы успел. Но я очень боюсь.

– Но известны случаи, – соврал Павлыш, – регрессии...

– Не известны, – отрезал Варнавский. – Я все прочел.

Без стука вошел Штрอมбергер.

– Простите, – сказал он, – я все равно не спал. А вы разговариваете. Я считал. – Он показал им листочек бумаги, положил на стол. – Ничего не выходит. Но можно попробовать.

– Ты о чем, Карл? – спросил Варнавский.

– Попытаться вырваться с планеты.

– Ты думаешь, мне приятнее умереть в открытом космосе?

– Если вырвемся и выйдем на randevу с «Титаном»... там же хорошая лаборатория, да?

– На «Титане» нет специальной лаборатории, – сказал правду Павлыш.

– Но там другие врачи... У нас кончилась плазма.

Вдруг Павлышу показалось – нелепая мысль, – что Варнавский не единственный больной на станции. Кто-то был болен раньше, кто-то раньше занимал эту каюту, кому-то были нужны обезболивающие и плазма. И он уже умер. Но этого быть не могло, потому что по спискам на станции четыре человека. И всех Павлыш видел.

– Я могу поднять «Овод», – сказал Павлыш. – Но «Титана» здесь нет. Он улетел.

– Понятно, – сокрушенно произнес Штромбергер.

Павлыш заметил, что он смотрит на шею Варнавского. Непроизвольно.

Синее пятнышко появилось на лбу Варнавского. Может, Павлыш не заметил его раньше?

– Тогда идите, – сказал Варнавский. – Я немного посплю. А потом буду наговаривать на диктофон. Мне некогда. На этот раз я хочу успеть...

– Надо считать, – сказал Штромбергер. – Я займу компьютер. Он тебе не понадобится?

– Посплю часа два-три, – сказал Варнавский.

– Я управлюсь.

В коридоре Штромбергер прижал Павлыша к стене животом.

– Вы были в лаборатории? – прошептал он. Все здесь шептали. Все таились. Все устали.

Павлыш кивнул.

– Она же даже не сможет его увидеть, – шептал Штромбергер. – Это какое-то сумасшествие.

– Но ее можно понять, – сказал Павлыш.

– Я все понимаю, иначе не согласился бы. Вы не представляете, какой он человек. Я имею в виду Павла. Но сколько это будет продолжаться?

– Вы думаете, мы сможем подняться?

– Но вы не верите, что это что-то изменит?

– Я только знаю, что перегрузки на «Оводе» ему вредны. Ход болезни ускорится.

– Но мы еще посчитаем? Главное, чтобы брезжила надежда. Врачи ведь не говорят: «Вы умрете». Они говорят: «Положение серьезно». Мы все теряем связь с действительностью. Вы же понимаете, что магнитные записи стираются. А он говорит в диктофон. Значит, верит?

«Надо бы спросить, при чем тут магнитная запись», – подумал Павлыш, но Штромбергер быстро ушел.

В лаборатории с Людмилой работала Светлана Цава. Цава была у микроскопа.

– Вернулись? – Людмила обрадовалась. – Только вы его не слушайте. Он пал духом. Нельзя падать духом. Мы обязательно что-нибудь сделаем. Вы думаете – я наивная дура? Я как троглодит, который старается камнем разбить радиоприемник, чтобы он заработал. Но сколько открытий в истории медицины было сделано случайно!

– Расскажите, что вы делаете, – сказал Павлыш.

– Очень просто, – Цава оторвалась от микроскопа. – Мы не видим вирус Власса, но видим последствия его деятельности. Изменения в структуре лейкоцитов и костного мозга. И мы ищем и ищем те средства, которые могли бы остановить процесс.

– Я согласна испробовать все, что есть на станции. Даже чай, даже серную кислоту, – сказала Людмила.

– Вот эту кровь мы взяли у него сегодня, – сказала Цава. – Я воздействую на нее щелочами.

Павлыш внутренне вздохнул. Когда-то Свифт об этом писал. Вроде бы в описании лапутянской академии. Те академики складывали все слова языка в надежде, что когда-нибудь случайно возникнет гениальная фраза.

– Дайте мне записи ваших опытов, – сказал Павлыш. – Я погляжу, что вы сделали за вчерашний день.

– Вот, – Людмила бросилась к шкафу, вытащила пачку листов. – У меня все зарегистрировано. Каждый эксперимент. Вот вчерашние, вот позавчерашние... – Быстрыми пальцами она разбирала стопку записей на тонкие стопочки и раскладывала перед Павлышем. – Смотрите, вот это мы пробовали – начинали с лекарств, которые есть в аптечке... Это еще на той неделе. А это в позапрошлый раз.

Павлыш в растерянности глядел на стопки листов.

– Когда Варнавский заболел? – спросил он.

– В позапрошлый раз, – сказала Людмила нетерпеливо.

– Но вы же говорили...

– Ах, это неважно!

– Людмила, прекрати! – закричала вдруг Цава. Павлыш и не предполагал, что Светлана может так кричать. – Что теперь от этого изменится? У нас же есть оправдание! Сколько угодно оправданий!

– Я ничего не скрываю. Просто, если я сейчас буду объяснять, мы потеряем время. Неужели ты не видишь, как оно убегает?

Светлана поднялась, подошла к Людмиле. Словно не кричала только что. Людмила беззвучно рыдала. Маленькая Светлана обняла Людмилу за плечи.

– Вы только поймите нас, – сказала Светлана. – Наверное, тогда не будет ничего странного. У нас не было выхода. Павел заболел не вчера. И в то же время вчера. Людмила, сядь, успокойся. Павлыш, дайте ей воды. Вон там чистый стакан.

Светлана усадила Людмилу на стул, накапала в стакан из желтой бутылочки.

– Только чтобы я не заснула. Я тебе никогда не прощу, – говорила быстро Людмила. – Я не засну?

– Нет, не заснешь.

Светлана смотрела, как Людмила выпила лекарство.

– Посиди спокойно, – сказала она. И тут же продолжила, глядя на Павлыша: – В общем, какое-то время назад, я потом объясню... Какое-то время назад Людмила увидела на шее Павла голубые точки. Она сначала подумала, что он просто испачкался. А точки не отмывались. И тогда Карл – он ходячая энциклопедия – отозвал меня и сказал, что это похоже на вирус Власса. Все о нем слышали. Всякие драматические истории. Но разве можно было подумать, что это коснется и нас?

– Нет, – согласился Павлыш.

– Я тоже думала, что случайное совпадение. Ведь бывают совпадения. Пигментация, совершенно безвредная пигментация...

– Светлана, перестань, – сказала Варнавская.

– А Павел сам догадался. Тогда же, ночью. Он пришел к Карлу и спросил, не кажется ли ему, что это вирус Власса?

Светлана, говоря, все время оглядывалась на Людмилу, словно ища подтверждения своим словам.

– Мы очень испугались, – продолжала Светлана. – Потому что мы далеко, совсем в стороне, и нет даже маленького кораблика, ничего нет. И связь, сами понимаете, сколько надо ждать ответа. Значит, остались только мы. И вот эта лаборатория... Павел очень хорошо держался...

– Светлана, не надо, – сказала Людмила.

– А почему? Павлыш может сам проверить. Но вы поймите, если бы это было на Земле, то можно уйти, я честно говорю, а тут нас всего четверо, это больше, чем семья, это как будто ты сам. И мы все поняли, что через неделю, может, меньше, Павла не будет. Вот он еще говорит и как будто здоров, а его не будет.

Людмила поднялась, налила себе воды, выпила, не глядя на Светлану.

– Мы все старались что-то сделать. Буквально не спали все эти дни. А Павел думал только о том, чтобы надиктовать общую теорию. Я его понимаю. Наверное, на его месте я вела бы себя так же. Мы все хотим жить не зря...

– Павел жил не зря! – сказала Людмила. – Мы все вместе не стоим его мизинца.

– Не в этом дело, ты же понимаешь, что не в этом дело. А если бы это случилось с Карлом, ты бы думала иначе?

– Я бы тоже все сделала. Но Павел особенный человек. И Карл жив, здоров, и он даже спит. Он вообще не переживает. Он был бы рад, чтобы все закончилось.

– Ты не права, – сказала Цава. – И давай не будем сейчас...

– Молчи!

Людмила выбежала из лаборатории, хлопнула дверью.

– Вернется, – сказала Цава. – Вы поймите ее. Помимо всего, она безумно любит брата.

– И что было дальше? – спросил Павлыш.

– Прошло три дня. Я бы сказала, что мне страшно вспоминать о них. Но не могу, потому что все продолжается... Павлу стало хуже. Вы знаете, синие пятна стали больше, кровь начала перерождаться. Очень сильные боли...

Павлыш подумал, что понял, почему на столике у Варнавского было столько пустых поло-сок. Они были использованы тогда... когда?

– Штротмбергер сказал, что положение Варнавского безнадежно. Вот если бы можно повернуть время вспять... И тут он схватился за свои листочки и стал писать, считать. Он всегда достает листочки, а потом их теряет. У нас есть программа: изучение малых сдвигов. До часа. Даже на изолированной системе это может грозить катаклизмами. А Штротмбергер подсчитал, что наших ресурсов хватит, чтобы увеличить сдвиг. Этого еще никогда никто не делал. И не должен был делать. Мы понимали, что нельзя, но если есть шанс, понимаете, если есть шанс, то мы должны были его использовать. И мы вернули время, повернули вспять. На максимум. На неделю. Это было очень трудно – физически трудно. Время раскручивалось назад с дикой скоростью, и все процессы шли обратно... Как на пленке, которую вы крутите задом наперед. Никто из нас не смог запомнить, как это происходило. И приборы тоже отказались зарегистрировать этот переход. Может, просто еще нет таких приборов.

Вошла Людмила. Она прошла к столу, села к микроскопу. Как будто остальных в комнате не было.

– И вы хотите сказать, что вы сдвинули время на неделю и Варнавский выздоровел?

– Я понимаю, это невероятно. Этого не должно было быть. Время не должно оказывать влияния на физическое состояние организма. Но так предсказал Штротмбергер. И когда Павел пришел в себя и он был здоров, он согласился, что теоретически такую модель построить можно, но объяснить даже он не смог. Как вы объясните человеку, что электрон сразу и частица, и волна?

– И он все помнил?

– Мы боялись, что если опыт удастся, то мы все забудем. Мы даже записали все, что произошло, и надиктовали тоже. Думали, что если забудем, то достаточно будет включить магнитофон.

– И что же?

– Я могу наверняка говорить только о себе. Я помню, как очнулась. Знаете, так бывает после глубокого сна. Сначала ты вспоминаешь что-то приятное, думаешь, что вот птица поет за окном... И только потом вспоминаешь, что сегодня идти на экзамен. Вы понимаете?

– Конечно.

– Очень трудно было вспомнить, что произошло раньше, то есть потом. Было общее ощущение неудобства, боли, моральной боли, и необходимости вспомнить. По-моему, больше всех был растерян Варнавский. Ведь прыжок назад происходил без него. Он был очень плох,

практически без сознания. Я помню, что отстегнулась от кресла – у нас есть акселерационные кресла, специально привезли для опытов со временем. Отстегнулась и вижу – рядом отстегивается Павел. Я смотрю на него и понимаю, что должна что-то вспомнить. А он меня спрашивает: «Что ты мне на шею смотришь?»

Светлана горько улыбнулась. Людмила не поднимала головы от микроскопа, но плечи ее вздрогнули.

– И помогли записи? – спросил Павлыш.

– Оказалось, что магнитофонные пленки пусты. А бумажки целы. Этого даже Карл не смог объяснить. Он вбежал тогда к нам – его кресло в другом отсеке стояло – потрясает бумажками и кричит: «Неделя! Ровно неделя!» В тот момент он был рад эксперименту, рад, что все удалось. Он тоже не помнил, почему мы это сделали. А Варнавский почти сразу спросил: «Почему мы это сделали? Мы не должны были этого делать».

Светлана замолчала.

– А потом? – спрашивать и не надо было. Ответ был Павлышу известен. Но ему хотелось, чтобы в комнате не было молчания.

– К вечеру того же дня все началось снова.

– Нет, – сказала Людмила. Откашлялась. – Ты же знаешь, что нет. Позже.

– Я забыла, – сказала Светлана. – Ты права.

– Нам надо было сразу бросаться в лабораторию, – сказала Людмила. – Не терять ни минуты. А мы сдуру решили, что, может быть, снова это не повторится.

– Нам очень хотелось верить, что не повторится, – сказала Светлана. – И Павлу очень хотелось. Мы даже не говорили об этом в тот день. А на следующий день, перед обедом, ко мне пришел Павел и сказал, что у него синие точки на шее.

– И все повторилось?

– Да! – Людмила резко отодвинула микроскоп. Он чуть не упал. – И вчера повторилось в третий раз. И пускай Павел против, и вы все в душе считаете меня сумасшедшей, но я не могу и не хочу мириться с очевидностью, понимаете? Я уже близко, ты же знаешь. Жидкий азот блокирует...

– Людмила, опомнись, – сказала Цава. – Ты можешь локально блокировать что-то жидким азотом. Но у Павла поражен костный мозг.

– Третий раз... – повторил Павлыш. Теперь ясно, почему они все на пределе. Это не один день, не два, это две недели. Без сна, в поисках выхода, которого нет. И никто не может остановиться, потому что есть возможность вернуть время назад, проснуться утром и увидеть, что все здоровы, что впереди еще осталось время и можно надеяться.

– Меньше двух недель, – сказала Светлана, как будто подслушав мысли Павлыша. – Потому что происходит компенсация времени.

– Я не понимаю.

– Мы отбрасываем планету назад. На неделю. Значит, время на ней идет на неделю сзади всего времени Галактики. Планета не может остаться вне времени. Поэтому объективное время на планете начинает двигаться несколько быстрее, чем время вокруг нее, так, чтобы догнать остальной мир. И этим мы управлять не можем. За каждую минуту, которую проживает сейчас Земля, мы проживаем полторы. Наше время ускоряется. Оно как сжатая пружина. Варнавский говорит, что это великое открытие. Что оно стоит его смерти. Такого не могли представить даже теоретически. Это так и называется – пружинный эффект.

– Эффект Варнавского, – тихо поправила ее Людмила.

– Во второй раз болезнь прогрессировала быстрее, – сказала Светлана. – И сейчас мы думаем, что осталось три дня. Или, возможно, меньше.

5

Штромбергер сказал Павлышу, что для того чтобы в накопителях образовался достаточный резерв энергии для очередного броска назад, потребуется еще два дня. Может, чуть больше. Тогда стоит попробовать выйти за пределы системы на «Оводе».

Варнавский слышал этот разговор. Они сидели в столовой перед чашками стынувшего чая. Синева пятнами наползала на щеки Варнавского. Его знобило.

– Чепуха, – сказал Варнавский. – Зачем это?

– Если дотянуть до четвертого дня, – сказал Карл, крутя в пальцах листочек, – то резервов энергии должно хватить, чтобы уйти дальше в прошлое. Павлыш с вами на борту вырывается в пространство и идет на randevу с «Титаном» в той примерно точке, в которой он отделился от корабля.

– Вы математик, Карл, – сказал Варнавский. – Вы должны понимать. Во-первых, у нас никогда не хватит энергии, чтобы вернуться настолько назад. Во-вторых, планета не выпустит Павлыша...

– Но один раз это случилось.

– Мы не знаем, почему. К счастью, Павлыш остался жив. Шансов на то, что он останется жив еще раз, практически нет.

Варнавский потер указательным пальцем синее пятнышко на тыльной стороне ладони другой руки. У него были красивые пальцы с крепкими квадратными ногтями. Он заметил взгляд Павлыша и отдернул руку.

– Но если вы выйдете, – настаивал Карл, – то сможете дать сигнал. Не исключено, что какой-то другой корабль проходит в непосредственной близости...

– Каков шанс?

Карл промолчал. Павлыш тоже. Оба знали, что шанс приближается к нулю.

– Энергия накопится за день, в лучшем случае за день до моей смерти. Даже если корабль и вырвется отсюда, Павлыш будет вынужден провести несколько недель с моим трупом на борту. Мы полагаем, что вирус не передается, а вирус с трупа?

Варнавский говорил теперь о своей смерти, как о случившемся. Как будто таким образом ему было легче смириться с ней.

Павлыш понимал, что Варнавский несколько преувеличивает. Если бы он умер на борту, Павлыш вынес бы тело и укрепил его снаружи. Но он не мог говорить о том, что будет после смерти с человеком, не желавшим умирать в космосе и причинять этим ему, Павлышу, неудобства. Все это было абсурдно, и, может, даже абсурднее был этот трезвый разговор, чем постоянная истерика Людмилы.

– Но мы должны попытаться! – сказал Карл. Может, излишне горячо. Как будто не был до конца уверен. И Варнавский уловил эту неуверенность.

– Допусти простую вещь, – сказал он. – Что мы не временщики, а геологи. Это уже случилось. Я заболела здесь, на планете. Это плохо. Я хотел бы пожить. И вы хотели бы, чтобы я жил. Каждую секунду на Земле и в космосе умирают люди. Это тоже плохо. Они все хотят жить. И их близкие хотят того же.

– Но мы не геологи! – сказала Людмила, которая незаметно вошла в столовую. – То, что мы смогли отсрочить твою гибель и, может быть, если не сейчас, то на следующий раз, еще через раз мы все-таки найдем противоядие, это не наша – это твоя заслуга! Это твои идеи! И мы не остановимся, пока не докажем, что достойны тебя. Если не в таланте, то в настойчивости.

– Людмила, шла бы ты спать, – сказал Варнавский. – Ты уже не владеешь собой. Сама сходишь с ума и доводишь меня до безумия.

– Как ты можешь так говорить!

– А не кажется тебе, что в происходящем есть определенный эгоизм жертвенности? Ты считаешь, что меня спасают. А ты знаешь, что я умирал три раза, и умирал достаточно тяжело – не дай бог никому так умирать. И завтра-послезавтра умру еще раз – погоди, не перебивай меня! Я знаю, как тебе трудно, как всем трудно, я понимаю, что вами руководит, – вы хотите спасти меня. А я давно мертв. А кончится это тем, что погибнет вся станция. А я не хочу быть скифским царем, с которым хоронили друзей и любимых жен, – Варнавский вдруг улыбнулся. И Павлыш вдруг понял, что раньше он был очень веселым человеком. – Хотя история не знает, чтобы в жертву приносили и медицинских инспекторов.

– Мы-то здоровы! – Людмила разозлилась на брата.

Интересно, кто из них старше? Обоим за тридцать. Но Павлыш не видел их в нормальной жизни. Ведь если Людмила старше, то она наверняка лупила любимого брата в детстве, лупила и всех, кто посмел обидеть его.

– Неужели вы не видите, как ускоряется пружинный эффект? А где предел ускорения времени и предел выносливости человеческого организма? Кстати, частично состояние всех нас объясняется тем, что мы живем в ускоряющемся времени. Павлыш, как вы себя чувствуете?

– Так себе. Но, возможно, я плохо выспался...

– Дело не в этом. Пора бы догадаться.

– И что же? Нам все бросить? И ждать? Ты бы ждал, если бы это случилось со мной? Или с Карлом?

– Нет, – сказал Варнавский.

– Ты непоследователен. Павлыш, я пришла за вами. Вы мне нужны.

– Пойдемте, – сказал Павлыш.

Варнавский только махнул рукой.

6

В лаборатории Людмила спросила:

– Лететь он отказался?

– Я думаю, он прав, – сказал Павлыш. – Он попросту умрет в космосе. И в корабле ему будет труднее, чем здесь.

Павлыш не думал, что Людмила так быстро смирится с этим. Потом догадался, что ей страшно расставаться с братом. Если здесь, на станции, она могла на что-то надеяться, то чудо за пределами планеты, чудо вдали от нее было невысказано. «Эгоизм жертвенности», – повторил Павлыш слова Варнавского.

Павлыш и в самом деле паршиво себя чувствовал. И он видел, как трудно Светлане. Но если они были больны – больны временем, то он, доктор Павлыш, не знал, что от этого помогает. Он украдкой пощупал пульс. Пульс был учащенным. Но от усталости или так организм отзывался на ускоренный бег минут, нарушающий биологические часы, тикающие в каждом организме?

– Я полежу, – вдруг сказала Светлана. – Я немного полежу и вернусь.

– Иди, – сказала Людмила. Она не смотрела на Светлану. Она обвиняла ее в слабости, а может, собственная выдержка Людмилы еще ярче высвечивалась на фоне слабостей окружающих?

Павлыш проверял результаты лапутянских, как он называл их для себя, опытов Людмилы. Но и сам ничего лучше придумать не мог. Он привык к системе, к последовательности, к послушной последовательности причин и следствий. Ему не приходилось соревноваться со временем, причем выходить на этот бой безоружным. Одной настойчивости и веры, как у древних христиан, выходивших с крестом в руке на арену Колизея в Риме против разъяренных львов, было мало. Львы, если против них не вооружиться, побеждают.

Пожалуй, впервые Павлыш оказался воистину в трагической ситуации. В ней была определенность. За тонкими перегородками лежал человек, который умирал в четвертый раз. И старался уменьшить боль лишь для того, чтобы успеть написать, оставить после себя то, что еще жило в его мозгу. Осуждать Варнавского или восторгаться им? Кто здесь герой, кто жертва? Павлыш поймал себя на том, что рассуждает высокопарно, как в высоком жанре.

В этой трагедии Павлыш не только зритель. Он и участник. Пульсирующая головная боль напоминает, что в конце пути спасение одного может обернуться гибелью остальных. Но ни он, ни толстый добряк Штромбергер, ни маленькая Цава, ни отчаянная Людмила, ни даже Варнавский не в состоянии остановить эту все ускоряющуюся карусель.

Вошла Светлана. Значит, она так и не смогла заснуть.

– Карлу кажется, – сказала она деловито, – что его стул лучше, чем в прошлый раз.

Людмила сразу убежала.

Они пробовали на Варнавском всевозможные препараты. Весь день Павлыш старался остановить своих врачей, он допускал лишь те средства, что были заведомо безвредны. Хотя как докажешь, что они безвредны для организма в таком состоянии. Смертельной может стать даже валерьянка.

Примерно через час Павлыш понял, что больше не в состоянии сидеть в лаборатории, и пошел к себе отдохнуть. Людмила вроде и не заметила его ухода.

Павлыш лег на койку, заложив руки за голову. Он не стал раздеваться. Голова раскалывалась так, что все становилось безразлично, – лишь бы боль прошла. Он понимал, что надо встать и думать, что-то делать... И лежал. За иллюминатором была чернота. Без звезд.

Если они не улетят, то следующий виток отступления будет еще короче. Потом еще короче... Наверное, все же надо попытаться взлететь. У них в случае удачи будет три дня. Три дня полета, может, связь с проходящим кораблем... Мало ли бывает случайностей... Взлететь, взлететь, убежать отсюда...

Послышался стук в перегородку. За перегородкой была каюта Варнавского. Стук повторился. Он был тихим, осторожным. Павлыш заставил себя подняться. Хорошо бы оставить голову здесь, на койке.

Павлыш вышел в коридор. Никого.

Он заглянул в каюту.

Варнавский лежал. Лицо его было синим.

– Павлыш, – сказал он, – у нас всего несколько минут. Слушайте.

Варнавский старался говорить быстро, но губы плохо слушались его.

– Я почти кончил, – продолжал Варнавский. – Времени не хватило. Сами понимаете. Да закройте дверь, они могут услышать! Если они снова сделают прыжок обратно, пленки погибнут. Я наговорил на пленки, понимаете, и пленки погибли, потому что я уже не могу писать.

Варнавский повторял фразы, словно хотел вдолбить их в голову Павлышу:

– При обратном переходе пленки стираются. А мне в следующий раз уже не вспомнить. Пружинный эффект снижает деятельность мозга. Снова мне не сделать. Возьмите пленки.

– Вы думаете, что я взлечу?

– Нет. Вы не взлетите. Это невозможно. Вы должны взять пленки. Никому ни слова. Они пленники чувства долга. Если можно что-то сделать, надо делать. Это парадокс. Он никуда не ведет. Если они еще раз сделают прыжок, то я уже не сделаю теории. Понимаете? Тогда я зря жил. Мне легче умереть, если я жил не зря. Мне нужно умереть, чтобы жить не зря. Все очень просто, вы возьмете пленки, и пока никому ни слова. И потом сделаете еще одну вещь. Очень просто. Я знаю. Пульт управления компьютером, который высчитывает и производит прыжок, под станцией. Там люк, вы видели. Вам нужно спуститься туда сейчас. Это просто. Вам надо взять что-то тяжелое и спуститься. Возьмите этот камень. Сувенир, я его взял как сувенир. В день прилета. Я думал увезти его на Землю. Камень, который путешествовал во времени.

Возьмите его. В правой части пульта под стеклом контакты подачи энергии на установку. Разбейте стекло. Разбейте стекло и контакты. Вы поняли? Они не смогут вернуться во времени. И тогда моя работа будет цела. Это самое главное. От человека остается только работа, вы понимаете? Вы должны это сделать...

Варнавский закрыл глаза. Павлыш увидел, как его рука, вся в синей сыпи, тянется к камню, лежащему на столе.

– Ну! – сказал Варнавский хрипло.

Павлыш подошел к столу. Кассеты лежали аккуратной стопкой.

– Три верхних, – сказал Варнавский, не открывая глаз.

Павлыш взял кассеты.

– Теперь идите. Камень! Камень!

Павлыш стоял.

– Я не могу, – сказал он.

– Идиот. Вы убийца...

В словах не было чувств. Была только усталость.

– Я понимаю, – сказал Павлыш. – Но, может быть, не сотрется?

– Сотрется. Обязательно сотрется. Вы же видите, что я не могу подняться. Я прошу вас! Не только ради меня. Ради Людмилы, Светланы, ради вас самого! Вы же не перенесете ускорения времени. Никто не перенесет. Жертвенность – это плен.

То, что просил сделать Варнавский, было самым простым, разумным, и, вернее всего, Варнавский был прав – выход один. Павлыш мысленно уже спустился к компьютеру и разбил стекло. И тогда еще через день, задыхаясь от боли, Варнавский умрет. Инвариантно. Как если бы это была станция геологов. Но оставался маленький шанс, оставалась надежда на чудо – еще три дня, послезавтра Варнавский проснется здоровым, у него и у них будет еще три дня. И что-то получится. Ничего не получится, понимал Павлыш, но послушаться Варнавского означало убить его.

– Ну как вы не понимаете, – повторял Варнавский. – Я сам не могу дойти. Я опоздал. Я хотел кончить и опоздал.

Голова Павлыша раскалывалась. Он протянул руку к камню. Но рука не послушалась его. Вошел Карл.

– Вы здесь? – он ничуть не удивился. – Людмила говорит, что есть надежда. Она говорит про какие-то квасцы. Она просит вас прийти. Как ты, Павел?

– Он тоже трус, – сказал Варнавский. – Он как и ты.

Штромбергер взглянул на Павлыша.

– Я вас понимаю, – сказал он.

7

С квасцами ничего не получилось. Людмила просто очень хотела, чтобы получилось. Но прошел час, прежде чем Павлышу удалось разбудить Людмилу. Павлыш понимал, что уходить нельзя. Прошли еще минуты. Потом Светлана упала в обморок. Тихо съехала на пол.

– Ну вот! – Людмила сказала это так, словно Светлана притворялась.

Павлыш наклонился над Светланой, расстегнул ей ворот.

– Вам помочь? – спросила Людмила.

– Нет, сейчас я сам все сделаю. В этом, по крайней мере, я разбираюсь.

Он с трудом поднялся, подошел к медицинскому шкафу.

Людмила тоже поднялась.

– Я пойду к Павлу, – сказала она. – Карл забудет сделать ему укол.

Карл не дал ей уйти – он вошел в лабораторию.

– Я сделал укол. Он спит. Не ходи. Что со Светланой? Ей плохо?

– Ему не лучше? – спросила Людмила.

Павлыш дал Светлане понюхать старого доброго нашатыря. Когда она пришла в себя, заставил выпить фирменную смесь – ее Павлыш изобрел на четвертом курсе. Весь институт принимал перед экзаменами. Целый месяц Павлыш был самым популярным человеком на курсе.

– Как накопители? – спросила Людмила.

– Завтра, – сказал Карл. – Боюсь, что сегодня еще не хватит энергии.

– В прошлый раз хватило четырех дней.

Карл развел руками.

– Ночью я буду сидеть у него сама, – сказала Людмила. – Вы спите. Все спите. Завтра переход. Мне нужно, чтобы все были бодрые.

– Прости, – сказала Светлана.

И в этот момент мигнул свет. Раз, два.

– Что такое? – спросила Людмила. – Еще этого не хватало!

Павлышу показалось, что станция вздрогнула. Чуть-чуть.

– Что случилось? – закричала Людмила. Она первой побежала к двери. Остальные за ней. Павлышу пришлось подхватить Светлану – ноги ее плохо держали.

Со стороны они, наверное, выглядели смешно. Им казалось, что они бегут, а они плелись, держась за стены.

Дверь к Варнавскому была открыта.

Кровать пуста.

– Где он? – Людмила готова была вцепиться в Карла ногтями. Павлыш оставил Светлану, она сразу прислонилась к стене, и попытался встать между Карлом и Людмилой. – Почему ты ушел?

– Он не мог встать, – сказал Карл. – Я знаю, в таком состоянии он не мог встать. Он спал.

Людмила уже не видела их, она смотрела вдоль коридора. Потом бросилась в его конец. Павлыш не сразу понял, почему. Потом увидел, что Людмила рванула дверь в переходник – шлюзовую камеру. Она решила, понял Павлыш, что Варнавский вышел наружу. Чтобы погнать.

– Нет, – сказал Карл. – Этого быть не может. Ты же знаешь, если человек выходит в шлюзовую, раздается сигнал по всей станции. Ты же знаешь.

И все же Людмила начала набирать код на двери, потом потянула ее на себя. Дверь отошла с трудом.

Внутри загорелся свет. Зазвенел резкий сигнал. Внешний люк был заперт.

– Где же? Где же, где же? – как заклинание повторяла Людмила.

Светлана, перебирая руками по стене, дошла до трапа вниз, к компьютеру. У трапа валялась пустая полоска от таблеток.

Людмила тоже увидела ее.

Она первой спустилась по трапу.

Варнавский лежал головой на пульте. В руке среди осколков стекла виднелся камень. Варнавский не выпустил его.

Он был мертв. Павлыш почему-то подумал, что он был мертв, уже когда разбивал стекло. Разумеется, в его состоянии невозможно было добраться до пульта. Он не мог спуститься по трапу, он просто упал вниз. Уже потом Павлыш узнал, что у Варнавского была сломана рука. Не та, конечно, что с камнем.

Людмила молчала, пока они поднимали Варнавского. Лицо его было спокойно.

Потом Павлыш пошел спать. Время на планете спешило, и надо было выдержать, пока оно успокоится, догнав Вселенную.

Ложась, Павлыш вынул из кармана кассеты Варнавского. И спрятал их к себе в сумку, на самое дно. Он отдаст их Людмиле потом, когда она придет в себя.

Он заснул быстро, проваливаясь в бесконечную пропасть, словно под наркозом. Последней его сознательной мыслью было: «А все-таки Карл дал себя уговорить. Не до конца. Но дал. Он ушел и не пустил Людмилу...»

Несколько раз Павлыш просыпался. После коротких, бегущих кошмаров. Часы его тела никак не могли смириться с тем, что время вокруг движется неправильно.

Кир Булычев. Шестьдесят лет спустя

1

Я сижу на деревянной теплой скамье в зале ожидания аэропорта Шереметьево. Вокруг кипит оживленная деятельность: кричат разносчики лимонада и продавцы сахарного тростника, заклинатель кобр устроился со своей корзинкой у самого входа и мешает людям втискивать свои чемоданы. Все мои провожающие: дети, внуки, золовки, невестки, жены внуков, племянники... (сколько их – пятьдесят, шестьдесят?) – все разбежались. Привезли в зоопарк белого медведя из Австралии. Разгружают клетку на площади. Вот они и убежали.

А мне ведь лучше. Я люблю думать в одиночестве. Размышлять о странных путях судьбы. Минут пять назад внук Коля спросил меня: «А какой снег?» Все зашикали на мальчонку: «Как ты посмел потревожить дедушку таким глупым вопросом? Неужели ты не знаешь, что снег – это мороженое, только несладкое?»

А я помню, как снег покрывал поля, лежал на крышах, как его сгребали с дорог машины... А может, мне кажется, что я помню? Может, я подглядел это на какой-нибудь старой картине?

Нет, я обязательно должен помнить снег. Ведь мне в тот год было шестнадцать. Конечно, шестнадцать. Я родился в пятьдесят шестом, в самой середине двадцатого века.

Мало, ах, как мало осталось на свете людей, которые помнят события того драматического семьдесят второго года. Тогда, кажется, воевали во Вьетнаме и состоялась Олимпиада.

Какой-то пожилой гражданин со знакомым лицом – не начальник ли это моего младшего сына Бори? – сидит напротив меня на скамье, подогнув под себя босые ноги, и шлепанцы валяются на каменном полу. Он смотрит на свой голый пупок и размышляет. Ненавижу этих доморощенных философов. Созерцание пупка не отвечает национальному характеру русского человека. Что бы ни писала об этом «Литературная газета»!

На самом деле мы далеко не столь пассивны, как кажется окружающим. Вспомните, ведь это мы первыми вышли в космос. Мне могут возразить: это же было до перемены климата. А я отвечу: тем не менее нам всегда была свойственна предприимчивость. Я тому пример. Мне семьдесят шесть лет, а я не устал возить в Тбилиси мандарины и манго, собранные на моем подмосковном дачном участке. Пускай некоторые грузины с презрением поглядывают на предприимчивых русских и эскимосов, торгующих овощами и фруктами на их базарах, – кто-то же должен снабжать витаминами страну с умеренным климатом. Мы не виноваты, что мандарины вызревают под Москвой раньше, чем в Баку.

Сосед рядом со мной развернул газету. Все те же новости, все те же темы. Ну как может он охоть при таком, в сущности, банальном известии, как попытка взбесившегося крокодила искушать отдыхающих в Малаховке или об очередной вспышке чумы во Владимире? У нас всегда в жару свирепствует чума, всегда бесятся крокодилы и нападают на людей акулы в Рыбинском море. Ничего удивительного. Вроде бы в Рыбинском море акул до 1972 года не водилось. А может быть, я ошибаюсь. Меня теперь часто подводит память.

Я помню многое, и помню ясно. Потом – провал. Например, четко представляю себе картину лета того года. Мгла от горящих вокруг Москвы лесов, месяц за месяцем температура не падает ниже тридцати градусов, люди умирают на улицах от тепловых ударов, и газеты пытаются внушить населению, что лето пройдет и наступит осень. О, как наивны были верившие этим газетам обыватели. Как анекдот в то лето рассказывали историю о человеке, который покупал дрова, надеясь на наступление зимы. Я отлично помню, что температура в Москве к сентябрю достигла постоянных сорока градусов и начались самовозгорания домов. Помню,

¹ Этот рассказ, написанный в 1973 году, найден в архиве писателя в конце августа 2010 г.

как практически вымер от тепловых ударов город Архангельск. Помню, как падали и тут же умирали люди на улицах Москвы. Помню, как перестала идти вода и люди под палящим солнцем пробирались к пересохшей, мелкой Москве-реке и пытались набрать воды из цепочки луж, в которую она превратилась. Я помню, как мой сосед Сидоров обменял жену на бутылку пива и как завидовали ему товарищи по работе. Да, это было трудное лето, и это была трудная осень.

А вот когда произошел моральный переворот, когда люди смирились и перестали ждать зимы, я не помню. Кажется, это случилось в ноябре. Да, именно тогда вышло в свет историческое постановление правительства о переходе на вегетарианское питание. Ведь теперь выросло поколение, которое твердо уверено, что корова в России испокон веку – священное животное. А я должен признаться: ел когда-то говядину (так называемое коровье мясо). Это большой грех, но грех лишь в глазах моих молодых современников. Да, как сейчас вижу: я открываю газету, и там объявление о переводе крупного рогатого скота в ранг священных животных, о переименовании животноводческих хозяйств в питомники священных коров и о разрешении таким образом проблемы животноводства вообще. И как сейчас стоит перед глазами последняя фраза постановления: «Перегоним США по числу священных коров на уровне мировых стандартов!» Да, было время и были люди!

Тогда мало осталось в живых истинных москвичей. Кожа их слабо переносила загар, они вымирали, но жизнь в Москве поддерживали приезжие – туристы, командировочные, гости столицы. Будучи более закаленными, чем изнеженные прохладой жители столицы, они подменяли их, и процесс этот проходил почти незаметно.

Как-то, было это, кажется, в середине октября, я припелся домой. Было уже тепло – весь день я провел в водопроводной трубе под Неглинкой, – меня встретил отец, вернее, голос его, потому что папа сам уже не мог передвигаться. «Познакомься, мальчик, – сказал папа, – эта женщина отныне твоя мама. Она приехала вчера из Бузулука и заменит нашу маму, которая нас сегодня после обеда покинула». Мне бы надо заплакать, сопротивляться... Но как можно сопротивляться, если температура приблизилась к пятидесяти, и мало у кого из моих сверстников были родители. Я принял новую маму как должное, но что с ней стало потом – не знаю. Отец мой, насколько мне известно, решил спастись и ушел пешком на юг, к прохладе и умеренному климату. Вряд ли он пережил переход через Среднерусскую пустыню.

Ага, вот и возвращается мой сын. За ним – свора его детишек и обе его жены. Как смешно сегодня думать о том, что когда-то у нас была проблема малой деторождаемости. Сегодня на всех стенах висят плакаты: «Ограничивайте число детей восемью! Это разумно!» А что есть разум? Когда под новый, семьдесят третий, год мы были объявлены слаборазвитой страной и нам стали оказывать экономическую помощь более счастливые соседи, рождаемость сразу поползла вверх. Примерно с такой же скоростью, как стала падать грамотность. Говорят, и то и другое произошло от пассивности населения. Ведь, для того чтобы детей рождалось поменьше, родители должны об этом думать. А кто, простите, будет думать в нашем климате?

Мой сын садится рядом и молчит. Жены начинают вытирать сопلي малышам. Женщины всегда суетливы и глупы. Есть мнение, что в ближайшем будущем их ограничат в передвижении и даже, может, запретят им выходить из домов без паранджи. В этом, кажется, есть смысл. У людей и так мало собственности: тростниковая хижина, белая тряпка – национальная русская одежда, его жены и дети. Мой сын, правда, демократ. Я его сам таким вырастил. Он умеет читать и даже подписывается. Это дало ему хорошую работу на кунжутовой плантации в Черемушках. Он бы зарабатывал лучше, но с него берут большие штрафы за то, что обезьяны потребляют посевы.

– Отец, – сказал сын, садясь у моих ног. – У нашей плантации появился тигр. Он уже украл двух рабочих.

– Что делать, сын, – отвечаю я, как всегда, мудро. – Тигры всегда водились под Москвой. Испокон веку.

Я в этом в самом деле не уверен. Но нельзя вносить смущение в мозг моего сына. Он – моя надежда и опора в старости.

– Выпей холодного тростникового сока, – говорю я сыну. – И не думай о тиграх.

Здание аэропорта пошатывается. В «Вечерней Москве» писали уже, что его наполовину сожрали термиты, но администрация аэропорта и в ус не дует. Это прискорбно. Если здание упадет, в будущем придется ждать самолеты под навесом из пальмовых листьев. Как в Новосибирске, куда я в прошлом году ездил закупать копру.

– Ах, – говорит мой сосед. – Быть не может.

И он показывает мне заметку в газете, где сказано, что в Кольской пустыне, у самого моря, обнаружены остатки какого-то древнего города. Ученые, если верить газете, полагают, что город назывался Мурманском.

Что же, все может быть. Мы как-то всей семьей ездили туда, на берег моря, отдыхать. Было, как всегда, очень жарко, и надоедали скорпионы и гремучие змеи. Там высокие дюны, в которых можно укрыть и не один город. Когда-нибудь там могла существовать цивилизация. И она могла называться мурманской. Это было очень давно. Хотя постойте... нет, мне показалось.

А впрочем, я, когда вернусь из прохладной Грузии (сын как раз спрашивает меня, не забыл ли я свитер и пальто, – отвечаю, что не забыл), обязательно зайду в Исторический музей. Мне, как интеллигенту, человеку грамотному и свидетелю больших событий, интересно бывать в этом хранилище прошлого. Там, в небольших комнатах, закрытых для посторонних, хранятся некоторые вещи, выставлять которые неудобно, потому что редкие посетители музея, заходящие туда в основном посидеть в тени и выпить прохладительных напитков, могут считать это пустой выдумкой и обидеться. Там есть картина «Снег идет» и целый ряд предметов из металлов, например монеты и еще кое-что. Некоторые из этих вещей можно встретить в Африке, но сотрудники музея уверяют, что они изготавливались в Москве. Мы иногда вместе с сотрудниками весело смеемся над тем, сколько усилий тратили наши предки для того, чтобы выжить, какие смешные одежды они носили на улицах Москвы, в каких смешных экипажах они передвигались...

Ну ладно, пора кончать размышления. У меня еще будет возможность вернуться к ним в дороге. Вот уже по залу идет стюардесса с хлопушкой и созывает пассажиров на самолетный рейс Москва – Тбилиси. Мои родственники подхватывают тюки и чемоданы. И мы спешим к выходу на посадку.

Вот и наш самолет – очень красивый, современных линий экипаж, запряженный буйволами. После некоторой схватки за места меня удобно устраивают у открытого окошка. Мои мешки с зелеными мандаринами – рядом. Теперь предстоит долгая дорога через пустыню, тропические леса и мангровые заросли Тулы. Только бы мандарины не созрели раньше, чем я доберусь до студеного города Тбилиси.

– Прощай, дедушка! – кричат мои родственники.

Они не надеются меня снова увидеть.

Но я знаю, что вернусь. Мне обязательно надо побывать в Историческом музее и узнать, водились ли тигры в Москве до 1972 года. А вдруг их не было?

1973 г.

Часть вторая Искушение чародея

Сергей Удалин. Искушение чародея

– Обязательно, – улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. – Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

Кир Булычев. Похищение чародея

1

Еще у двери Анна поняла, что в номере кто-то есть. Или только что был. Не то чтобы заметила, скорее почувствовала. По слишком напряженной, как сдерживаемое дыхание, тишине. По идеально заправленной, не успевшей хоть чуточку просесть, кровати. По стерильному, как в лаборатории, пахнущему озоном воздуху. Притом что дверь на балкон была приоткрыта, явно для того, чтобы выветрился запах. Недавно приоткрыта.

Ну что ж, Анна с самого начала ожидала от этой внезапной командировки какого-то подвоха. Слышанное ли дело, чтобы музей-заповедник оплатил дорогу из Питера в Нижний Новгород и обратно в спальном вагоне и забронировал в гостинице двухкомнатный номер люкс на неделю вперед. Откуда, спрашивается, у них такие деньги? И с какого перепуга им срочно понадобилась консультация рядового кандидата исторических наук? Дело ясное, что дело темное. Рано или поздно что-то должно было случиться.

Удивительно, но никакого страха она не испытывала. Только облегчение и спрятавшееся под усталостью любопытство. Даже от мелькнувшего в голове словечка «бандиты» повеяло чем-то забытым, но светлым. И грустным.

И все же она вздрогнула, услышав спокойный, будничный голос:

– Здравствуйте, Анна.

У балконной двери стоял невысокий черноволосый мужчина лет сорока, одетый в деловой костюм неброского темно-серого цвета. Его самого тоже можно было бы назвать неброским, если бы не глаза – синие, пронзительные и какие-то отчаянные. «Гусарские», – вспомнила Анна и одними губами беззвучно прошептала:

– Вы?

– Мы, – кивнул Жюль, заодно отвечая и на следующий, еще не заданный, но уже ставший ненужным вопрос.

Анна отступила на шаг и прислонилась спиной к спасительной стене. Голова кружилась, ноги норовили предательски подогнуться.

– Кин уехал на вокзал, встречать вас. Но, судя по всему, опоздал, – добил ее Жюль новым сообщением.

Нет, надо успокоиться, взять себя в руки. Нельзя, чтобы Кин ее увидел такой растерянной. В конце концов, она уже не та наивная, романтическая девочка. Столько времени прошло, дочка уже школу оканчивает. Хотя, что такое двадцать лет в сравнении с той пропастью, через которую они пролетели?

Значит, командировка – это их работа. Но тогда...

– Что-то случилось? – задала она еще один ненужный вопрос.

– Акиплеша сбежал, – все так же буднично и спокойно объяснил Жюль. – То есть теперь его зовут Акинфий.

– Как сбежал? Куда?

– К себе, в тринадцатый век.

– Та-а-ак, – протянула Анна и решила все-таки сесть в кресло. Каким бы мягким ни был вагон, подъем в пять утра все равно выматывает. Даже если тебя никто не собирается потом огорошить неожиданными известиями.

– Никто не ожидал, что все так по-дурацки получится, – продолжал Жюль, с каждой новой фразой утрачивая былую невозмутимость. – Он ведь уже адаптировался в нашем мире. Пока лежал в клинике, заочно получил высшее образование. Врачам пришлось с ним изрядно повозиться, но в конце концов и пальцы нарастили, и глаз восстановили. Даже рост чуточку подтянули. Он, конечно, и теперь невысок, но вы бы его не узнали при встрече... Не узнаете... – Жюль почему-то замялся и дальше заговорил еще эмоциональней. – Через два года он защитил кандидатскую по физике времени, еще через два – докторскую. Нашу лучшую лабораторию полностью передали в его распоряжение. Разумеется, поначалу за ним присматривали, но, сами понимаете, нельзя этим заниматься бесконечно и безнаказанно. Да и зачем? Акинфий выглядел счастливым человеком, увлеченным работой и довольным жизнью. Семью он, правда, так и не завел, но женским вниманием обижен не был. Никто же не знал, что это все неспроста.

– Он и в прежней жизни здорово умел притворяться, – с неожиданной для себя самой горечью заметила Анна. – Держать при себе свои мысли, свои мечты, свою боль. Может быть, вы его невзначай чем-то обидели и даже не заметили, как и когда.

– Проще простого найти ошибку, когда знаешь, чем все кончилось. Но как мы могли догадаться, если он не хотел ни с кем откровенничать?

– А вы пробовали его разговорить?

– Представьте себе, пробовали. И так пытались подойти, и этак.

– Значит, плохо пытались! Почему-то со мной он сразу...

Анна оборвала себя на полуслове, вдруг сообразив, зачем Кин и Жюль ее сюда вызвали. А впрочем, мало ли о чем она догадалась. Пусть объясняют сами, не стоит облегчать им задачу.

Она с притворно-виноватым видом прикрыла рукой рот, показывая, что не будет больше перебивать рассказчика. Жюль невольно улыбнулся, глядя на ее ребячество, и вернулся к рассказу:

– Лаборатория Акинфия расположена неподалеку от Нижнего Новгорода. Последнее время он заинтересовался барьером между нашим временным витком и следующим – Кин вам, кажется, об этом говорил.

Анна деловито кивнула.

– За каких-то пять лет Акинфий перевернул все наши представления о природе барьера. Но, судя по всему, он поделился с нами не всеми своими открытиями.

«Как прежде с боярином Романом», – подумала Анна, но благоразумно промолчала.

– Мы пока до конца не разобрались, но, похоже, он нашел принципиально новый способ путешествия во времени, не требующий такой колоссальной затраты энергии. Потом тайно разработал установку для перехода, проверил ее работу и при первой же возможности – три дня назад – сбежал.

– Зачем? – не выдержала молчания Анна.

– Мы не знаем, – признался Жюль. – Но даже если бы знали, все равно не можем его там оставить. Для истории Акиплеша умер в 1215 году. И теперь любое его активное действие изменит ход событий. А он знает и умеет очень многое, это вам не огненные колеса запускать! В общем, его нужно уговорить вернуться. И это придется сделать вам. Нас Акинфий и близко к себе не подпустит. А вас... вы же сами сказали, что быстро нашли с ним общий язык.

Анна устало откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Ну да, так и есть. А чего еще следовало ожидать? Не для того же, чтобы просто увидиться с ней, прибыли гости из будущего? Как всегда, производственная необходимость.

Все правильно, только почему-то очень обидно.

– А если я не... – начала она, но не успела произнести последнее слово.

Дверь с шумом распахнулась, и в номер ворвался Кин. Смуглокожий, словно какой-нибудь мавр, запыхавшийся, с недовольной гримасой на скуластом лице, но радостным блеском в небольших серых глазах. Анна обернулась, посмотрела на него и поняла, что согласна отправиться хоть в тринадцатый век, хоть к черту на рога, лишь бы Жюль на несколько минут оставил их наедине.

К счастью, физик-временщик оказался достаточно догадливым и деликатным, чтобы пробормотать нечто неразборчивое, выйти в другую комнату и там нарочито громко чем-то загромоздить. Вероятно, содержимым своих чемоданов.

2

Они стояли на балконе и смотрели друг на друга. По набережной с захлебывающимся воем проносились иномарки, чуть дальше перекликались гудками плывущие по Волге буксиры, баржи и пассажирские теплоходы. Ни Анна, ни Кин, казалось, ничего этого не слышали. Но и сами молчали. Словно боялись все испортить неосторожным словом. А может быть, боялась только Анна.

Она ждала его возвращения много лет. Умом понимала, что этого никогда не случится, но все равно продолжала ждать. Когда умер дед Геннадий – единственный человек, с которым можно было поговорить о реставраторе Терентии Ивановиче из Ленинграда. Когда сама переехала в Питер и начала новую жизнь. Придумывала для него новые оправдания, назначала новые сроки. Вышла замуж, родила дочь, развелась, и все это время, уже ни на что не надеясь, продолжала ждать. Потом так же долго пыталась забыть, но ничего не получалось. Каждого знакомого мужчину она невольно сравнивала с Кином, и ни один не выдерживал сравнения. Как реальность всегда выглядит скучней и тусклее мечты, как живая песня берет за душу сильнее, чем ее текст, напечатанный на бумаге. В конце концов она смирилась с неизбежным, успокоилась, загнала воспоминания в самый дальний уголок души, и если даже иногда наталкивалась на них, то рассматривала с удивлением и легкой грустью, как фотографию одноклассника, в которого когда-то была по-девчоночьи влюблена. Она уже почти поверила, что никакого Кина на самом деле не было, что он просто приснился ей в одну из летних ночей больше двадцати лет назад.

И вот теперь, когда его перестали ждать, Кин вернулся. Почти не изменившийся, по-прежнему серьезный, деловитый, немного уставший. Анна боялась даже подумать о том, какой она видится ему. И, конечно же, не могла не думать об этом. Злилась на себя саму, а потом на него, и снова на себя.

Они стояли на балконе и смотрели друг на друга. Нет, они не молчали, а разговаривали без слов, одними глазами:

Почему ты тогда не взял меня с собой?

Ты же сама понимаешь, что это невозможно.

Понимаю. Но почему ты не попытался сделать невозможное? Почему не вернулся за мной? Почему забыл все, что между нами было?

Но ведь ничего такого и не было.

Было другое. Более важное. Почему ты не понял, что это важно?

Он не выдержал ее укоризненного взгляда и отвел глаза. Всего на одно мгновение. А затем снова попытался оправдаться:

*Но ведь я же все-таки вернулся.
Потому что я вам понадобилась.
Не только поэтому. В конце концов, вы с Жюлем справились бы и без меня.
Но ты быстрее уговоришь меня помочь вам. Вы же всегда торопитесь.*

Он обреченно вздохнул, признавая поражение:

Да, мы опять торопимся.

Анне вдруг стало жаль Кина, и она ухватила за возможность переменить тему. И заговорить, наконец, вслух:

– А что будет, если Акиплеша откажется вернуться?

Кин покачал коротко стриженной головой.

– Не откажется. Он же прекрасно понимает, что мы не оставим его в покое.

– Почему?

– Он слишком многому у нас научился. И не сможет не применять новые знания. Тем более в такой момент, на сломе эпох?

– А что за момент? – удивилась Анна.

За всеми своими переживаниями она не успела об этом подумать.

– У них там сейчас 1237 год. Понимаешь, что это значит? Батый уже идет на Русь. Акинфий не сможет остаться в стороне. И что бы он ни сделал, это изменит ход истории.

– И что тогда?

– Ничего. Мы просто не дадим ему такой возможности.

– В каком смысле?

– Во всех. Мы готовы на любой шаг, если в нем возникнет необходимость.

– Даже на убийство?

– Даже на убийство.

Анна удивленно и недоверчиво взглянула на Кина, словно ожидая, что он заберет страшные слова назад.

– Нет, ты не сделаешь этого. Не сможешь переступить через себя.

– Смогу, – спокойно возразил Кин. – Ведь смог же я...

Он не договорил, но Анна прочитала окончание фразы в его глазах:

Ведь смог же я отказаться от тебя.

Она опустила голову. Возразить на это было нечего. Как не было теперь и возможности отказаться от уготованной ей роли.

3

Для «высадки» Жюль с Кином выбрали рощицу километрах в двух от города. Место укромное, неприметное, и далеко идти не нужно. Опыт двадцатилетней давности ничем не помог, Анна не устояла на ногах, ушибла колено и едва удержалась от выражений, не подобающих супруге почтенного варяжского купца.

Жюль настоял на том, чтобы она даже не пыталась выдать себя за местную жительницу. Первые же произнесенные слова выдадут ее с головой. А здесь, как ни крути, порубежье, край беспокойный. Того и гляди за лазутчицу примут. Лучше уж не скрывать, что ты иноземка.

Анна поднялась с травы, отряхнула широкую юбку. Разумеется, пришельцы из будущего не сомневались в ее согласии и все приготовили заранее – и белое, расшитое незамысловатым узором платье с непривычно длинными, спадающими почти до земли рукавами, и головной платок с серебряным обручем, и янтарное ожерелье. Даже сапоги на этот раз пришлось ей впору. Все-то у них продумано и просчитано, только вот Акиплешу они раскусить все равно не смогли.

Ну да ладно, не время сейчас злорадствовать. Анна огляделась по сторонам – вроде бы все тихо-спокойно – и, не выходя из рощицы, неспешно побрела к городу. Солнце пока припекало несильно, над головой шуршали листья, с берега Волги сквозь редкие стволы берез и осин пробивался приятный, освежающий ветерок. Где-то неподалеку отсчитывала века кукушка. Такая благодать, что хоть жить здесь оставайся. Если только не вспоминать о том, что здесь произойдет меньше чем через год.

Вскоре за деревьями показался бревенчатый детинец на вершине крутого холма. Где-то здесь семьсот лет спустя будет проходить знаменитая Чкаловская лестница, но сейчас вверх вела лишь узкая извилистая тропинка. Впрочем, в крепость Анна заходить не собиралась. Если Акиплеша еще не уплыл из города на какой-нибудь торговой ладье – а Кин с Жюлем не сомневались, что он поступит именно так, но надеялись перехватить его раньше, – то искать его следует на торгу возле пристани. У него попросту нет другого выбора, как прибиться к свите богатого купца. В одиночку путешествовать по здешним краям небезопасно. И без всяких татар хватает воинственных соседей – болгары, эрзя, черемисы. Да и свои ушкуйники немногим лучше. Так что без покровителя Акиплеше никак не обойтись. И еще раз прав Жюль: проще всего ему будет представиться знахарем, травником. И показать свое искусство труда не составит, и вопросов будут меньше задавать. Знахарь – он и есть знахарь, человек не от мира сего.

Анна обогнула холм и без труда отыскала торжище. Оно мало чем отличалось от привычных вещевых рынков – те же прилавки, палатки, навесы, та же праздно шатающаяся толпа. Сам городок был невелик, но на торг, как водится, собирались крестьяне со всей округи. Анна не без труда отыскала ряды, где торговали женскими украшениями и прочей необходимой каждой красавице мелочью, и на ломаном языке, больше всего похожем на то, как говорили фашисты в фильмах про войну, начала осторожно выпрашивать: «А у кого здесь лучшие румяна? Кто может вывести с лица бородавку? А нельзя ли где-нибудь раздобыть приворотное зелье?»

Получасовые поиски привели ее к белому матерчатому навесу, под которым сидел тучный, круглолицый, наголо обритый человек в пестром халате. Конечно, так сильно Акиплеша измениться не мог, но все, с кем Анна успела переговорить на торжище, упорно отправляли ее именно к этому торговцу. Если кто-то и пригреб недавно объявившегося в городе знахаря, то только он. И Анна твердо решила для себя, что не уйдет отсюда, пока не вытянет из толстяка всю правду.

При виде богатой клиентки торговец попытался вскочить на ноги, а вернее, сделал вид, что пытается. Угодливая улыбка чуть не расколола его потное лицо пополам, и торговец запричитал, немного растягивая слова:

– Ой, здравствуй, красавица, здравствуй, бела лебедушка! Зачем пожаловала? Что твоей душеньке угодно? У меня все есть: и румяна, и белила, и жемчуга, и камни самоцветные, и парча, и бархат, и кольца, и браслеты, и косы накладные, и сладости заморские...

Анна со снисходительной усмешкой слушала его излияния и вдруг поняла, что они с торговцем в чем-то похожи: он тоже притворяется иноземцем, хотя наверняка приехал из соседнего города. С таким пройдохой можно было бы поговорить и начистоту, если бы не зеваки,

то и дело проходящие мимо и прислушивающиеся к разговору. Волей-неволей приходилось продолжать игру.

– Нет, не так, перестать, – заговорила она, старательно коверкая слова. – Я хотеть другой. Я хотеть... эликсир... зелье... для любовь.

Она стыдливо прикрыла лицо кончиком платка, продолжая внимательно наблюдать за физиономией толстого торговца. А тот заулыбался еще шире и все-таки соизволил подняться с разложенных прямо на земле подушек.

– Приворотное зелье, что ли? – переспросил он.

– О, так есть, – кивнула она.

– Так это мы мигом, красавица! – чуть не запрыгал от радости толстяк. – Сейчас прикажу слуге, он приготовит. Дорогое оно, это зелье, но тебе – так уж и быть – уступлю за полцены.

Он ухватился рукой за полог, закрывающий заднюю часть навеса, и уже готов был скрыться из вида. Такой поворот Анну не устраивал. Нужно было каким-то образом выманить этого слугу наружу. И она сказала первое, что пришло в голову:

– Подождать! Не ходить! Я хотеть видеть, как делать эликсир. Есть разный человек: один честный, другой обманывать. Третий говорить: никакой приворотный зелье не есть в природа. Я хотеть знать, кто говорить правда.

Из-за полога донеслось неясное бормотание, а затем торговец вернулся обратно. Вслед за ним вышел худой, сгорбленный старик с длинной седой бородой. Он поднял голову и, прищурившись, взглянул на гостью.

Анна невольно вздрогнула: глаза у слуги были разного цвета. Один – карий, другой – ярко-голубой, почти васильковый.

– Знавал я одну княжну, на которую мое зелье точно подействовало, – произнес старик неприятным, скрипучим голосом.

Вот, значит, как. Акиплеша и не думал прятаться – сам во всем признался. От неожиданности Анна растерялась. Что теперь делать? Продолжать играть роль – глупо. Но и раскрываться нельзя: народ вокруг так и шастает.

Анна скосила глаза на проход между рядами. К навесу как раз приближался усатый стражник в короткой кольчуге и с копьём в правой руке. За левую уцепилась невысокая молодая женщина в домотканом платье и лаптях. Разглядеть ее лицо никак не получалось: она ежесекундно поворачивала голову в сторону спутника и без умолку что-то ему тараторила. Тот слушал с недоверчивой улыбкой, но не перебивал и не пытался высвободиться.

Вдруг женщина остановилась, отпустила руку стражника и завопила, тыча пальцем в сторону Анны.

– Вот она, ведьма! Держите ее!

Анна еще не поняла, что происходит, но уже не сомневалась, что дело плохо. Она помнила про кнопку возвращения, укрепленную у нее за ухом. Но исчезать на виду у всех, так и не поговорив с Акиплешей!

– Что есть ведма? – произнесла она, поворачиваясь к стражнику. – Что говорить этот женщина?

Она рассчитывала потянуть время и все-таки придумать какой-нибудь выход. Но получилось только хуже.

– Она это, истинный крест, она! – еще громче завизжала женщина, а вокруг уже начал собираться народ. – Я как раз в лесу ягоды собирала, вдруг вижу: стоит. А только что никого поблизости не было. Не иначе – с метлы спрыгнула. Но я виду не подавала, а потихоньку кралась за ней до самого торжища. И слышала все, что она говорила: все про зелья какие-то выпытывала. Отравить она нас хочет – вот в чем дело! И говорит не по-нашему, а во всем посаде нынче ни одного иноземного гостя не сыщется. Ведьма, как есть ведьма!

Тут нервы Анны не выдержали, она оглядела волнующуюся толпу, а затем метнулась за полог, едва не сбив по дороге толстого торговца. Проскочила заднюю часть навеса, оказавшуюся чем-то вроде склада. Мешки, свертки и корзины разлетались у нее из-под ног. Выскочив в соседний ряд, Анна поняла, что не успеет смешаться с толпой, и с ходу рванула в узкий просвет между двумя палатками. За ними торжище заканчивалось, но от этого было ничуть не легче. Ровная поляна тянулась чуть ли не до самой воды, и нигде не росло ни единого кустика. Только старый покосившийся сарай с болтающейся на одной петле дверью. Раздумывать было некогда, и Анна помчалась к нему, успев заскочить внутрь как раз в тот момент, когда из-за палаток показались преследователи.

Она добежала до конца сарая и уткнулась в глухую стену. Сарай оказался абсолютно пустым, спрятаться здесь было негде. Сквозь дырявую крышу пробивались солнечные лучи, освещая даже самые укромные углы. Оставалось одно – возвращаться назад.

Она сделала два быстрых шага и вдруг ударилась об какую-то не замеченную в полумраке преграду. Повернула в другую сторону и снова наткнулась на невидимое препятствие. В буквальном смысле невидимое. Хуже того – Анна перестала различать стены сарая, дырявую крышу и приоткрытую дверь. Вокруг был только непроглядный серый туман. Она вытянула вперед руку и коснулась чего-то мягкого, но прочного, напоминающего на ощупь хорошо надутый воздухом матрас для плавания. И, судя по всему, она находилась не снаружи, а внутри этого матраса.

Теряя голову от ужаса, Анна со всей силы нажала на кнопку за ухом. Потом еще раз, и еще. Ничего не изменилось.

4

Анна не знала, сколько времени провела в мучительной неизвестности и неподвижности. Скорее всего, немного, но теперь она начала понимать смысл нелепой фразы про минуту, показавшуюся вечностью. Потом серый туман справа от нее засверкал серебряными искрами, и через мгновение рядом с ней появился давешний бородатый старик.

– Ну, здрава буди, княжна! – произнес он тем же скрипучим голосом. – Вот уж не чаял снова свидеться.

– Аки... Акинфий, – выдавила она из себя.

– Да чего уж там, – хихикнул старик. – Прозывай меня как прежде – Акиплешей.

Но Анне сейчас было не до шуток.

– Значит, это ты поймал меня?

– Я сделал так, чтобы тебя не словили другие. Да и мне так сподручней будет с тобой словом перемолвиться.

– Но как ты это сделал?

Акиплеша покачал взъерошенной головой.

– Не гневайся, княжна, но ты не уразумеешь. Этого пока никто, oprичь меня, не разумеет. Поведай-ка лучше, что они мне передать велели.

– Кто «они»? – притворно удивилась Анна и неожиданно поняла, что Акиплеша тоже притворяется, старается говорить, как раб боярина Романа, с которым она когда-то давно познакомилась. Двадцать один год назад. Или семьсот с лишним? Да какая разница?

– Полно, княжна! – махнул рукой Акиплеша, и по этому движению она поняла, что и стариком он тоже прикидывается. А на самом деле сил и здоровья в нем куда больше, чем прежде. А ведь и тогда он в одиночку сумел одолеть боярина. А сейчас, наверное, и от десятка стражников отбилась бы. Но предпочел поступить иначе. – Не так уж трудно домыслить, кто тебя сюда послал. Что они хотят?

– Они хотят, чтобы ты вернулся.

– Нет, я не вернусь.

Акиплеша гордо выпрямился и теперь доставал макушкой до плеча Анны.

– Почему? Тебе у них не понравилось?

– Эх, кабы так! – вздохнул беглый чародей. – Нет, хорошо там у них, благостно. И глазу отраднo, и сердцу любо, и голове есть чем себя занять. Это такое сладкое искушение – позабыть обо всем минувшем и наслаждаться жизнью! Только совести все одно было неуютно. Я-то там блаженствовал, а здесь люди мучились. Живые люди, хотя для Кина твоего они уже умерли полторы тысячи лет назад. А для Жюля – и подавно. Но ты-то, княжна, должна понять, каково это – разрываться между мирами.

Анна не стала отвечать. Он ведь и не спрашивал на самом деле.

– Пока не было выбора, я еще как-то терпел, – продолжал исповедь Акиплеша. – А потом, когда уже понял, как вернуться, каждый день в адову муку превратился. Не выдержал я, княжна. И ни секунды об этом не жалею.

Он замолчал, задумчиво глядя в серый туман.

– И что ты теперь будешь делать?

– Жить буду, что ж мне еще остается, – невесело усмехнулся чародей. – И по мере сил помогать жить другим.

– Но ведь они же... – вырвалось у нее.

– Ну-ну, договаривай, раз уж начала, – жестко прищурился Акиплеша.

– Они сказали, что убьют тебя, если ты начнешь вмешиваться в ход истории, – не стала изворачиваться Анна.

– Вот оно как, – пробормотал чародей после долгого молчания. Потом вскинул голову и самодовольно усмехнулся. – Не беда, руки у них короткие. Не дотянутся.

Он обошел вокруг Анны раз, другой, развернулся и зашагал по тому же маршруту в другую сторону.

– Ну, добро, – заговорил он наконец. – Раз уж такое дело, раз уж история им дороже живых людей, то и быть по сему. Жалко мне их, неразумных, невдомек им, что один человек ничего изменить не в силах. Но пусть не тревожатся – я и пытаться не буду. Придумаю что-нибудь другое.

Улыбка у Акиплеши получилась грустной, но вовсе не такой безнадежной, как слова.

– Ой, лукавишь ты, чародей, – ответила на его улыбку Анна. – Ты ведь уже что-то придумал, да? Признавайся.

– Придумал, – кивнул он. – Только не пытайся, что именно. Сама скоро догадаешься. Но это дело будущее, или прошлое – как посмотреть. А сейчас тебе возвращаться нужно. Заждались поди.

Акиплеша снова хихикнул, но теперь смех его уже не казался Анне неприятным.

– На вот, передай Жюлю, – чародей протянул ей крохотную сверкающую бусинку. – Он будет доволен. А теперь прощай, добрая душа! Пусть и тебе счастье в жизни улыбнется.

Анна хотела что-то ответить, о чем-то еще спросить, но Акиплеши рядом уже не было. А сама она стояла посреди убогого сарайчика с прогнившей крышей. И кнопка возвращения на этот раз сработала исправно.

5

– Ты уверена, что он не попытается ничего изменить? – еще раз переспросил Жюль.

Анна не удивилась, застав в номере его одного. И не стала ничего выяснять. И так понятно. Она сделала свое дело, и теперь мавр может уйти.

– Уверена. Да ты сам подумай. Хорошенько подумай. Акиплеша изучал временной барьер, так? И сам умеет выставить барьер – извини, я не разобралась, какой природы.

Но невидимый глазу барьер. Далеко уходить из Нижнего он явно не собирается. А меньше чем через год на Русь нападут монголы.

Она остановилась, подождала немного, безнадежно вздохнула.

– Ну, соображай же! Неподалеку от Нижнего Новгорода, монголы, невидимый барьер...

– Китеж! – потрясенно пробормотал Жюль. – Значит, он действительно не будет изменять реальность! Наоборот, превратит в реальность легенду. Ай да Акинфий! Ай да сукин сын!

Он еще что-то говорил, но Анна уже не слушала. Думала о своем.

Вот все и закончилось. Опять, и теперь уже навсегда. Все остались довольны. А она сама? Трудно ответить честно. И еще трудней согласиться с таким ответом. Но что еще можно сделать, кроме как согласиться? Лишь надеяться, что когда-нибудь ей действительно улыбнется счастье, как обещал Акиплеша.

Стоп! Не все довольны. Он еще просил передать Жюлю бусинку.

Анна подошла к физику, взяла его за руку и положила шарик в раскрытую ладонь.

– Это тебе, – объяснила она. – От него. На память.

И отошла. Не стоит омрачать человеку радость своим кислым видом. А она уж как-нибудь перетерпит. На балкончике. Том самом...

Пострадать в одиночестве Анне, однако, не дали. Через минуту на балкон ворвался сияющий Жюль, ухватил ее за плечи, затряс, словно грушу, и заорал так, что наверняка переполюшил всю гостиницу:

– Знаешь, что ты мне принесла? Это же выкладки Акинфия по новому способу прыжков во времени! Я еще не проверял, но похоже, что для них потребуется на три, на четыре порядка меньше энергии. Понимаешь, что это значит?

Анне не хотелось ничего понимать, но из вежливости она все-таки задала ожидаемый вопрос. Как только Жюль перестал ее трясти.

– И что же это значит?

– Это значит, что скоро люди смогут путешествовать во времени, когда только ни захотят. На экскурсию, в командировку или просто в гости. Навестить родственников, например.

– Разве это кому-нибудь нужно? – не удержалась от горькой реплики Анна.

– А это уж вы с Кином сами решайте, нужно или нет, – ответил Жюль, на мгновение замер и вдруг захохотал. Сочно, неудержимо, взхлеб.

– Ну я и осел! – с трудом проговорил он, справившись с очередным приступом. – Забыл! Надо же – забыл! Мы так перепугались, когда ты исчезла с экрана. Кин вообще голову потерял. Хотел немедленно отправиться за тобой, спасти тебя. Я попробовал его отговорить, мол, мы даже не знаем, где ты, не знаем, куда его отправлять. Но Кин и слышать ничего не хотел, пытался меня оттолкнуть и сам сесть за приборы. А у меня тоже нервы не железные. В общем, пришлось легонечко приложить его по затылку, оттащить в ванную и там запереть от греха подальше. А потом ты вернулась, и я про него забыл, представляешь?

Анна даже если б очень хотела, все равно не смогла бы ничего ответить. А Жюль стремглав кинулся к ванной, протянул руку к шеколде, но в последний момент передумал:

– Слушай, может, ты сама его освободишь? А я, пожалуй, пойду пока прогуляюсь. А то мало ли что! Он же здоровенный, черт! Никогда бы не подумал, что в нем столько силы.

Он потер уши, блондин в схватке с другом локоть и снова рассмеялся. На этот раз – беззвучно, одними лишь отчаянными, гусарскими глазами.

Часть третья

Папа навсегда!

Олег Пелипейченко. Тайна очередной планеты

*Хоть бога и нет, я остаюсь его представителем на Луне.
Кир Булычев. Белое платье Золушки*

Ранним июльским утром Алиса и Громозека стояли возле вишневого дерева и лакомились спелыми ягодами. Кроме них, на биостанции никого не было – недавно в созвездии Льва открыли потрясающую курортную планету, и уставшие от срочных дел ученые всей Галактики немедленно взяли отпуск и улетели туда отдыхать. Вообще-то экипаж «Пегаса» и сам, может, был бы не прочь посетить модный курорт, но дело в том, что именно он и открыл эту планету. Полосков, Зеленый и Селезневы целых две недели загорали, купались и дышали целебным морским воздухом. В конце концов, все настолько устали отдыхать, что ужасно обрадовались, когда к ним прилетел Громозека. Ему срочно понадобился помощник для проверки его новой гипотезы о том, что на самом деле развалины Паленке в Мексике – это остатки спортивного комплекса древних инопланетян. Разумеется, Алиса тут же убедила доверчивого археолога, что лучше нее с этим не справится никто.

Сейчас Алиса и Громозека ждали очередного звонка Аркаши Сапожкова, который никак не мог уговорить родителей бросить все и срочно умчаться с курорта в Москву. Он позвонил Алисе на личный браслет и попросил ее хотя бы пару дней присмотреть за балазанием с планеты Барвикс. Алиса согласилась и вскоре пожалела об этом: Сапожков теперь звонил не переставая и подолгу пытался выведать малейшие подробности о здоровье своей подопечной. Последний раз сигнал браслета разбудил девочку в два часа ночи; уставшая после перелета Алиса очень рассердилась и отругала беспокойного одноклассника. Только после этого Аркаша немного утомился.

Громозека для вида немножко поогорчился непредвиденной задержке, но в душе был даже рад: он давно мечтал побывать на Алисиной биостанции, да все как-то не получалось.

– Громозека, – сказала Алиса, решительно выстрелив косточкой прямо в ковш роботы-уборщику, – ты всегда говорил, что обещания надо выполнять.

– Правильно, – кивнул археолог и разгрыз очередную косточку. Он считал, что вишни – это на самом деле такие орешки с толстой и мягкой скорлупой, и Алисе никак не удавалось его разубедить. Впрочем, она не особо и старалась, потому что вся мякоть доставалась ей.

– Когда мы возвращались из системы Единорога, ты обещал рассказать о великой загадке чумарозцев, – напомнила ему Алиса. – Взамен того что я не буду проситься на раскопки трех пиратских планет в Сером облаке. Я честно не просилась, меня комиссар сам привлек в качестве специалиста по пиратам, так что условие соблюдено. Я слушаю.

У Громозеки из ноздрей пошел желтый дым – это означало, что он очень расстроен.

– Это нечестно с твоей стороны – ловить меня на слове, – пожаловался он. Видно было, что Громозеке до смерти не хочется рассказывать. – Я всего лишь хотел оградить тебя от опасностей Серого облака, поэтому и пообещал невыполнимое. Как друг ты должна благородно отказаться от своих требований.

– Я тебе, конечно, друг, но отказываться не буду, – сказала бессердечная Алиса. – Ты всегда говорил, что за свои слова надо отвечать. И выполнить это обещание тебе вполне по силам, так что и не пытайся меня взять на жалость.

Громозека укоризненно глянул на Алису, покачал головой и глубоко вздохнул. Спелые вишни градом посыпались с ветки, за которую он держался.

– Всем известно, что чумарозцы – милый и дружелюбный народ, – начал он, дощелкав очередную горсть косточек. – Ко всем разумным существам мы относимся очень хорошо. И некоторые слишком разумные существа этим бессовестно пользуются, – добавил он, строго поглядев на Алису. Девочка с трудом сдержала улыбку. Громозека это заметил и нахмурился. – Нет, все-таки поклянись, что никому никогда не расскажешь ни словечка из того, что услышишь. Если из-за меня эта тайна выплывет наружу, то соотечественники будут очень рассержены и мне придется застрелиться лазерной лопаткой для раскопок.

– Клянусь, – торжественно пообещала Алиса и прижала руку к груди. – Ты же знаешь, что я надежный человек.

– Знаю, – смягчился Громозека, – поэтому и рассказываю.

Ты уже встречалась с чумарозцами, поэтому знаешь, какие они умные и высокоразвитые. Взять, например, меня... Впрочем, ладно, сейчас речь о другом. Как и все цивилизации, вышедшие в космос, чумарозцы давно позабыли, что такое религия. Но у моего народа есть один секрет, который передается из поколения в поколение: все чумарозцы, от мала до велика, свято верят, что их сотворил по своему образу и подобию один бог.

Это был очень злой и жестокий бог. Он жил в глубокой трещине на дне центрального океана. Каждый месяц этот бог требовал, чтобы жители подводных городов приносили ему в жертву самых толстых и красивых чумарозок. Сначала он их мучил, заставлял выполнять самую тяжелую и противную работу, а потом съедал на ужин. Но в конце концов терпение у народа лопнуло, и началось восстание. Множество древних горожан расстались в тот день с жизнью, потому что бог был крупнее и сильнее любого из них в десятки или даже сотни раз. Однако чумарозцев было очень много, на место одного погибшего вставляли двое свежих бойцов, и уstraшенный бог наконец бежал с поля сражения. Многие смелые герои пытались его отыскать, но все их попытки так и закончились ничем. Чумарозцы обыскали все моря и океаны, однако злой бог как в землю провалился.

Наши предки сначала тоже были злыми и жестокими. Они жили в глубинах океана и сражались с враждебной окружающей средой. Но потом они вышли на сушу и увидели, как прекрасна земля. Леса и поля, реки и озера, животные и растения нашей планеты привели в восторг суровых подводных жителей. И чумарозцы понемногу подобрали и поумнели, стали развивать науку и промышленность, построили космические корабли и прилетели на Землю.

И все было бы просто замечательно, если бы не два обстоятельства. Во-первых, еще в те далекие времена Верховная Океанская Пророчица сообщила чумарозцам, что божественный тиран укрылся в самом глубоком и труднодоступном месте, и если его не найдут, то через пять тысяч лет он вернется и уничтожит всю планету. А во-вторых, в начале этого века в самую крупную вычислительную машину заложили психологический портрет бога и обстоятельства его бегства. Компьютер подтвердил слова Пророчицы и в придачу к этому рассчитал число, которым будет выражаться его злость на подданных к моменту возвращения.

– И что это было за число? – спросила любопытная Алиса. Она уже давно перестала есть вишни и внимательно слушала археолога.

– Не знаю, – ответил Громозека. – Говорят, оно в экран не поместилось. Да, так вот, о чем это я? Ага. Все жители Чумарозы очень серьезно отнеслись к предупреждению пророчицы. Самые последние, самые свежие достижения науки и техники тут же использовались в очередном поиске. Кстати, именно поэтому на Чумарозе так много археологов. Каждый надеется, что именно он сможет найти подсказку, куда мог сбежать бог. Однако после того, как всю планету просветили специально изобретенным излучателем, стало ясно, что бога на ней нет. Наши ученые сейчас строят самые разные гипотезы – о параллельных мирах, о перемещениях в прошлое. Но мне кажется, что он просто улетел на другую планету.

– Громозека! – строго сказала Алиса. – Мы с тобой облетели почти всю Галактику и многое повидали. Ты сам бывал в эпохе легенд и встречался с разными сказочными существами. Они действительно существовали, это научный факт. Но никогда, за всю историю Земли, на ней не было богов. То же самое выяснили ученые других планет. Боги – это антинаучная выдумка. А инопланетные боги – это инопланетная антинаучная выдумка.

– Ну хорошо, пусть не бог, пусть это окажется просто огромное и могущественное древнее существо. Чумарозцам от этого будет не легче, – возразил Громозека.

– Столько времени ни одно существо не может прожить, это я тебе как биолог говорю, – убежденно заявила Алиса. – Кроме джиннов, но они не в счет, у них в бутылках время идет гораздо медленнее. Так что чумарозцам некого бояться. Ты мне веришь?

Громозека думал минут пять. Потом пристально поглядел Алисе в глаза и кивнул.

– Как это ни удивительно для такой юной девушки, но твои выводы всегда оказывались верными. Я не вижу причин не поверить тебе и на этот раз.

– Спасибо, Громозека, – серьезно поблагодарила друга Алиса. – Ты самый трезвомыслящий ученый из всех моих знакомых. Только объясни, пожалуйста, еще одну вещь: почему вы храните эту историю в тайне?

– Так ведь засмеют, – застенчиво проговорил Громозека и посинел от смущения. – Такая высокоразвитая цивилизация, и вдруг – бог. И вообще...

Из оранжереи послышались громкие хлопки. Громозека от неожиданности подпрыгнул на месте и увяз в мягкой почве по самые щиколотки.

– Это что такое?!

– Не пугайся, это балазания ухаживает за молодой порослью. Идем посмотреть, это интересно, – сказала Алиса, быстро набрала в пригоршню вишен и направилась к стеклянному домику.

Громозека кое-как соскреб землю с пяток и направился за ней. Зайдя за угол, неловкий археолог случайно наступил на хвост уникальному экземпляру кутоши лечебной, мирно спавшей под кустом ежевики. Никто из ребят не знал, каким ветром эту бродягу космоса занесло на Гоголевский бульвар в Москве, но, увидев у дверей станции голодную кутошу, все очень ей обрадовались, накормили, напоили и предоставили для жилья пустующий вольер. Выдернув хвост из-под тяжелой ноги Громозеки, кутоша страдальчески закатила глазки на стебельках, но ничего не сказала и даже нашла в себе силы улыбнуться – она была умной и очень вежливой. Громозека содрогнулся, пробормотал извинение и поспешил за Алисой, оставив за собой насмерть разобиженную кутошу.

Догнав Алису, Громозека вдруг хлопнул себя по лбу:

– Да, совсем забыл. Есть еще одно странное обстоятельство: задолго до контакта на вашей планете откуда-то узнали чумарозское слово «фхтагн». Но теперь я думаю, что это, скорее всего, случайное созвучие. Должно быть, это понятие из какого-то местного диалекта, или обычное слово, изменившееся за тысячи лет, или забытый термин из вымершего земного языка.

– Наверняка, – подтвердила Алиса и взяла со скамейки лейку.

Николай Калиниченко. Mirabele Futurum

*...От того, насколько хорошо вы будете хранить нашу тайну,
многое зависит. Это не игрушка. Это Время.
Кир Булычев*

Глава первая Узник Меркурия

Белый цилиндр метров на сорок выходил из расщелины. Над ним огненной короной вставало непривычно большое Солнце. В наушниках скафандров высокой защиты шумел первобытный гимн частиц. Алиса взглянула на Громозеку. Могучий чумарозец, обычно подавлявший окружающих размерами, казался маленьким и хрупким в сравнении с гигантским артефактом.

– Это корабль? Чей он?

– А как ты думаешь? Неужели забыла мои рассказы? – Громозека оскалил пасть в хищной улыбке.

– Полночные скитальцы? Но это ведь пока не точно? – Алиса вспомнила, что Громозека уже как-то копал на Меркурии. Но там были остатки корабля, а этот казался целым.

– Когда речь заходит об этих древних бродягах, точно нельзя сказать ничего, – археолог выпустил из ноздрей облако едкого желтого дыма, который тут же втянула система рециркуляции воздуха. – Что мы знаем? Несколько памятников, разбросанных по Галактике. Всегда очень старые. Всегда в труднодоступных местах. Ни барельефов, ни росписей. Только безупречные геометрические фигуры. Еще есть свидетельства старейших звездных рас. Но они больше похожи на сказки.

– Да-да, я читала, – вспомнила Алиса, – ушаны считают, что скитальцы обитали в космосе, а стратозябли утверждают, что те существовали сразу в пяти измерениях.

– Вот именно. И здесь на Меркурии эта штука стала доступна после того, как в этом районе началась нехарактерная для планеты вулканическая активность и разрушилась часть скального карниза. Очень старого карниза, – чумарозец указал одним из щупалец на обломанный базальтовый гребень. – Сколько, как думаешь, она тут проторчала?

– Тысячи лет.

– Или сотни тысяч... Нет, вы только посмотрите! Ты как распыляешь, ротозей? – Громозека тяжело протопал по вырубленным в скале ступеням, перескочил через ручей расплавленной породы и напустился на многорукого уроженца планеты Брахион, который при помощи дезинтеграторов расчищал основание чужого корабля.

– Кто ж вглубь распыляет? Ты мне сейчас весь культурный слой угробишь! Дай сюда! Вот так надо. Параллельно поверхности. Осторожненько. И, ради вселенной, не забывай сканировать!

– Да я сканировал минуту назад. Нет там ничего, одна пустая порода, – оправдывался нерадивый копатель.

– Вот из-за таких, как ты, Вундук, Арктурианская империя рухнула на пять веков раньше срока! Нужно было послушаться Верховцева и собрать экспедицию роботов! – Рассерженный археолог резко развернулся вокруг своей оси. – Валерьянки мне! Срочно!

Походный сервировочный столик поднял из своих глубин графин с красноватой жидкостью и заспешил навстречу хозяину, посверкивая колпаком защитного поля.

– Ух ты! – Вундук выпростал из-под корпуса две пары нерабочих рук и несколько раз перекрестно соединил их – жест крайнего удивления у брахионитов.

– Ух ты? В каком смысле «Ух ты»? – насторожился Громозека.

– Есть сигнал! – Вундук указал на артефакт. – Впадина. Вон там.

– Так, что я говорил?! А ну-ка дорогу! – великий археолог стремительно преодолел расстояние до безмолвного корабля скитальцев и принялся расчищать себе дорогу при помощи зловещего черного импульсара. Встань сейчас между Громозекой и его находкой вся армия пиратов Веги, и он разделал бы их под орех. Чего уж говорить про беззащитный культурный слой. Обиженный Вундук с укором смотрел на своего начальника.

Порода отступала под напором чумарозца, и вскоре взглядам археологов открылась небольшая ниша. Громозека первым заглянул в неизвестность и вдруг громко присвистнул.

– Ничего себе! Иди-ка сюда, ребенок.

* * *

– Что, если это ловушка? Я считаю, нужно вызвать патрульный крейсер и перевезти артефакт на Землю. – Громозека прошелся перед кораблем туда-сюда. – Ты закончил Вундук?

– Да. В общих чертах, – брахионит отключил сканер.

– И что там?

– Внутри нет полостей, тоннелей, кают. Только камень или что-то очень похожее на камень.

– Источники энергии, провода, металл, хоть что-нибудь?

– Ничего, – Вундук очень по-человечески развел руками.

– Вот видишь, Громозека, ничего страшного, – заулыбалась Алиса, – летали себе по космосу эстеты-скитальцы, разбрасывали обелиски с оттисками человеческих ладоней.

– Отцу твоему что я потом скажу? – не сдавался археолог.

– А ты не говори.

– Я не скажу – Вундук настучит.

– Я бы попросил, – от обиды в безупречной космолингве брахионита прорезался неожиданный акцент, – мне ваши предположения очень удивительны. Я даже не имею честь знать уважаемого профессора Селезнева.

«А я знаю профессора Селезнева? – подумала Алиса. – Что мне на самом деле известно об отце? Что он классный, добрый и самый лучший? И вот развелся с мамой. Теперь пропадает в постоянных командировках. Родители и раньше подолгу бывали вне дома, но теперь их отсутствие стало каким-то безнадежным, окончательным». От внезапной осязаемой пустоты в квартире, от странных снов и шорохов она и бежала на Меркурий.

Девушка подошла к нише. Сомнений не было, прямо посреди углубления в толще монолита отпечатался след узкой человеческой ладони.

Что бы сказал Зеленый, окажись он здесь? «Это добром не кончится!» Но его здесь нет. Он сейчас с отцом где-то в джунглях Эвридики ловит самку малого дракончика. Хорошо, что они вместе. Впрочем, Зеленый все равно не согласился бы встречаться с Громозекой.

Алиса решительно шагнула вперед и приложила ладонь к впадине. Вернее, попыталась приложить. Умный скафандр утончился насколько мог, но все же не дал возможности уместиться в оттиск.

– Не получается, – Алиса повернулась к археологам, – нужно без защиты.

– Даже и не думай! – испугался Громозека – Ты представляешь, какая здесь атмосфера? А радиация? А температура?

– Я сяду на сервировщик, – придумала Алиса, – у него поле защитное. Мне скафандр совсем снимать не нужно. Только ладонь освободить.

– Запрещаю! – прогремел ученый.

Но Алиса уже позвала робота и уселась на его плоскую спину. Ни дать ни взять Европа на быке.

– Ты почему не слушаешь? А вдруг это опасно? – негодовал чумарозец.

– Да не беспокойся Громозекочка, ну что может со мной случиться на Меркурии в двадцать первом веке? Я в вашей экспедиции единственный человек. Это же судьба, – Алиса подмигнула обеспокоенному гиганту, – и потом я уже взрослая девушка.

– Вы земляне и взрослые точно дети, – вздохнул археолог.

Алиса на сервировщике подъехала к корпусу корабля, так что защитное поле робота совместилось с корпусом, и потянулась к углублению. Ткань скафандра отхлынула, обнажая ладонь. Девушка приложила руку к обелиску, и та полностью совместилась с углублением. Опять ничего не случилось. Камень холодит ладонь. В наушниках бушуют помехи, что-то ворчит Громозека.

– Не работает, – Алиса вздохнула. А мнилось-то, что сейчас, как в фантастических романах, откроется дверь к тайнам вселенной. Она отняла руку от камня и вернула скафандр на место. – Послушай, Громозека, может, это розыгрыш? Может...

И тут корабль ожил.

Глава вторая

Письмо из будущего

Ночью прошел дождь. У метро «Смоленская» натекла огромная лужа. Коля стоял на самом краю разлива и смотрел вниз. Оттуда, из глянцевого водного зазеркалья, таращился на него загадочный двойник.

Задумчиво смотрю в оконное стекло
На капель дождевых бездумное движение.
Из мокрой темноты на мир взирает зло,
И сумрачно мое-чужое отражение...²

Нет, антипод с оттопыренными ушами не был зол. Скорее насмешлив. У него там, в зазеркалье, все шло хоть куда. Деньги, работа, определенность. А здесь...

Агенты Московского Института Времени вышли на него через четыре года после памятных событий с космическими пиратами. Предложили сотрудничать. Сказали, что парадокс исключен, так как он знает о будущем и даже был там. Вроде как прописал себя в континууме. Консультант АА – так значилась его должность в табелях. АА – значит аборигенная агентура.

Задачи были простые, если не сказать скучные. Выйти на Калининский проспект с портфелем в руке и прогуливаться полтора часа. Или сесть в метро и проехать по кольцу два круга. В это время микроскопические роботы собирали потребную для будущего информацию.

Куда веселее было встречать агентов Института Времени, устранять мелкие недочеты в одежде, консультировать по языку и нравам современного общества. Большинство разведчиков говорили на безупречном литературном русском. Приходилось просвещать их насчет сленга, помогать с акцентом. Помнится, Коля потратил немало сил, объясняя группе молодых исследователей субкультуры хиппи, что значит «аскать на стакан» и «как трипать до Петрограда на собаках». А сразу после хиппи прилетел Лев Рэмович, который по легенде был

² В произведении использованы стихи поэтов-информантиков.

родом из Одессы. Словописы ученого позавидовал бы сам Папа Сатырос. Одессит категорически отказывался говорить просто, и переубедить его оказалось задачей нетривиальной.

После окончания школы Коля, к удивлению и радости родителей, вступил во владение квартирой своего соседа Николая Николаевича. Пожилой агент явился подписывать документы и слишком долго знакомил сменщика со своим «штабом». «Внешнюю дверь сильно тянуть на себя не нужно, можешь замок повредить», «Вечером на пятнадцать минут обязательно проветривай – плесень образуется», «Кактус не поливай, а «декабриста» – обязательно, и только теплой водой», «Соседский кот иногда на балкон приходит, дай ему рыбки» и так далее. Потом Николай Николаевич долго стоял на кухне, смотрел в окно на весенний сквер и шептал: «Двадцать лет. Только подумайте... двадцать лет». Когда пришло время уходить, старик вырвал из блокнота листок и принялся что-то черкать карандашом, неудобно привалившись к стене и придерживая коленом неустойчивую коробку с моделью фрегата. Потом передал лист Коле и сказал, по какому адресу нужно доставить послание. Затем вошел в помещение с машиной времени и, не прощаясь, захлопнул дверь. По инструкции доступа к машине у Коли не было. «Чтобы не множить вероятности», – сказала Полина. После консервации точки доступа в подвале старого дома это был единственный портал в центре Москвы.

По указанному агентом адресу открыла немолодая, но еще симпатичная женщина в аккуратном сером платье. Удивленно взяла записку, прочла и вдруг заплакала так горько, по-детски, что Коле сделалось неловко и он не нашел ничего лучше, как сбежать.

– Эй! Герасим! Топиться собрался? – от черного глянцевого лимузина к нему катился колобок Фима. Дорогой костюм, на пальцах блестят перстни, на шее – «голда» в палец толщиной. За хозяином едва поспевал тумбообразный секьюрити в черных очках на пол-лица. «Наверное, бронированные», – подумал Коля.

Фима докатился до лужи. Друзья обнялись.

– Жора, брысь! – внезапно скомандовал Фима из-за острого Колиного плеча. Герасимов сначала не понял, с кем говорит приятель, и только когда услышал расстроенный бас охранника – разобрался.

– Ефим Петрович, Ефим Петрович... – передразнил бизнесмен, – ты мне интим портишь. Брысь, сказал! Брысь за ларек!

Недовольный охранник ретировался.

– Тяжело с ним, – пожаловался Фима, – очень исполнительный. – Ну как ты? Сколько мы не виделись-то? Полгода? Больше? Все учишься?

– Скорее прогуливаю, – улыбнулся Коля. Театральное училище было самостоятельным искренним выбором Герасимова. И выбором неудачным. Роли ему не давались. Невероятных усилий стоило справиться с природной застенчивостью и страхом перед сценой, войти в образ. В конечном итоге он стал забивать на занятия и со дня на день ждал прощального листка.

– Ясно, – Фима достал пачку аккуратненьких сигарилл с костяными мундштучками, закурил. – На личном фронте как?

– Да так... была парочка интересных вариантов.

– Не склалось, – констатировал Фима, – ты их домой приводишь, а там Она.

Коля кивнул. Алису он больше не видел, ничего про нее не знал. Агентов расспрашивать запрещалось. Они были психологически кондиционированы на внедрение, и воспоминания о будущем могли нарушить тонкую ментальную настройку. Оставалась собственная память и маленькая плохонькая фотография шестого «В». Невысокая девочка в темно-коричневой форме и пионерском галстуке почти терялась на фоне рослых одноклассников. Коля долго думал, а потом отнес фотографию знакомому художнику. И тот сделал портрет. Коля очень боялся, что не получится, но мастер не подвел. Может, не совсем такая, как помнилось Герасимову, но все же это была Она. Его тайна, его маяк и надежда на счастливое будущее, которое

он видел. На картине Алиса выглядела старше, и это тоже было хорошо. Словно она выросла вместе с Колей. Девушки, которых у Герасимова было предостаточно, – еще бы, одинокий юноша с отдельной квартирой, – приходили, проводили ночь, а на следующий день непременно спрашивали, кто на портрете. О мечте врать нельзя. И Коля вместо успокаивающего «сестра» или трогательного «мама» отвечал тревожное: «Одноклассница». Очередная кандидатка производила нехитрый арифметический подсчет и быстро выдвигала традиционный ультиматум. На требование убрать картину Коля всегда реагировал категорическим отказом, и девушки уходили.

– А у тебя как? Женился? – Герасимов с опаской взглянул на Фиму, но увидел кислое выражение на лице приятеля и расслабился. Хотя в чем-то пухлый друг его не обошел!

– Не выходит, – вздохнул бизнесмен – Маме мои ба... барышни не нравятся. Я уж и модели водил и аристократок из консерватории – все без толку. Требовательная она у меня.

– Смотри, вон Юлька идет. Каблуки какие! – Коля указал на зев подземного перехода, из которого показалась Юля Грибкова. Шикарные туфли ей очень шли, но видно было, что носила она их нечасто.

– Кстати, ничего себе девица. Я бы за ней приударил, – улыбнулся Герасимов, вспоминая, какой Юлька была в школе – острый нос, гонор да косички.

– Несчастный! – Фима возвел очи горе. – Знаешь ли ты, сколько зарабатывают микрохирурги? Ты будешь обузой. Может, мне попробовать? Одноклассница. Вдруг маме понравится?

– Этого я тебе никогда не прощу! – патетично воскликнул Коля, принимая позу оскорбленного патриция из пьесы Джакомо Риньери.

С деньгами у него всегда было так себе. Люди будущего плохо понимали, что такое ежемесячная зарплата, и средства приходилось просить. Этого Коля совершенно не умел, а стипендии в училище Герасимов не видел никогда. Чтобы как-то сводить концы с концами, приходилось подрабатывать ночным сторожем у Коли Садовского в Институте экспериментальной физики. Благо он располагался рядом с домом Герасимова, в бывшем здании Австрийского посольства на углу Староконюшенного и Пречистенского.

– Кого это ты не простишь? – Юля подошла к ребятам.

– Да вот, Юлькин, тебя делим, – заулыбался Королев.

– Ну, зачем это, мальчики? Я вас обоих люблю-люблю, – Юля поцеловала в щеку Колю, затем Фиму, взяла ребят под руки. – Ну что? Пойдем?

Вместе они обогнули здание дома номер тринадцать по Смоленской площади. Прошли вниз вдоль Садового кольца и через высокую арку проникли во двор. За ними, точно медведь на поводке, следовал верный Жора.

Здесь в тенистом дворике располагалось компьютерное кафе «Терра-Фима», один из Фиминых гениальных проектов. Кафе начинало работать вечером и сейчас пустовало. Бизнесмен достал из кармана ключи и открыл обитую металлом дверь, оформленную в виде люка звездолета. Внутри также превалировала космическая тематика. Коля как мог описал приятелю московский космопорт, который видел в будущем, и заведение Фимы выиграло Гран-при среди клубов за оригинальный дизайн.

Яркий свет зажигать не стали. Так и сидели в полумраке за длинным пустым столом, точно Дарт Вейдер на «Звезде смерти».

– In nomine futurum! – громко сказал Коля.

– Futurum est! – хором отозвались ребята.

Клясться на латыни придумал, конечно, Фима, а Юля предложила слова. Но говорить все же выпало Коле как единственному свидетелю будущего.

– Класс! Мурашки по коже. Я, честно говоря, уже не ждал, что позовешь, – вздохнул бизнесмен. Общество Хранителей будущего решили организовать почти сразу после событий

с миелофоном. Фима хотел устроить тайный орден по принципу иезуитов, но умный Сулима сказал, что они плохо кончили. Сначала в Обществе состоял почти весь шестой «В» и еще несколько ребят из параллельных классов. Каждый месяц они собирались в школьном дворе. Члены Общества отчитывались за проделанную работу по приближению светлого будущего. В конце собрания Коля немного рассказывал о чудесах, которые видел по ту сторону времени, или читал стихи.

На далекой звезде, на Венере
Небо пламенной и светозарней,
На Венере, ах, на Венере
Бродят между хвощей динозавры...

Однако со временем мероприятие утратило новизну. К тому времени как Коля стал настоящим агентом, в Обществе их осталось трое. О том, что «прекрасное далеко» вновь обратилось к друзьям в двадцатый век, Коля рассказал только Фиме и Юле.

– Ну что там потомки? – Фима заерзал на стуле. – Нужна помощь? Говори. Не томи.

– Тут вот какое дело, – медленно заговорил Коля, – два месяца назад просыпаюсь я среди ночи, а дверь открыта.

– Какая дверь?

– Та самая дверь. И свет неяркий, тусклый. Обычно там белым-бело, в комнате. Ну, я и зашел.

– Что? Опять?! – просипел Фима голосом мультяшного волка.

– Да нет. Я только заглянул. Мало ли... поломка или еще что. Все было, как и тогда. Пустое помещение, в середине – машина. Я к ней подошел. Смотрю – на приборном щитке бумажка, – Коля положил на стол сложенный вдвое листок. Фима развернул бумагу, снял с пояса пейджер и при его свете прочитал послание.

«У нас нештатная ситуация. Ваш контракт временно приостановлен.

Р. С.

Берегите себя.

Полина».

– Дела... – Фима почесал затылок. – Выходит, они тебя уволили – нештатная ситуация, ловко придумано. Надо бы взять на вооружение.

– Что? – Коля удивленно заморгал. – Нет! Ты не понимаешь. Они не врут... это другие люди. Я же тебе говорил. Агенты годами учатся скрывать правду. Для них соврать – это как... маму обидеть.

– Значит, и правда что-то случилось, – Юля приложила ладонь к губам, – но что это может быть?

– Война с Сириусом? Или реставрация Империи Звездного пути? – предложил отравленный боевой фантастикой Фима.

– Я не знаю, – вздохнул Коля. – В нашем времени нештатные ситуации случаются часто. Поезда с рельс сходят, реки разливаются, шахтеры бастуют. Да что угодно. И все быстро с этим справляются. Я решил подождать.

– А теперь вдруг позвал нас? Пришла новая информация?

– Не пришла, пришел...

Глава третья

Легионер

С тех пор как в Той комнате погас яркий свет, дверь перестала закрываться вовсе. Хотя, даже будь она закрыта, такой грохот и лязг был бы все равно хорошо слышен.

Коля кузнечиком соскочил с кровати. Ну почему именно посреди ночи? Хорошо, что еще в гостях никого нет. А то байкой про родственника из Мурманска не отделаешься. Сначала Герасимов метнулся на кухню и на всякий случай вооружился, схватив из мойки первый попавшийся металлический предмет. Думал – нож, оказалась вилка с налипшими на зубья остатками квашеной капусты. Сознавая, что выглядит нелепо в семейных трусах со слониками и грязной вилкой в руках, Коля все же не стал медлить и искать оружие серьезнее. А вдруг в этот самый момент из будущего в тихий двадцатый век проникает очередной Крыс со своим подручным?

В комнате с машиной по-прежнему было сумрачно. В неярком свете Герасимов разглядел, что на полу лежит детина в тяжелом кожаном доспехе и сандалиях. Незнакомец был вымазан в грязи и, похоже, ранен. Рядом валялся короткий прямой меч с костяной рукоятью.

Коля облегченно вздохнул. Резиденты Института времени, отправлявшиеся в далекое прошлое, прежде чем вернуться домой, проходили что-то вроде реабилитации на пересадочных станциях. Резкая смена эпох могла вызвать у агентов глубокой заброски нервный срыв. Людям будущего, проходящим рекондиционирование в XX веке, полагалось много гулять и читать научную фантастику. У Николая Николаевича под литературу был отведен здоровенный шкаф, который Коля регулярно пополнял.

Герасимов наклонился над незнакомцем – дышит. Теперь снять доспех, дотащить до ванной...

Контрастный душ привел агента в чувство.

– Добро пожаловать в двадцатый век, – Коля протянул гостю руку, – как к вам обращаться?

Вместо ответа мужчина приложил кулак к груди и отчеканил на чистом русском.

– Авлий Германий Аскин! Девятый Испанский легион, шестая когорта! Черные львы Сципиона! – потом добавил еще что-то на латыни.

– Э-э, простите, а можно помедленнее, я так много сразу не могу запомнить. Или хотите – мойтесь, а я пока за блокнотом сбегая, – Коля старался вести себя профессионально. Может, гостя и правда так зовут или ему нужно сохранять легенду?

– Постой, гражданин!.. Подождите, – с трудом выговорил мужчина, – это же двадцатый век, да? Имя... Меня... Меня Павлом зовут. Фамилия – Гераскин.

Они сидели на кухне. В доме и во всем мире было тихо. Только капала вода в ванной, да разросшаяся без опеки пенсионерки Чувпило черемуха сиротливо скреблась в стекло.

– Бриганты окружили нас в тумане. Синеухие, дети Лисицы, Зубоеды и еще несколько меньших родов. Настоящий союз племен! Мы сражались. Без надежды. Сначала Катулл погиб, потом Марк Галисиец, потом добрались до центуриона.

Павел откусил половину малосольного огурца и принялся жевать, страшно двигая челюстями, словно перегрызал горло врага.

– Девятый легион, тот, что пропал... я где-то читал, – кивнул Герасимов.

– Не пропал! Ясно? – рявкнул агент и добавил что-то еще на грубом гортанном наречии. «Наверное, древнегерманский, – решил Коля. – Сейчас точно милиция приедет».

– Они пали, как герои, сражаясь! Все до одного... Нет, один остался. Чертов предохранитель выдернул меня из гущи боя! – кухонный нож по самую рукоять вошел в столешницу.

– Я вас очень прошу, немного потише. Соседи могут услышать.

Коля впервые встречал агрессию у людей будущего. Они могли быть настойчивыми, грубоватыми, даже вредными, но никогда злыми.

– Может, вам стоит передохнуть, поспать? С утра все может предстать в ином свете, – попытался Герасимов.

– Спать? Нет! Я не нуждаюсь в рекондиционировании. Это для слабаков, – Павел резко встал. – Я отправляюсь немедленно. Пора заполнять пробелы в истории.

Через пять минут он уже стоял в своем боевом облачении перед машиной времени. Коля застыл в дверях, разглядывая необычного гостя. Павел был явно не в себе. Однако в задачи Коли не входили сеансы психоанализа со свихнувшимися агентами. Кроме того, его фактически отстранили от дел. И все же Герасимову было совестно вот так отпускать гостя.

– Может, все же повремените немного, – попытался он в последний раз, – знаете, мне записку прислали. Я не уверен, что машина... Что она...

– Временить? Время. Каламбур! Ха! – Павел принялся яростно бить по кнопкам. – Сейчас, сейчас я повременю. Узри чудо, варвар! – он до упора вдавил кнопку «пуск», потом еще и еще раз. Ничего не произошло.

– Не работает – обиженно сказал агент Гераскин. Сел на пол и заплакал.

Коле сделалось неловко, как тогда со знакомой Николая Николаевича. Но сейчас бежать было некуда. Он немного потоптался на месте, затем шагнул к рыдающему легионеру, присел на корточки, похлопал по спине. Как успокоить ребенка, Герасимов еще более-менее представлял, но что делать со взрослым мужчиной?

– Ну-ну, будет вам. Что вы, как маленький, в самом деле? Подумаешь, небольшая поломка. Может, там помехи на линии или еще что-то. Скоро починят.

– Не бывает, – неожиданно спокойно сказал Павел, – не может сломаться. Если только на том конце что-то случилось. Что-то... исключительное.

Коля и сам думал так же, только говорить не хотел, будто слово могло материализоваться. Он вздохнул, поднялся и протянул агенту руку.

– Хотите водки?

Глава четвертая

Нештатная ситуация

Корабль излучал на всех частотах. Это был вопль воплей, сотрясающий самые темные уголки пространства. Алиса упала на колени, инстинктивно прижала руки к голове, наткнулась на шлем. Умный скафандр – подарок капитана Полоскова – спас девушку. Но даже сквозь потемневший до черноты щиток был виден цилиндр, горящий страшным белым огнем. В наушниках звучал непрерывный тоскливый вой. Алиса повернулась спиной к вопящему монолиту, кое-как встала на ноги и, пошатываясь, двинулась прочь. Странное дело: в тот момент, когда корабль Скитальцев издал свой чудовищный крик, она вспомнила Колю Герасимова, мальчика из прошлого. Увидела его вздернутый нос, оттопыренные уши и веснушки, так похожие на ее собственные. К чему это сейчас?

– Алиса! Слава всем белым карлика! Ты жива! – в редющем мраке показалась фигура Громозеки. Археолог отбрасывал великанскую черную тень на окружающие скалы. Алиса заморгала. То ли телеметрия скафандра дала сбой, то ли что-то творилось со зрением. Отчего-то ей виделись сразу три Громозеки. Один поворачивался туда-сюда, словно кого-то искал, другой щелкал тумблерами на скафандре, третий что-то подбирал с земли. Все трое двигались к Алисе по разным траекториям, чтобы совместиться перед ней в единое целое.

– Скорее! – великий археолог, как в детстве, поднял ее, обхватив щупальцами. – Я включу маршевые двигатели на своем скафандре. Скала под нами нестабильна. Будет извержение. Стартуем, пока еще возможно. До орбиты дотянем, а там подберут.

– А как же Вундук? Сервировщик?

– Их больше нет, – чумарозец включил двигатели, – через минуту здесь разверзнется ад. Держись!

Земля резко ушла вниз, а тело сделалось очень тяжелым, совсем не так, как в ложементе корабельного кресла. Под ними была наливающаяся алым пламенем трещина и белый цилиндр, точно язык во рту чудовищного клоуна. Мгновение, и вопящий монолит скрылся в разломе. В наступившей тишине неожиданно громко прозвучал голос робота-навигатора: «Говорит станция Раскоп-4. Сохраняйте прежнюю траекторию. Мы идем на помощь».

На космостанции Раскоп-4 было шумно. Люди и инопланетники сновали по коридорам с озабоченным видом. Из глубины помещений тянуло дымом. Был слышен звук тревоги.

– Это какая-то эпидемия! Все машины сошли с ума. Кругом паника, истерика! – сокрушался директор станции Анаксимандр Алкидович. Сотрудники Института Времени спасли его из огня Александрийской библиотеки. Так и переместили в будущее, прижимающего к груди ворох глиняных табличек с остросюжетным шумерским эпосом. В будущем упрямый эллин не утратил тягу к древностям и теперь руководил космической исследовательской станцией, которая колесила по вселенной в поисках доисторических артефактов.

– Извини, Алкидыч, нам пошептаться нужно, – Громозека указал Алисе на тупик с панорамным экраном, на котором транслировалось изображение Меркурия. Девушке не хотелось смотреть на раскаленную планету, но археолог настоял.

– Гляди, малыш, и я буду смотреть. Это наша с тобой вина. Одна на двоих, – такого Громозеку Алиса еще не видела. Куда подевался веселый балагур и враль? А еще Алиса почувствовала, как что-то невесомое, едва осязаемое соскользнуло с плеча, словно тончайший шелковый шарф. Детство закончилось.

– Эгхм, так-то оно так, профессор, но если взглянуть с другой стороны... – прозвучал в тамбуре суховатый голос.

– Алкидыч! Я же просил не встречать! – громыхнул чумарозец. Но это был не Анаксимандр. Перед ними стоял невысокий мужчина лет сорока. Короткие волосы, стрелки ухоженных бачков, борода клинышком. Эдакий опереточный Мефистофель. Вид портили большие оттопыренные уши, покрытые тонкой синей татуировкой. Вместо обычного комбинезона на мужчине был щегольской френч с зеленым отливом, узкие расклешенные брюки и черная шляпа-баварка, украшенная серебряной заколкой с петушиным пером. Под пиджаком белела чудная рубашка, по которой то и дело проскакивали синие и белые сполохи. Странные огни отражались в темных глазах незнакомца и заставляли вспыхивать наверху изящной трости, которую мужчина держал под мышкой. Алиса присмотрелась к камню набалдашника. Что-то скрывалось в его желтоватой толще. Не разобрать. И еще ей показалось, что она уже где-то встречала этого щеголя. Только где? Никак не вспомнить.

– Кто вы такой? По какому праву нарушаете приватную беседу? – недовольно спросил Громозека. Бывалого звездного путешественника не впечатлил вид незваного собеседника. Мало ли кто как одет?

– Меня зовут Игорь Николаевич. Я работаю в Институте Времени, – спокойно ответил нарушитель.

– Вы знаете Полину? Мы с ней друзья, – оживилась Алиса. Вот и объяснение странному виду незнакомца. Среди сотрудников Института Времени было немало эксцентричных личностей.

– Полина? Ах, да! Конечно, я ее знаю, – улыбнулся Игорь Николаевич, – но вспоминать общих знакомых сейчас не время.

– Вот именно! – громыхнул археолог. – Потрудитесь объяснить ваши слова. Что значит «взглянуть с другой стороны»?

– А то значит, уважаемый профессор, что окажись Алиса более послушной, то обелиск активировали бы на Земле. Последствия взрыва тогда были бы несколько другими, а жертвы исчислялись тысячами. Беззаботность, упрямство и вера в удачу, свойственные вашей подруге, спасли многие жизни.

– Так это все-таки была бомба? – Алиса удивленно разглядывала пришельца. Откуда он все знает?

– В определенном смысле. Видите ли, Полночные Скитальцы были прагматичными созданиями. Они производили грандиозные вычисления, прогнозировали будущее на тысячи лет вперед. Они предвидели появление других космических рас и посчитали это проблемой. Обелиск был размещен на Меркурии не случайно. Во-первых, добраться до него может только технически развитая цивилизация, во-вторых, исследовать артефакт непосредственно на планете невозможно из-за сложных местных условий. И, наконец, в-третьих, оттиск человеческой ладони на камне недвусмысленно указывает на адресатов послания.

– Что делает бомба? – спросила Алиса, стараясь не обращать внимания на осведомленность гостя.

– Искажает, – Игорь Николаевич сделал странный жест рукой, словно скручивал крышку с бутылки, – нарушает и перестраивает пространство.

– А время?

– Да, и время тоже. Обелиск, словно камень, брошенный в воду, создает волны трансформации континуума. Об этом, собственно, я и хотел поговорить.

Глава пятая

Спасите Колю

– А ведь я тебя сразу узнал, – такого заявления Герасимов не ожидал. Он только вернулся из «Терра-Фимы». Встречу с агентом Авлием было решено организовать через два дня – Юля сегодня заступала в ночное дежурство.

Предмет внимания Хранителей будущего валялся на диване и выглядел неважно. Мощный организм резидента справился с алкоголем, но остаточная меланхолия, так хорошо знакомая всем последователям Эпикура, венчала лоб легионера, точно рубиновая звезда шпиль Спасской башни.

– Вот, – Коля достал из сумки бутылку пива, открыл и протянул Павлу, – у нас так принято.

Агент принял подношение и сделал долгий глоток. Прислушался к ощущениям, улыбнулся.

– Вы сказали, что знаете меня? Но раньше мы не встречались. Я бы запомнил.

– Нет, не встречались. Но ты ведь Тот самый Коля из прошлого, – Павел отхлебнул еще пива.

– В каком смысле тот?

– Книга твоя. Стихи, кажется. Она у нее в спальне, на полке, понимаешь? Я ей: «Зачем это здесь?», она говорит: «На память». Пришлось ознакомиться, все-таки раритет. Бумажную книгу у нас встретишь не часто. Стихи слабенькие по большей части, но вот это мне понравилось:

Любит, любит трилобит,

Чтобы был пролом пробит,
Любит лбом долбить проломы.
Все долбит, долбит, долбит...

У Коли действительно вышел сборник стихов «Гостя из будущего». Ребята подарили на выпускной. Маленькая книжка, в дешевой мягкой обложке. Правда, на форзаце была фотография Герасимова в папином импортном пиджаке и Фиминой белой шляпе.

– Вы знаете Алису? Вы ее друг?

– Друг, – грустно сказал Павел. – У тебя в комнате портрет висит. Подаришь?

– Нет, – честно ответил Герасимов.

– Я так и думал. Ладно! – легионер неожиданно бодро вскочил с дивана. – Мне вроде прогулки показаны? Пошли, что ли, кондиционироваться?

И они пошли. Сначала на улицу Кропоткинскую в бар «Медведь», потом сели на пятнадцатый троллейбус и поехали к Новодевичьему монастырю кормить уток. Перешли мост и от Бережковской набережной опять поехали кататься на «рогатом» транспорте. У Киевского вокзала к ним привязались цыгане, но легионер вновь применил древнегерманский язык, и цыгане отстали. У оптовых ларьков на Дорогомиловской взяли по мороженому и через Бородинский мост добрались до МИДа. Павел разговаривал мало, все больше смотрел по сторонам. На Колины вопросы об Алисе отвечал односложно. Отец – директор Космозоо, мировой мужик, мать – известный архитектор. Иногда резидент узнавал место и останавливался, восхищенно восклицая: «О! Надо же – магазин! А у нас здесь стоянка флипов» или «Ты смотри, здесь, оказывается, дом был!»

Коля довел Гераскина до своего любимого местечка. Кабачок назывался «Барвиха» и находился в переулке между Арбатом и Калининским. Маленький, уютный стеклянный скворечник, где собирался разномастный творческий народ. В холодные дни здесь топили камин. По телевизору крутили редкие записи рок-концертов, какие и на Горбушке не найдешь.

В «Барвихе» они задержались надолго, а когда стемнело, опять вернулись на Арбат и дошли до Гоголевского бульвара. Тут Коля почувствовал, что устал, и присел на скамейку. Двужильный Гераскин пожал плечами и упруго опустился рядом.

– А в вашем времени Гоголевский остался? – спросил Коля – Я в тот раз до него не дошел – **на самом деле, он как раз был на Гоголевском, но хотел услышать, что скажет Павел.**

– Остался, – усмехнулся агент, – только у нас здесь лес. Подосиновики растут. А там, – он указал в сторону метро «Кропоткинская», – база юных натуралистов.

Помолчали, наблюдая за редкими в поздний час прохожими.

– Чего ты все вокруг ходишь? Ну, спроси, было у нас с ней? – не выдержал порывистый Павел.

– Прости, я как-то... – Коля хотел спросить, но не решался. Он привык думать об Алисе, как о недоступной мечте, и вдруг она совсем рядом. Словно в соседней комнате. А неуравновешенный грубиян Гераскин общался с ней все это время.

– Мы встречались, – наконец сказал Павел. – Нас многое связывало. Миллион приключений, знаешь ли. Какое-то время было все хорошо, и я сделал ей предложение.

– А она?

– Отказала. Просто сказала «нет» и все. Тогда я и устроился в Институт Времени. Хотел, чтобы забросили куда-нибудь подальше. Думал как-то заглушить... Забыться.

– Ясно, – Коле стало неудобно. Зачем этот буян открывается ему? «Потому что больше никому», – пришла внезапная мысль. Потому что теперь неудачник Герасимов – единственная связь потерявшегося агента Гераскина с родным домом. Коля вдруг испытал чувство ответственности за этого непредсказуемого, опасного и очень одинокого человека.

– Я вот хотел спросить... – неуверенно начал он. – Девятый легион погиб в Британии. Разве машина времени работает как телепорт?

– Нет... во всяком случае, мне об этом неизвестно, – Павел удивленно глянул на Колю, он думал совсем о другом, и неожиданный вопрос застал его врасплох, – а ведь правда... Я плохо помню скачок. Меня словно волной накрыло. Да, точно! И на землю швырнуло. Такого при обычном переходе не случается.

* * *

– Обычный скачок в прошлое сейчас невозможен, – Игорь Николаевич указал на Меркурий, – аппараты Института Времени выведены из строя. Многие агенты застряли в прошлом. Судьба всей организации под угрозой.

– Но что могло случиться с машинами? – удивилась Алиса. – Полина говорила, что они очень надежные и не могут в одночасье выйти из строя.

– Все очень просто, – грустно улыбнулся Игорь Николаевич, – их не изобрели.

– Что за ерунда?

– Вовсе нет. Нарушения, вызванные аппаратом Скитальцев, изменили историю Земли в конце двадцатого века. Осенью 1993 года в Москве происходит государственный переворот, в результате которого гибнут несколько сот человек. В том числе Николай Садовский, изобретатель первой машины времени. Он ведь был вашим одноклассником? Не так ли?

– Верно, – Алиса попыталась вспомнить Колю Садовского, но не смогла. Только имя – но ведь тогда МИВа в нашем времени вообще не должно быть.

– Все так, если воспринимать время как поступательную последовательность событий. Однако это неверно. Течение времени и его структура в разные периоды неодинаковы. Иногда его можно сравнить с кристаллической решеткой, иногда – с цепочкой ДНК, а бывает и вовсе с кельтским узором. Люди и события в прошлом, настоящем и будущем связаны между собой, и эта сила мощнее любого «эффекта бабочки». Я хочу, чтобы вы воспользовались силой личной связи и спасли Николая Садовского.

– Я? – удивилась Алиса. – Но вы же сами сказали, что машины времени вышли из строя?

– Земные – да, – жестом фокусника мужчина извлек на свет два небольших белых додекаэдра, – а вот эти сработают.

– Скитальцы? Полуночники? Это их артефакты? – над человеком навис великий археолог. Интерес ученого вытеснил неприязнь к чужаку. – Никогда таких не встречал. Откуда они у вас?

– Это семейная реликвия, – ответил мужчина, – настало время пустить их в ход.

– Как работают эти штуки? – чумарозец открыл зубастую пасть и во все восемь глаз уставился на человека.

– Нужно взять артефакт в руку и сконцентрироваться на ярком образе в прошлом. Чтобы активировать переход, просто раздавите прибор.

– Они одноразовые? – удивилась Алиса.

– Верно. Поэтому я даю вам два. Один, чтобы попасть в прошлое, и один, чтобы вернуться, – Игорь Николаевич подмигнул Алисе.

– На каком образе я должна сосредоточиться? Я даже не помню Садовского!

– Зато помните кого-то еще из одноклассников. Они наверняка поддерживают связь между собой. Вам придется действовать по ситуации. Помните, время вашего прибытия определяет полученная сейчас информация о возможной гибели изобретателя Садовского 22 сентября 1993 года.

– Пойдите-пойдите. Вы что, всерьез думаете, что она отправится в прошлое? Вот так вот, с бухты-барахты? – возмутился Громозека. – Вы являетесь сюда, несете какую-то чушь про трансформацию континуума, и мы должны верить вам на слово?

– К сожалению, да, – Игорь Николаевич развел руками. – В свое оправдание могу сказать, что такой шанс, как сейчас, больше может не представиться.

– А вдруг вы агент Скитальцев?

– Профессор, при всем уважении, они вымерли десять тысяч лет назад, – улыбнулся мужчина в шляпе.

– Да вы, я вижу, большой специалист! Прямо пророк какой-то, – не унимался уязвленный археолог. – Может, тогда скажете, коллега, от чего вымерли Полуночники?

– Я не знаю точно, но думаю, от безысходности, – очень серьезно ответил Игорь Николаевич. – Тесно жить в мире, который предсказуем.

Глава шестая

Спектакль на Пречистенском

Телефон зазвонил в полшестого утра. Коля, человек творческий, к любым событиям до одиннадцати часов относился сугубо негативно, а телефонный звонок воспринимал как оскорбление. В соседней комнате храпел безучастный ко всему, кроме команды центуриона, легионер Гераскин. Агент АА в отставке протер слезящиеся с недосыпа глаза и побрел в прихожую, где на журнальном столике расположился его мучитель. «Наверное, из деканата. Приглашают для беседы», – решил Коля. Поднял трубку, мрачно сказал «алло» и тут же проснулся, услышав взволнованный голос Юли Грибковой.

– Колькин, я только что с дежурства. Мне кажется... Я думаю, Садовскому угрожает опасность, – испуганно выпалила Юля.

– Да что случилось-то? Скажи толком.

– К нам дядечку привезли ночью с подозрением на инсульт. Солидный такой мужик, директор фонда. Оказалось, у него другая болезнь, много хуже, – Юлька выдала что-то на латыни, – среди симптомов часто встречается бред. Он и бредил. На английском. Сначала бессвязно, а потом... ты же знаешь, я после Алиски начала серьезно языки изучать. В общем, я все записала.

– И что там? – Коля похолодел. Вот она, нештатная ситуация. В прошлом что-то пошло не так. Совсем не так.

– Вот, я перевела, – в трубке раздалось шуршание, а потом опять зазвучал Юлькин голос, – ... начало операции в девять вечера 22 сентября, адрес: Пречистенский переулок ...Институт экспериментальной физики. Группа войдет в здание с двух сторон, обезвредит охрану. Цель – Садовский Николай Васильевич. Провести вербовку, в случае отрицательного результата – устранить. Здание и все разработки – уничтожить. Личный компьютер изъять.

– Устранить, – Коля сжал зубы. Он видел Садовского три дня назад. Тот как раз вернулся со сплава по Чусовой, веселый, бородатый, загорелый. Он крепко пожал Герасимову руку. «Идея пришла, Колян. Такая идея – ого-го! Работы будет масса. Но если выгорит – взрыв, сенсация, настоящая бомба!» С тех пор ученый засиживался в институте допоздна, иногда даже уходил утром вместе с Герасимовым. В девять часов вечера у него был самый разгар творческой активности. Враги выбрали верное время.

– Так, Юль, ты только не волнуйся. Фиме не звонила?

– Нет, я подумала, вы ведь с Садовым вместе работаете... Надо же его предупредить как-то.

– Да-да, хорошо. Только пока ничего не делай. Время у нас еще есть. Я сейчас Фиме наберу.

Однако звонить Королеву не пришлось. Он позвонил сам.

– Герасим, вот оно! – возбужденно восклицал бизнесмен. – Нештатная ситуация!

– Ты о чем? – подозрительно спросил Коля. На секунду он подумал, что история с иностранцем в клинике – проделки скучающего без приключений Фимы.

– В смысле, о чем? – опешил Фима. – Ты что, телевизор не смотришь? В стране переворот. Президент с депутатами воюет. Я маму сегодня в Давос отправляю. Мало ли.

– У нас еще хуже. Садовского нужно спасать. – И Коля рассказал Фиме про Юлькиного больного.

– Милиция не поможет, – тут же сказал Фима, – они давно проданы и перепроданы. И к тому же им скоро станет не до нас. На самом деле это хорошо даже. Можно знакомых попросить, они ребята что надо, в Афгане моджахедов били. Но что это даст? За ним все равно будут охотиться, если уж попал в список. Может, правда, предупредить и вывезти в безопасное место?

– Нет, предупреждать нельзя, – Коля вспомнил, какой Садовский упрямый и принципиальный, – он непременно откажется.

– Придумал! – Фима откашлялся. – Ты ему снотворное в чай подмешаешь, а потом Жора его ко мне на дачу вывезет. Ну а дальше – поглядим, объяснимся как-нибудь.

– Снотворное у Юльки можно взять, – Коле начинал нравиться план, – у них в клинике препараты сильные есть. Сегодня как раз моя смена. Подъезжай к восьми вечера. Как раз все сотрудники уже уйдут. Я пока до Грибка доеду, ее уговаривать придется.

– Заметано, старик! – голос Фимы сделался торжественным. – *In nomine futurum!*

Юле, как и предполагал Герасимов, идея со снотворным совсем не пришлась по вкусу. И все же она согласилась подождать в клинике.

Коля заглянул в гостиную – Гераскин спал, смешно сграбастав подушку мускулистыми загорелыми руками. Может, использовать его? Нет. Нельзя. Если люди из будущего начнут менять прошлое, может случиться все что угодно. Хотя Алиса ведь изменила прошлое. Весь шестой «В» изменился. Двенадцать золотых медалей. Ни одной тройки. Такого урожая школа никогда не собирала. А вдруг этот переворот и прочие беды из-за них, вдруг привычный мир вот в этот самый миг разваливается на части? Коля зажмурился. В комнате было тихо и тепло, сквозь открытую форточку проникали приглушенные звуки города. Все спокойно.

Герасимов собрался. Несмотря на теплую, почти летнюю погоду, надел турецкую кожаную куртку – так казалось мужественнее. Хотел надеть темные очки, но решил, что это уж совсем оперетта, и не стал. На площадке никого не было, но снизу доносились приглушенные голоса. Коля тихонько спустился на один пролет и увидел, как двое здоровяков в камуфляже и масках выводят из квартиры Григория Абаевича, народного депутата от республики Башкирия. Еще двое ждали пролетом ниже. Дядя Гриша был человек добрый и тихий. Он жил здесь уже лет пятнадцать и, бывало, сживал с Николаем Николаевичем за партией в домино. Когда Коля вступил во владение квартирой, дядя Гриша поздравил его тортом и сказал: «Молодец Николаич, ай молодец! В хорошие руки дом передал».

И теперь его выводили, словно преступника, из собственной квартиры. Коля заметил, что дверь была сорвана с петель. Значит, еще и вломились. Старик ничего не говорил, только кряхтел в руках камуфляжников. И Коля не выдержал.

– Эй! Вы что творите? А ну-ка отпустите пенсионера! Слышите? Я сейчас милицию вызову!

Человек на лестнице повернул голову в сторону Герасимова.

– Еще один рецидивист? – и уже своему напарнику. – Разберись.

Тот рванул к Коле, и вскоре Герасимов был скручен тем же способом, что и дядя Гриша. Пенсионер посмотрел на него сочувственно, прохрипел:

– Парня зачем скрутили? Совсем совести лишились? – и тут же получил кулаком по ребрам.

– Молчи, сука узкоглазая! – командир спецназа достал лист бумаги в потрепанном файле, бегло проглядел написанное. – Так, здесь все. Выдвигаемся.

Пленников поволокли по лестнице вниз. Вытолкали на улицу. Там уже ждал микроавтобус с темными стеклами. У машины стояли трое солдат-срочников, вооруженных автоматами Калашникова.

– Старика в машину, – распорядился главный камуфляжник. Депутата тут же затолкали в салон.

– Товарищ майор, а с этим что? – спросил мужчина, держащий Колю.

– Как что? Ты разнарядку читал? Вот и выполняй! – рявкнул майор.

– Слушаюсь, – буркнул камуфляжник таким голосом, что видно было: слушаться ему совсем не хочется. – Ты и ты, – спецназовец указал на солдат, – взять этого и за мной шагом марш.

Солдаты взяли Колю под локти и повели за камуфляжником. «Куда они меня? Бить, что ли, будут?» – подумал Коля. Они свернули в арку, ведущую во двор Колиного дома. Вот и окна квартиры, а вот родительские – с желтыми занавесками, но предки все равно в отъезде. Один из солдат наклонился к уху арестованного, шепнул.

– Эй, парень? Ты москвич? – И обрадовался, когда Коля кивнул. – Зашибись, нах! Ненавижу, бля, москвичей!

Коля скосил глаза, чтобы увидеть говорившего. У солдата было потное лицо и испуганно вытаращенные глаза. Чего ему бояться?

Герасимова завели во двор и поставили спиной к белой стене трансформаторной будки. Солдаты отошли на несколько шагов, сняли с плеч автоматы. «Расстрел!» – в ужасе понял Герасимов. Стало очень страшно. Его замутило. Сильно захотелось по нужде. Да что же это?! За что?

– Подождите! Постойте... Я не понимаю... Ребят, не надо!

– Все ты понимаешь, – устало сказал человек в маске и тут же скомандовал. – Товсь!

Мир кругом вдруг ужасно замедлился – вяло ползла вверх рука спецназовца. Хищное щелканье затворов растянулось на целую вечность, превратившись в тоскливый вой. Жирный голубь завис над детской площадкой. Коля словно раздвоился. Один стоял под дулами автоматов, другой – в квартире, у окна, спокойно смотрел во двор. Вот сейчас он откроет окно и покажет застрельщикам нос. Окно и правда открылось. На подоконнике появился Павел Гераскин и громко крикнул:

– Преторианцы! – Солдаты беспокойно завертели круглыми головами. Камуфляжник профессионально скакнул в сторону и перекатился, выхватывая оружие. Но на подоконнике уже никого не было, а срочников вдруг атаковал пыльный смерч, валящий с ног, вырывающий оружие. Спецназовец хотел стрелять, но широкая ступня в кожаной сандалиии легионера совместилась с его головой, и детина затих. Павел быстро осмотрелся и принялся сноровисто вязать бездыханных солдат их же ремнями. Поднял голову, посмотрел на Герасимова.

– Чего стоишь? Давай, помогай.

Вместе они отволокли срочников и спецназовца к дверям трансформаторной. Павел одним точным ударом сбил замок. Через минуту во дворе было пусто.

– Сколько там еще? – деловито осведомился легионер.

– Трое в масках и один солдат с автоматом.

– Нормально, справлюсь. Ты давай, иди куда шел. – Коля кивнул. Из двора был другой выход. Только через забор перелезть. Он еще чувствовал слабость. Ноги дрожали. За шиворот тек холодный пот.

– Как же так? – прошептал Герасимов. – Я... мы думали будущее – светлое, а тут пере-ворот, расстрелы. Что же будет? Что впереди? – он схватил легионера за руку и ощутил, как напряглись под кожей стальные мышцы.

– Война будет, – спокойно сказал Павел. – Думаешь, мы просто так с места через стены прыгаем и кулаками замки сшибаем? Защитные поля, бластеры – зачем они мирным людям?

– Я не знаю, для защиты, – промямлил Герасимов.

– Для защиты, – усмехнулся легионер. – Знаешь, что такое кондиционирование на самом деле? Блокада от агрессии. Чтоб мы друг друга не поубивали... За будущее, Колян, бороться надо. Все, наговорились, даст Митра, свидимся еще.

Герасимов побежал к забору. Потом не выдержал, оглянулся. Павел быстро взбирался вверх по стене. Как Гераскин удерживается на вертикальной поверхности, было не ясно. За спиной резидента болтались АКМы срочников. Вот он ухватился за край подоконника и снова скрылся в Колиной квартире.

У метро «Кропоткинская» было все как обычно. Ходили люди. Двигался транспорт. Коля перешел через дорогу к бассейну «Москва» и сел в троллейбус номер один. Герасимов ехал по родному городу, комкая в пальцах бумажный талончик. В ушах звучали слова Павла Гераскина «война будет» и еще «за будущее бороться надо». За окном тянулся знакомый пейзаж, но люди вели себя необычно. Собирались большими группами, что-то громко обсуждали. Мимо с воем пронесли несколько милицеских машин и «Скорая». Коля невольно сжался на сиденье.

Юлька, взволнованная и очень симпатичная, хоть и немного бледная после дежурства, обняла, поцеловала в щеку. Некоторое время они спорили, но Коля был непреклонен, и Грибкова сдалась.

Через час Герасимов вышел из клиники, ощупывая в кармане куртки холодный флакончик со снотворным. Он ничего не сказал Юле про утренние приключения, но та по-бабьи что-то почуяла и долго просила его не рисковать.

Герасимов остановился у входа в клинику. Вроде бы дело сделано и до вечера заняться нечем. Домой идти он боялся. Вдруг камуфляжники устроили там засаду? Если сесть на метро, можно за полчаса добраться до училища. Там сегодня пересдача актерского мастерства. И тут Коля вдруг понял, что нужно делать. Мысль была очень простая и окончательная, словно последняя пятнашка встала на место. Герасимов даже подумал, что сказал это вслух. Оглянулся – люди спешили по своим делам, никто не обращал на него внимания. Коля принял решение и пошел к метро. На душе было звонко и легко.

* * *

– Ты смотри, кто тут у нас! Неужто в Африке все слоны передохли? – восхищенно завопил Ваня Кожин. В группе он выполнял обязанности паяца, а на сцене, напротив, трагические роли.

– Я ненадолго, – Коля кивнул удивленным студентам и пошел в гримерку. Быстро собрал все, что нужно, положил в пакет и двинулся обратно.

– Эй! Ты куда? Струсил? – продолжал развлекаться Кожин и опешил, услышав от безответного двоечника: «Слонов спасать, дурак!»

Рядом с училищем был укромный дворик. Коля расположился на скамейке под липами и приступил к репетиции. Раз за разом входил в образ, пытаясь вспомнить мельчайшие детали характера, мимику, жесты. Снова и снова, пока в глазах не потемнело.

В ИЭФ он пришел чуть раньше обычного, поужинал в столовой, хоть есть и не хотелось. Заглянул к Садовскому, тот был на месте. Ученый рассеянно улыбнулся, не глядя, протянул однокласснику руку. Коля пошел в комнату охраны, переоделся и сказал дневному сменщику, что заступит раньше. Тот был только рад такому повороту, и через десять минут его уже и след простыл.

В шесть начался массовый исход сотрудников. Коля внимательно отслеживал каждого по списку. К началу восьмого, как и предполагалось, здание опустело. Было без двадцати восемь, когда Герасимов запер входную дверь и поднялся к Садовскому в кабинет. Ученый замер перед компьютером, вперив напряженный взгляд в монитор. Время от времени он что-то стремительно набивал на клавиатуре.

– Все разбежались, – Коля вошел, неуверенно остановился у двери. Пузырек в кармане теперь не охлаждал, а жег ладонь.

– А-а, тезка! – Садовский снова протянул руку, видно позабыл, что уже здоровались. – Заходи, не стесняйся. Я, как видишь, опять припозднился. Хотя, если честно, это время для работы самое лучшее. Тихо, спокойно, никакой суеты. Ты только не подумай, что я тебя прогоняю. А знаешь, давай-ка чайковского бахнем, чтобы впустую не сидеть. «Сам предлагает», – Коля моментально вспотел.

– Я налью, – Герасимов взял кружку Садовского и пластиковый стаканчик для себя. Сходил в коридор, вскипятил воду, положил пакетики заварки. Теперь снотворное. Отмерять не нужно, Юлька сказала, здесь ровно. Руки немного дрожали, но, кажется, ни одной капли не пролил. Коля понес чай в кабинет. С кружки Садовского показывал язык взъерошенный Эйнштейн.

Ученый принял подношение, подул на воду и с удовольствием отпил чай. Сработало!

– Говоришь, все разошлись? Это потому что работают без цели. Нет, у них, конечно, есть план и график. Но разве это настоящая цель? Разве стоит ради нее из кожи лезть?

Коля покачал головой, напряженно высматривая у собеседника признаки сонливости. Неужели препарат не подействовал?

– Вот именно. Не стоит, – как ни в чем не бывало продолжал Садовский. – Для большинства сотрудников ИЭФ мотивацией стала зарплата и удовольствия, которые они смогут на нее приобрести. То есть пределом мечтаний для таких потребителей является возможность получать блага, не обменивая их на труд. Но это ущербная философия, недостойная мыслящего существа. Взгляни на богачей-капиталистов. Они никак не могут насытиться. Большие дома, длинные яхты, личная футбольная команда, собственный автоклуб. Но обогащение не приносит насыщения. Я уже не говорю о том, что большая часть потребителей так и не доживет до вожаемой финансовой свободы. Нет, Коля, это не наш путь. Только плодотворный труд ради достойной цели может принести человеку истинное удовольствие! – Садовский допил поостывший чай, победно глянул на уstraшенного лекцией Герасимова и вдруг отключился. Без всякого перехода, просто осел на стуле, уронив голову на грудь.

Коля оставил ученого похрапывать в кабинете, а сам вышел на улицу. В сумраке блистал канареечными огнями популярный кабаk «Нью-Васюки». Все остальное – улица, дома и деревья – тонуло в густой тени. Кто-то негромко окликнул его. Коля напрягся, но это был Фима с неотлучным гигантом Жорой. Тот тащил на плече картонную коробку.

– Что это? – Коля опасливо глянул на здоровяка.

– Компьютер из клуба на замену, – усмехнулся Королев. – Там все самое свежее: Дюна вторая, Вульфенштейн, шпионам нескучно будет. Где Сад? Уже дрыхнет?

– Да, в кабинете спит. И комп тоже там.

– А ты коварный тип, Герасим, – Фима шуточно погрозил Коле пухлым пальчиком. – Хорошо ориентируешься, когда припрет. Возьму-ка я тебя в партнеры. Ладно, это потом. Жора, вперед!

Глава седьмая Ради будущего

Фима сказал, что за входом могут следить, и поэтому Садовского было решено выносить через бывшее кафе «Адриатика», в котором у института теперь располагалась столовая.

Вскоре Жора со спящим ученым на плече выбрался из стеклянных дверей. Физика для конспирации завернули в занавеску. Фима, тащивший пакет с компьютером Садовского, почувствовал, что Герасимов не идет за ним, оглянулся.

– Эй, а ты что, с нами не едешь?

– Да у меня дом в двух шагах. Дойду сам, чай не барин, – улыбнулся Коля.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами бизнесмен. – Тогда созвон?

– Созвон, – кивнул Коля.

– Только ты осторожнее, старик. Не рискуй, – Фима зябко поежился и поспешил за охранником.

Коля следил за тем, как растворяется в густеющей тьме круглая Фиминая спина. Выглядело так, словно Королев тонет в глубоком темном море. «Нет, – подумал Герасимов, – это я тону». Он решительно повернулся спиной к улице и вошел в здание. Нужно было еще успеть загримироваться.

* * *

Коля видел немало фильмов про контрразведку, но отчего-то когда думал о вражеских шпионах, в голове тут же появлялся образ зловредного Штампса из мультфильма «Шпионские страсти». Кадыкастый прохвост с прямым гитлеровским пробором, острым крысиным носом и усиками-стрелочками затмил всех. Человек, который вошел в кабинет, был совершенно другой. Крупный пожилой мужчина, с благородной сединой в кудрявых волосах, окладистой бородкой и приветливым взглядом спокойных карих глаз. Он был похож на преуспевающего писателя или коммерсанта. Вместо украинской вышиванки и хромовых сапог на вошедшем был со вкусом подобранный костюм, а зловещий «вальтер» сменился зонтиком-тросточкой с красивой деревянной ручкой.

– Здравствуйте, Николай Васильевич! Позвольте войти? – человек говорил на русском чисто, без акцента. Чересчур чисто. Таким же «дистиллированным» языком пользовались сотрудники Института Времени.

– Э-э... Добрый вечер, – Коля симитировал рассеянное приветствие ученого, затем изобразил легкое недоумение, – а вы, собственно, кто?

– Я к вам по делу. Извините покорно, что так врываюсь, но тема разговора очень деликатная.

– Хорошо, присаживайтесь, – Коля указал «писателю» на кресло, которое специально отодвинул дальше от стола, зацепив ножкой за тумбочку. Настольную лампу он направил так, чтобы его лицо оставалось в тени. Только бы грим не подвел.

Бородатый опустился в кресло, откинулся на спинку. Не проситель – хозяин положения.

– Скажите, Николай Васильевич, вы никогда не задумывались о работе за рубежом?

Вот так вот сразу, в лоб. Герасимов не ожидал подобной прямоты.

– Зачем, позвольте спросить?

– Мир нуждается в ваших знаниях, а здесь, – бородач брезгливо поморщился, словно нечаянно вступил в грязь, – здесь вы не сможете в должной мере реализовать свои идеи.

– Отчего же? Наш институт хорошо финансируется. Государство заинтересовано в нашей работе, – получилось фальшиво. Будь Герасимов на экзамене, получил бы на орехи. Однако экзамены закончились.

– Сладкие мечты, Николай Васильевич. В России сейчас парламентский кризис. Власти не до вас. А дальше будет только хуже. Слабое правительство, не способное удержать ресурсы, борьба преступных синдикатов за сферы влияния, произвол чиновников на местах и полное бесправие для простых граждан. Ну и, конечно, деградация всех социальных институтов.

– Прямо ад какой-то, – усмехнулся Коля.

– Вижу, мои речи вас не впечатляют, – мнимый писатель улыбнулся. – Давайте так, чтобы не быть голословным, вот небольшой аванс в качестве компенсации за беспокойство и подтверждения серьезности наших намерений, – он достал из кармана пиджака увесистый конверт.

Столько денег одновременно Герасимову видеть не доводилось. Как бы отреагировал на подачку принципиальный Садовский? Вспылил бы, непременно вспылил! И Коля выдал укороченный вариант лекции, которую услышал сегодня от доктора Садовского. Да еще и от себя кое-что добавил.

Бородач в кресле помрачнел. Видно было, что такой ответ он получал нечасто. А может, его расстроило пренебрежение к деньгам?

– Что ж, Николай Васильевич, тогда я вынужден перейти к более действенным аргументам. Вот это, – из того же кармана появился пузырек с таблетками в желатиновой упаковке, – снотворное, которое вам придется принять. Как только вы уснете, мои агенты в здании спровоцируют пожар. Ваш компьютер будет изъят и другие ученые – не вы – примут эстафету.

– Угрозы, в конечном итоге, это все, что у вас есть, – Коля старался держать себя в руках. Вот, значит, что ему приготовили? Николай Васильевич Садовский засиделся допоздна и уснул за рабочим столом. Короткое замыкание, случайная искра и дело в шляпе. Светлая память!

– Да, если возникает необходимость, мы прибегаем к интенсивному воздействию. Мир пока не совершенен, – развел руками вербовщик.

– А вы, значит, стремитесь к совершенству, убивая ученых?

– Это самое последнее, что мне хотелось бы делать, – бородач наклонился вперед. – Николай Васильевич, давайте будем реалистами. У этой страны нет будущего. Какой смысл умирать за химеру?

«А вот хрен тебе, урод! Есть у нас будущее! Есть! Я сам видел. Просто за него бороться нужно...» – подумал Коля и уже спокойно, без колебаний протянул вербовщику ладонь лодочкой.

– Давайте ваши таблетки.

Бородач поднялся из кресла.

– Что ж. Я уважаю ваш выбор, хотя и не понимаю его. Вы не возражаете, если я подожду здесь немного? Мне нужно убедиться, что снотворное подействовало.

– Как угодно, – Коля проглотил таблетки и запил остатками чая из стаканчика.

Агент между тем подошел к двери, открыл ее и сказал по-английски: «Работаем вариант Д». Ему что-то ответили. По коридору зашуршали приглушенные шаги. Бородач удовлетворенно кивнул и вновь опустился в кресло. Он умел ждать.

* * *

– Перемещаться со станции вам нельзя, иначе захватите с собой кусок интерьера, – быстро говорил Игорь Николаевич. Они шли по коридорам Раскопа-4 в сторону шлюза. За ними, скребя когтями пол, двигался мрачный чумарозец, выпуская из ноздрей едкий жел-

тый дым. Из-за мясистого щупальца археолога выглядывала блестящая лысина Анаксимандра Алкидовича.

- Надену скафандр, выйду в космос, – пожала плечами Алиса.
- Да, пожалуй, это будет лучше всего.

Облачение не заняло много времени. Умная ткань, извлеченная из аккуратного металлического чехла с дарственной надписью *«Девочке, с которой ничего не случится, от капитана Полоскова на добрую память»* быстро охватила все тело, сформировала прозрачный пузырь шлемофона и прочее потребное оборудование. Алиса открыла шлюз, оглянулась.

– Совсем большая стала, – вздохнул Громозека, из его многочисленных добрых глаз струились слезы.

– Помните, у вас только один шанс все исправить. Не ошибитесь с решением, – Игорь Николаевич подошел, положил Алисе руку на плечо, заглянул в глаза. – Вы должны справиться. Во имя будущего.

– Будущее? Вот оно что! Так вы из будущего? – все, наконец, сошлось – и осведомленность сотрудника МИВ, и его странный костюм.

– Из возможного будущего, – улыбнулся человек в шляпе, – сделать его реальным ваша задача.

Он закрыл за Алисой дверь шлюза, нажал кнопку разгерметизации. Тонкие губы чуть заметно вздрогнули. «Удачи, мама...»

* * *

К борту корабля скафандр приклеился намертво, выпростав длинную липкую ложноножку, так что потеряться в пространстве Алиса не могла. Она еще раз взглянула на Меркурий. Освещенная поверхность планеты вспыхивала очагами новых извержений. Темная сторона вестника богов пребывала во власти ледяной ночи. Алиса попыталась представить себе Москву двадцатого века. С кривыми старыми улочками, нелепыми шумными машинами и сонмами настырных голубей. Из глубин памяти всплыли смутные образы одноклассников. Юлия Грибкова, названная сестра и самоотверженная защитница, выдумщик Фима Королев и Коля Герасимов, мальчик из прошлого, спаситель миелофона. В отличие от других, этот образ был ярким, выпуклым, и Алиса решилась. Сильно сжала пальцы. Додекаэдр лопнул, и тут же стало темно, словно погасло солнце.

Алиса увидела перед собой нечто, напоминающее разворошенный котенком клубок. Только нити светились и шелестели, точно древесная крона под ветром. Тут девушка обнаружила, что сама является частью клубка. Она невозможно растянулась, двигаясь в сплетении нитей. Голова в одном месте, а ноги в такой невообразимой дали, что и письмо не дойдет. Что-то изменилось вокруг. Холодный синеватый свет сменился ярко-рыжим с включениями угольной черноты. «Красиво, – подумала Алиса, – похоже на маковое поле». Но это были не цветы. Вокруг бушевал пожар.

Небольшое помещение стремительно заполнял белесый дым. Из дверного проема вырывались языки пламени. Как хорошо, что на ней скафандр. Прямо перед Алисой за столом сидел человек в белом халате. Похоже, он был без сознания. Девушка приблизилась. Неужели машина Скитальцев вывела ее напрямик к Садовскому? Девушка наклонилась к ученому и вздрогнула. Загримированный, с накладной бородой, перед ней сидел Герасимов. Однако он не был целью спасательной операции. А что, если Садовский тоже где-то здесь? Но в комнате больше никого не было. Пожар между тем все усиливался. Алиса заколебалась. Колю нужно было спасать, но что если изобретатель машины времени сейчас в таком же, если не худшем, положении? Что там сказал Игорь Николаевич? Не ошибитесь с решением.

Логика подсказывала спасти Садовского. Тогда заработают машины времени в институте, и можно будет устроить спасательную экспедицию за Герасимовым. Однако это значило, что здесь и сейчас Коля погибнет. Прервется связь, которой нипочем время и пространство. Нет, дело не в связи. Просто погибнет человек, который... Алиса просто не могла дать ему умереть и все.

Что-то взорвалось внизу. Внезапный толчок отбросил девушку к стене. Пол старого дома треснул и просел, оцетинившись клыками дымящегося паркета. Из трещин вырвалось дымное пламя, отрезая девушку от сидящего за столом человека. Алиса больше не рассуждала. Рванулась вперед, отдавая приказ скафандру. Хватит ли ресурса умной ткани, чтобы укрыть двоих? Алиса обняла Колю, прижалась к нему, чувствуя, как истончается ее защита, и сомкнула пальцы на машине Скитальцев.

Перед ней как наяву встала сцена из детства. Она – пятилетняя кроха – со всех ног бежит через бетонное поле космодрома, прижимая к груди теплого глазастого шушу, а навстречу ей от башни звездного корабля широко шагает высокий человек в темно-синем скафандре и нелепых архаичных очках. Отец...

* * *

Первое, что увидел Коля, когда очнулся, были две луны в лимонном небе. Одна – почти как земная, зато другая имела красноватый оттенок и казалась гораздо меньше. Удивительную картину обрамляли темные кроны деревьев в отсветах живого огня.

Коля поднялся на локтях и увидел рыжебородого крупного мужчину, сидящего у костра.

– Очнулся? – мужчина поднялся, подошел к Коле, присел на корточки. – Дай-ка ожоги гляну. Хм, надо же... мультиспас подействовал. Ну что ж, похоже, тебе повезло, парень. Хотя, если учитывать ситуацию, все может кончиться печально.

– А что случилось? – спросил Коля. Мужчина тяжело вздохнул, безнадежно махнул рукой. Мол, чего там говорить?

– Я предупреждал Селезнева, что нельзя садиться в низину. Здесь ночами опасно, даже очень. Упыри, гигантские завродоны, ну и дракончики, конечно. Придется поднимать щиты, а значит, тратить энергию «Пегаса». Запасных батарей взяли мало. Видите ли, нужно было место для вольеров освободить. И где, скажи на милость, я должен брать энергию? Так мы рискуем навсегда остаться на Эвридике.

– Эвридика – это планета? То есть... Мы на другой планете? – Коля смотрел на рыжебородого ворчуна во все глаза. А «Пегас» – это...

– Пегас – это корабль. И да – мы на другой планете за много парсеков от Земли. Меня зовут Филидор Зеленый, вон там у корабля профессор Селезнев, директор Космозоо, который совершенно не дорожит своей жизнью, а девушка, что говорит с ним...

– Алиса, – Коля смотрел очень внимательно, опасаясь, что все вот-вот исчезнет, и он снова окажется в кабинете Садовского. Однако ничего не пропадало. Стремительно сгустились сумерки, трещал костер. В джунглях что-то ворочалось и завывало, приближалась ночь.

Влад Копернин. Сквозь зеркало

Весельчак: «Некоторые мои шутки кончаются слезами».
Кир Булычев. Путешествие Алисы

Часть первая **Алиса в далекой стране**

Отгремели торжественные фанфары, стихли речи. Дан старт. Корабль мерно гудит, в полутьме спокойно мигают зеленые индикаторы. Еще одно – самое главное – и можно расслабиться, отвлечься от безумного напряжения последнего года, забыть про изматывающую подготовку к полету, забыть мытарства по госпиталям, забыть про недельный перелет от Земли до системы Медузы, когда каждый встречный корабль считал необходимым познакомиться, поприветствовать, остановить и пообщаться. Забыть почти обо всем и немного помечтать.

Помечтать о встрече с друзьями в далекой Галактике, помечтать о встрече с друзьями после окончания экспедиции. Удобно устроиться на специально спроектированном кресле, вытянуть три ноги, грустно усмехнуться, глядя на вмонтированную в один из шести подлокотников аптечку. Врачи не понимали, что лучшее лекарство для Капитана – это Космос, и только здесь, в Космосе, все недуги окончательно покинут его.

Можно отдохнуть неделю – пока корабль следует межгалактическим курсом.

Но сначала главное. Капитан встает, важность момента не дает ему усидеть на месте, откидывает большим пальцем красный колпачок на штурвале, вводит защитный код. Нажимает оранжевую кнопку. Вот и все. Что-то забыл? Ах, да. Традиция. В огромных глазах озорной блеск.

– Поехали!

Корабль едва заметно вздрагивает, черная космическая бездна за иллюминаторами превращается в серую туманную муть. Через неделю он будет в соседней Галактике. Целая неделя покоя – и абсолютной свободы.

Нет. Что-то не так. В нижних отсеках какой-то шум. Там не должно ничего шуметь, там нечему шуметь. Надо проверить. Нет, уже не надо. Индикатор лифта горит красным, кабина движется вниз, потом вверх. Какая-то мистика, он один на корабле. Или – опять пираты?

Бластеры, кажется, сами прыгают в две из шести рук, выход из кабины под прицелом. Раздвигаются двери.

– Стоять, не двигаться, конечности за голову, открываю огонь без предупреждения!

Тонкий девичий голос в ответ:

– Не стреляйте, Капитан! Это я, Алиса.

– Как Алиса? Почему Алиса? Выходить медленно, резкое движение будет вашим последним движением.

Из кабины медленно выходит невысокая русоволосая девушка, в глазах испуг, радость, любопытство. Больше всего любопытства. Протягивает руки ладонями вверх:

– Алиса, Алиса Селезнева, не стреляйте в меня.

Воспоминания трехлетней давности ударяют в голову, как столетнее флисканское вино. Пираты, плен, пытки. Спасение – от маленькой девочки с Земли и ее друзей. Клиническая смерть и тяжелое возвращение к жизни.

– Алиса? Ради Галактики, что ты здесь делаешь?

Девушка спокойна:

– Так получилось, что я лечу с вами, Капитан.

Остается только упасть в кресло, выронив бластеры и всеми шестью руками схватиться за голову. Простонать:

– Как? Как так получилось? Галл-л-л-лактика. Немедленно поворачиваем.

– И срываем Вторую Межгалактическую экспедицию? И смотрим в глаза ученым, инженерам – всем, кто готовил перелет, всем гражданам Галактики? Следующая порция галактия, достаточная для перелета, будет готова только через год, вы же знаете это.

– Я-то знаю, – вздыхает Капитан. – И что нам теперь делать?

– Лететь вперед, как летели, – уверенно звенит девичий голос. – Между прочим, Второй Капитан лично обещал мне взять меня с собой, когда вырасту. Вот, я выросла, мне уже почти шестнадцать. Обещания надо выполнять, ведь правда?

Шах и мат. Не столько из-за обещания, данного другом, сколько из-за топлива. Производство межгалактического топлива очень просто, но при этом очень трудоемко и медленно, вся тяжесть подготовки к экспедиции объяснялась тем, что приходилось ждать, пока наберется достаточное количество. На верфях Плутона построено уже пять межгалактических кораблей, заложено еще десять. А топлива только на перелет в одну сторону. И постоянные проверки готовности, и перепроверки, и переперепроверки.

Не хотелось бы повторять снова. А вдруг врачи второй раз не отпустят. Сейчас-то пускать не хотели, еле уговорил.

– Алиса, ты спасла мне жизнь, я обязан тебе. Но кто-нибудь, когда-нибудь говорил тебе, что летать зайцем – это очень плохо, а шантаж – это еще хуже?

– Постоянно говорят, Капитан! Но что делать, если все до сих пор считают меня маленькой девочкой-дошкольницей? Вот и приходится пользоваться методами маленькой девочки-дошкольницы.

– А ты знаешь, что по космическому законодательству я могу посадить пойманного зайца в любой точке Галактики, в одиночной шлюпке, прямо в космос? А ты знаешь, что я, получаю, несу полную ответственность за тебя? Ты говоришь про граждан Галактики – а как я буду смотреть в глаза твоему отцу, если с тобой что-то случится?

Алиса смеется:

– Но вы же не посадите меня, правда? Во-первых, потому что мы уже не «в любой точке Галактики», а далеко за ее пределами. Я еле-еле дождалась, пока вы включите галактические двигатели. А во-вторых, – ну ведь вы же хороший! Плохой капитан так и сделал бы, а вы – хороший, правда? И ничего со мной не случится, абсолютно ничего. – Вздыхает: – Со мной почему-то никогда ничего не случается.

Четыре руки бессильно падают на подлокотники, две закрывают лицо:

– Знаю я это «ничего»! Но объясни мне во имя Вселенной – как ты сюда попала?

– Значит, остаюсь? Значит, летим вместе? Ураа-а-а! – девушка хлопает в ладоши, с детской непосредственностью подпрыгивает к Капитану, целует в щеку.

Капитан отстраняет ее, огромные глаза смотрят строго:

– Как. Ты. Сюда. Попала. Объясни.

– Я следовала за белым кроликом, как положено Алисе.

– Что?

– У нас со станции, а вы знаете, у нас такая биостанция в Москве, просто мини-научный центр уже, мы с детства там занимаемся, так вот у нас со станции сбежал кролик, мы его искали, искали, с ног сбились, – тараторит Алиса. – Так вот, он сбежал, и мне позвонили друзья из космопорта, сказали, что видели его на летном поле – а его тяжело не увидеть, это гигантский кролик, метр в холке, вот чтобы его поймать, мне и выписали полный пропуск – сами-

то не могли, ему же страшно, он от незнакомцев убегает, может в беду попасть, или повредить что...

Тяжкий стон:

– Стоп. У нас еще и гигантский кролик здесь где-то?

– Нет-нет, я же говорю, мне пропуск выписали, кролика-то я сразу поймала – ну как поймала, он меня когда увидел, сам на руки прыгнул, еле удержала! Кролика-то я унесла, а пропуск остался, он на сутки был выписан. Вот я ночью и пробралась на космодром – а потом и к вам на корабль. И затаилась. Если б не он – ума не приложу, как бы я пробиралась.

– Алиса, посмотри мне в глаза. Скажи, тебе совсем не стыдно?

Девушка лукаво отводит взгляд, ковыряет покрытие рубки острым носком туфельки:

– Ну, так. Немного.

– Ясно. Тебе не стыдно, – резюмирует флисканец.

– А почему, в конце концов, мне должно быть стыдно? Мне Второй Капитан обещал? Обещал. А Первый Капитан говорил, что вы – одно целое, что говорит один – то же говорит и делает другой. Так ведь?

– Так. Хорошо. Что с тобой делать? Прилетаем. Выполняем минимальную программу исследований, собираем образцы – и сразу домой. У тебя же родители с ума сходят, поди. А мне даже радиogramму не дать – мы в межгалактическом пространстве, вернемся раньше, чем она придет.

– Вот и замечательно. А родители не волнуются, я папе записку оставила, там про все, про все написала: и про обещания, и что я с вами, и что ничего со мной не случится, и что на станции сделать надо, пока меня не будет, и как Питера кормить – это кролик тот самый, он морковное варенье любит, про все, про все. Папа не будет волноваться.

Алиса жмурится, ненадолго отворачивается:

– Ну, почти не будет. Я надеюсь.

Неделя прошла не так спокойно, как хотелось бы, но намного спокойнее, чем могла бы. Алиса слушала рассказы флисканца о странствиях Трех Капитанов, о его путешествии в соседнюю Галактику, учила – по два за день, чтобы не переутомляться, – основные языки, готовила для себя собственную программу биологических исследований. Когда корабль резко тряхнуло и в мутноватом иллюминаторном стекле вновь вместо ставшей привычной серой мути появился черный бархат открытого космоса, она как раз заканчивала набрасывать шаблон очередного отчета.

– Внимание, автопилот выполнил программу перехода в режим ручного управления и будет отключен, – сообщили динамики.

Девушка помчалась в рубку управления, где мигали красными лампочками индикаторы. Капитан озадаченно тер виски, крутил ручки настройки, сверялся с распечатками и снова брался за приборы. Шесть рук мелькали в воздухе – казалось, ловкий фокусник пытается вытащить из шляпы сразу пару дюжин кроликов.

– Прилетели?

– Подожди, Алиса. Не мешай.

Алиса надулась, тихонько села в уголке и стала наблюдать. Чем больше колдовал над приборами флисканец, там больше индикаторов меняли цвет с ровно-зеленого на тревожный красный. Наконец, последний зеленый огонек мигнул – и загорелся алым.

Капитан, как будто ждал этого, откинулся на спинку кресла, руки его бессильно повисли.

– Что-то не так, Капитан?

– Все не так. Да, мы прилетели. Но куда мы прилетели – я не знаю.

– Как это? – выдохнула Алиса.

– Вот так. Мы на краю Галактики. Спектральный анализ показывает, что это на девяносто восемь процентов та галактика, куда мы летели.

– А на два процента? – не поняла девушка.

– А на два процента – не та, – отрезал Капитан и схватился за голову. Потом потянулся к одному из подлокотников, открыл потайной ящик и бросил в рот горсть таблеток. – Расположение звезд не совпадает с моими картами абсолютно. Части звезд нет совсем, а часть имеющихся – отсутствует в базе. Видимо, это те самые два процента.

– То есть это не та галактика?

– Я не знаю. Но наш передатчик ловит какие-то упорядоченные излучения. То есть здесь есть достаточно разумная жизнь, и хотя бы это радует.

– Но как же могло так получиться? Автопилот дал сбой?

– Вряд ли. Скорее из-за ошибки в расчете массы корабля, – флисканец недобро посмотрел на Алису, – нас просто-напросто выбросило неизвестно где и неизвестно когда.

Алиса сразу поняла, в чей огород брошен камень:

– Ох, Капитан, ну что вы такое говорите. Как будто лишних сорок два килограмма могут так повлиять на курс стопятидесятитонного судна!

– Девочка, в таких делах мелочей не бывает. Твое счастье, что флисканцам чужды сильные эмоции. Будь я землянином – я бы рвал и метал.

– Ну Капитан, ну милый, ну это не может быть из-за меня, ну совсем не может, – Алиса умоляюще трясла его за руки, просительно заглядывала в огромные черные глаза. – Но ведь здесь есть люди, они помогут нам синтезировать галактий – и мы вернемся домой, правда? Ну останемся чуть подольше и вернемся? Правда?

Капитан обреченно махнул двумя руками:

– У нас в любом случае нет другого выхода. Садимся на ближайшей планете, а там действуем по обстоятельствам.

Алиса запрыгала, захлопала в ладоши.

– Не вижу поводов для радости.

– Ну как же, ведь люди, или кто тут есть, достаточно цивилизованны для того, чтобы вести межзвездные переговоры, – они должны быть развитыми, как мы, как та галактика, где вы были, сильными, справедливыми, добрыми. И они обязательно помогут, и мы открыли еще одну галактику, и когда вернемся, всем расскажем, вот удивлений-то будет.

Капитан отвернулся и совсем тихо, так, чтобы не услышала девушка, процедил:

– Если. Если вернемся.

Ближайшая планета – одинокий песчаный гигант, вращающийся около двойной звезды. Большой город с космопортом – и бескрайние песчаные пустыни с редкими скалами.

– Безрадостное место, – ворчит Капитан. – Надо бы тут поосторожнее.

– А я думаю – надо сразу садиться вот туда, где космопорт. И просить помощи.

– И попасть в лапы к местным негодяям? Уже забыла о пиратах?

– Ой, и правда. Если бы я была пиратом – обязательно выбрала бы себе эту планету как укрытие.

– То-то. К тому же здесь какая-то чертовщина происходит с приборами, видимо, под песком большие залежи металлов. Я приземлюсь где-нибудь в горах. Будем вести наблюдение, перехватывать их передачи – и когда дешифруем, тогда и выдвинемся в город. Поняла?

– Да, Капитан.

– И смотри, Алиса. Без глупостей. А то захочешь еще прогуляться.

– Да за кого вы меня принимаете! – обижается Алиса. – Не маленькая, понимаю.

– Тогда снижаемся. Вот площадка хорошая, большая, ровная. Готовься к посадке, и ни одного движения без моего приказа.

– Так точно!

Посадка оказалась жесткой. Облюбованная Капитаном площадка с грохотом провалилась – и почти полминуты они падали в полной темноте. Снова грохот, скрежет, лязг. Корабль лег на бок и замер. Флисканец в отчаянии бил себя кулаками по голове:

– Ну как? Как я мог попасть два раза в одну и ту же ловушку? Это недостойно. Это глупо. Я стал слишком стар для Космоса.

– Ну что вы, Капитан. Это не ловушка, просто под площадкой оказалась пещера. Так не бывает, чтобы два раза подряд, я-то знаю! – успокаивала Алиса. – Включите прожектор, давайте осмотримся.

Капитан тяжело вздохнул, бросил в рот еще горсть таблеток – и пробежал руками по пульту. В иллюминаторах стала видна огромная пещера, заваленная камнями.

– Вот видите! Просто потолок обвалился, мы и упали.

– Просто. Просто так ничего не бывает, девочка. Но поскольку падать теперь дальше, кажется, уже некуда – пойдем, осмотримся. Отстегивайся, бери в арсенале бластер – и вперед.

Не веря своему счастью, Алиса несется к оружейному шкафу, хватая бластер и бежит к выходу.

– Стоп! Не так быстро, – останавливает ее Капитан. Сначала выхожу я, ты прикрываешь меня. Я бегу к укрытию, ты выходишь, идешь ко мне, я прикрываю тебя. Дальше по обстоятельствам. Понятно?

– Понятно. Выходим?

– Пробы воздуха в норме, выходим.

Сначала подозрительно, целясь в любой сгусток теней, потом все спокойнее и спокойнее Алиса с Капитаном осматривают пещеру. Кажется, из нее ведет несколько выходов – но все они завалены камнями, свалившимися при посадке.

– Нашла! – кричит, наконец, Алиса. – Здесь проход, из него дует свежий воздух – значит, там выход.

– Не кричи. Во-первых, может быть обвал. Во-вторых, мы еще не знаем, одни ли мы здесь, – подходит к ней Капитан. – А в-третьих, я здесь не пролезу. Это факт.

Действительно, проход сужается – и там, где может протиснуться хрупкая пятнадцатилетняя девушка, массивный трехногий флисканец имеет все шансы застрять навечно.

Алиса поднимает глаза:

– Значит, придется идти одной?

– Нет. Даже не думай, никуда ты одна не пойдешь. Будем искать дальше.

Но дальше искать им не пришлось: с противоположной стороны пещеры слышится шорох, потом шум, сыпятся камни. Миг – и просторный подземный зал заполнен высокими существами в бурых балахонах. Большинство держат в руках железные палки – явно оружие, хоть и древнее на вид.

Окружают полукругом Алису и Капитана, один – видимо, вожак, – что-то говорит. Слова смутно знакомые, в голосе угроза.

– Мы пришли с миром, – пытается начать разговор Капитан.

В ответ выстрелы. Пули щелкают по кевларовым скафандрам, не причиняя вреда, но путь к кораблю отрезан, а нападающих слишком много.

В четырех руках Капитана мигом оказываются бластеры, смертоносные лучи срезают первую линию чужаков, но на их место тут же шагают другие.

Алиса тоже стреляет, но получается поверх голов: не хватает умения.

– Алиса, беги! Я задержу их, – выдыхает флисканец.

– Нет! – девушка стоит в расщелине за спиной Капитана, целится, стреляет. В этот раз удачно, один из врагов падает – но это капля в море. Еще немного, и бурая волна просто проглотит обоих.

– Беги, я сказал. Это приказ! Назад, уроды. Зажмурься!

Вспышка, оглушительный грохот, сквозь грохот еле слышен крик Капитана:

– Это световомовая граната, она их остановит ненадолго. Беги, я за тобой. Попробуем проскочить.

Убедившись, что Капитан следует за ней, Алиса ныряет в расщелину.

Флисканец отстреливается, с трудом продвигается вперед. Слышно, как кричат нападающие. Шорох. Они пытаются тоже проползти в лаз.

– Алиса. Дальше ты сама.

– Нет.

– Да, я застрял.

Алиса возвращается, тянет Капитана за руки, упирается ногами, стонет, в голос кричит от напряжения. Не помогает.

– Бесполезно. Иди, Алиса. Со мной все кончено. Я ранен. Я задержу их, сколько смогу, потом взорву гранату, чтобы не достали тебя. Ты же справишься? Обещай, что справишься, что вернешься домой.

Алиса кусает губы до крови, сжимает кулаки. Ребристая рукоять бластера впиивается в ладонь.

– Обещаю.

– И передай друзьям...

– Что?

– Что-нибудь.

Свободными руками Капитан стреляет в сторону пещеры, в ответ летят пули. Он достает гранату, выдергивает чеку, зажимает в руке:

– Как только я разожму руку, будет взрыв. Беги. Прощай.

– Прощайте, Капитан!

Алиса не хочет, не может просто так уйти, но под взглядом черных флисканских глаз поворачивается и идет по проходу. Потом проталкивается, потом становится на четвереньки. Даже если бы Капитану удалось пройти там – здесь бы он не прошел. Иногда ей кажется, что все, тупик, – но она протискивается. Сколько проходит времени? Полчаса? Час? Десять минут? Минута?

Взрыв. Все кончено – Капитан погиб.

Алиса не замечает, что по ее щекам уже давно текут слезы, что руки сбиты в кровь, а ногти изломаны. Не замечает, что проход наконец расширяется, – и выходит под двойной свет местных солнц.

Когда раскаленный воздух обжигает ей легкие, а свет бьет по глазам, она просто задерживает дыхание, зажимается и бредет, бессмысленно бредет прямо в пустыню.

Капитан погиб. Корабль погиб. Экспедиция окончена, не начавшись. Шаг за шагом под палящими солнцами она идет навстречу верной смерти. Уже не идет – ползет, не раскрывая глаз, почти не дыша.

Когда на нее падает тень – чуть приоткрывает глаза, видит людей: настоящих людей в странных одеждах.

Понимает, что нужно быть осторожной, но на осторожность нет сил. Она просто хрипит:

– Помогите. Пожалуйста, помогите!

Приходит в себя на корабле – в этом невозможно ошибиться тому, кто с раннего детства летал в космосе. Удобная постель, спартанская обстановка, мерный гул двигателей. Кажется, простой перелет с Земли на Пенелопу, и вот-вот ее встретит папа, и друг – археолог Ррр, и Три Капитана. Нет, не три. Два. Уже Два Капитана, вспоминает Алиса.

И кричит, кричит, воет, как затравленная волчица, не может и не хочет сдерживать этот вой.

Не замечает, как открывается дверь, как входит в каюту невысокий русоволосый человек. Но он поднимает руку – и боль утраты стихает, превращается в саднящую печаль, а потом в светлую грусть. Она еще всхлипывает, а он спокойно садится на край кровати, гладит Алису по голове.

– Успокойтесь, вы среди друзей.

– Правда? – доверчиво спрашивает девушка.

– Правда, – спокойно подтверждает человек в белых одеждах. И Алиса понимает, что это действительно правда.

– Где я?

– Вы на нашем корабле, летите в столицу Галактической Республики. Если это не входит в ваши планы – простите, мы ничего не можем с этим поделать, у нас очень срочное дело. Но оттуда вы сможете попасть куда угодно.

– Как мы понимаем друг друга? – спрашивает первое, что приходит в голову, Алиса.

– Пока вы были без сознания, я вошел в легкий ментальный контакт с вами. Вы уже знали какой-то язык, отдаленно похожий на наш, – я внес лишь незначительные коррективы. А заодно, уж простите, коснулся ваших недавних воспоминаний. Разделяю с вами боль утраты. Ваш друг был настоящим героем.

Алиса снова готова зарыдать, но русоволосый гладит ее по голове, и от этого прикосновения ей становится светло и легко.

– Вы поможете мне вернуться домой? – просто спрашивает она.

– Я – вряд ли. Это не в моих силах. Но в столице есть человек, который должен помочь моим друзьям, – и, наверное, поможет вам. По крайней мере, может помочь. Сейчас поспите. Завтра мы будем на месте.

– Мне не до сна, – горько усмехается Алиса. – Расскажите мне о вашем мире, о вас. Раз уж я здесь – я должна знать, где это здесь.

– Ну что ж, воля ваша. Я расскажу вам – только это будет длинный и не очень веселый рассказ, – поглаживает бороду русоволосый. Его доброе лицо становится грустным и задумчивым.

Столица Галактической Республики поразила Алису. Она видела множество городов и множество планет, но планету-город – впервые. Башни, чьи шпили терялись в облаках, а с вершины не видно земли, ущелья улиц с многоуровневым движением, бесконечные ряды флаеров – насколько хватает глаз вверх и вниз, мчатся на бешеных скоростях. Апофеоз величия разума. Квинтэссенция мысли.

Это совершенно не вязалось с тем, о чем рассказывал русоволосый рыцарь, спасший ее: рабство, войны, насилие, жестокость, страдания. Голод, болезни. Бессилие закона и закон бессилия.

Казалось, в этом прекрасном городе должны жить прекрасные люди, победившие все пережитки дикости и варварства. Может, так и есть? Может, спаситель просто врал ей – или сам обманывался? Что ж. Вечером все выяснится.

Человек, который встречал их, кажется, был одним из администраторов этого мира, его называли Сенатор. Он принял рассказ новых Алисиных друзей всерьез – и поспешил предпринять какие-то действия. А с ней обещал поговорить вечером.

Спешить Алисе было больше некуда. Слез тоже не осталось. Она просто ждала – и смотрела, как над городом садится солнце, как тьма постепенно поглощает его, как зажигаются огни над проспектами.

Легкое покашливание за спиной вывело ее из полудремы. Перед ней стоял тот самый Сенатор. Седой человек в длинной темной хламиде. Его серые, почти бесцветные глаза, казалось, прожигали насквозь:

– Так это вы – девушка из другого мира? Вот уж что точно не входило в мои планы, так это ваше появление.

Алиса надула губы:

– А я и не собиралась согласовывать с вашими планами свое появление. Мы прилетели из другой Галактики, во имя мира, добра, прогресса, а ваши бандиты напали на нас, убили Капитана, – она задыхнулась, и Сенатор тактично перебил:

– Простите, но это не мои бандиты. Строго говоря, они вообще не бандиты, а просто дикари – хотя вам от этого, конечно, не легче. Поясните мне, пожалуйста, я не совсем понимаю: что значит во имя добра? Ваша миссия носила политический характер? Торговый? Или, может быть, разведывательный?

– Да нет же! Мы летели, чтобы протянуть руку дружбы от одной галактики до другой, – вспомнила Алиса слова из торжественной речи. – Чтобы вместе двигаться дальше, к светлому будущему всех разумных существ во Вселенной.

– Очень интересно. Давайте присядем – нам, скорее всего, предстоит долгий разговор. Я буду откровенен с вами. Вы не входите в мои планы – и можете помочь мне. А можете очень сильно помешать. Но если вы поможете мне, я постараюсь отправить вас домой.

– Это возможно? – удивилась Алиса. – Я поняла, что ваши корабли не могут летать между галактиками.

– Корабли – это не главное. Главное – та сила, которая живет в каждом из нас. Впрочем, не буду утомлять подробностями – расскажите лучше про ваш мир. Ведь вы уже достаточно знаете наш, и, как я понял, много удивляет, если не возмущает вас. Неужели у вас все устроено совсем по-другому?

– Да, – с вызовом ответила Алиса. – Совсем по-другому.

– Расскажите.

И Алиса рассказала. Она рассказывала долго, вздохнула, про свое детство, про то, как воспитывают будущих граждан Галактики, про биостанцию, про ученых, про капитанов, про Институт Времени, про пиратов и борьбу с ними, про проект «Венера», про своих друзей, даже про кролика Питера.

Сенатор не перебивал. Он задумчиво кивал, иногда потирал тонкий прямой нос, прикрывал глаза, а когда открывал их – казалось, хочет прожечь Алису взглядом насквозь.

Когда же девушка выдохлась, он откинулся в кресле и прошептал:

– Да, интересная теория общественного устройства. Очень интересная. Но, увы, совершенно не применимая на практике.

– Как – неприменимая? – опешила Алиса.

– Боюсь, мне придется вас огорчить. Скорее всего, вы живете в придуманном мире. Его придумал очень светлый человек, но тем не менее, он придуман от начала и до конца.

«Это ерунда!» – хотела крикнуть Алиса. Но сначала сдержалась из вежливости, а потом догадка черной молнией осенила ее:

– Значит... Значит, вы считаете, я никогда не смогу вернуться домой?

– Я не говорил этого. Возможности нашей силы почти безграничны – в принципе, я могу создать шторм такой мощи, чтобы образовалась червоточина в пространстве-времени. И если вы точно будете знать, куда и когда вы хотите прибыть, вы прибудете туда, именно в это «куда и когда». Остальное не в моей власти.

– Так сделайте же это, Сенатор, пожалуйста! – подпрыгнула Алиса.

– Не все так просто. Вы должны мне помочь.

– Как?

– Завтра заседание Сената. Я представлю вас как очень важную гостью. И попрошу кратко высказать свое видение проблем нашей Галактики. Я вижу ваше к ним отношение. Можете себя особо не сдерживать. Чем резче вы выскажетесь, тем сильнее будет шторм, тем сильнее вас оттолкнет от наших «здесь и сейчас» и притянет к вашему «когда и куда».

– Не понимаю, – помотала головой девушка.

– Поймете. Я уверен, вы обязательно поймете. А теперь разрешите откланяться. Очень, очень приятно было побеседовать с вами. До завтра.

Назавтра были сенатские слушания. Разбирали дело новых друзей Алисы – и ее потрясло то, с каким равнодушием эти люди, и не только люди, но разумные существа, облеченные высшей государственной властью, – слушали о страданиях мирных людей, о войне, о том, как голодают дети, как продают и покупают людей, словно скот.

Когда Алисе дали слово – она еле сдерживалась. Она почти забыла, где она, и кто она, и что она должна говорить.

– Вы не сенаторы! – крикнула она, и звонкий девичий голос зазвенел по громадному – наверное, с Луну величиной – залу. – Вы не сенаторы, вы погрязли в бумагах, вы перебираете бумаги, вы отгородились бумажной стеной от своей Республики. Вы сами превратились в бумаги, и вас самих перебирают, как бумажный ворох, тасуют, как карты, – кричала Алиса. – Да. Вы всего-навсего колода карт!

Со всех сторон слышались возмущенные возгласы, вопли, крик и сопение. Сразу с нескольких трибун поднялись Сенаторы, чтобы выразить протест. В Алису бросали комки бумаги – они летели прямо на нее. Алиса вскинула руки, чтобы закрыться, – и налетевший ветер швырнул бумаги ей в лицо, как сухие осенние листья.

Нет, это и были сухие осенние листья.

Алиса оглянулась – она стояла в родном парке у Речного вокзала, и ветер, играя, швырял ей в лицо пригоршни разноцветных листьев. Она оглянулась еще раз, убедиться, что это не сон.

Не сон. Нет, не сон. Вон, через дорогу, ее дом.

– Я дома, – прошептала она. И, не сдерживаясь уже, на бегу в голос закричала: – Папа, мама, я дома!

Часть вторая

Алиса в Зазеркалье

Пиная палую листву, Алиса подбежала к подъезду, взлетела по лестнице, затрезвонила в дверь. Потом, не в силах ждать, забарабанила кулаками.

Соседняя дверь открылась на длину цепочки, выглянула аккуратная старушка:

– Ты чего тут?

– Я же дома! – радостно крикнула девушка. – Я вернулась!

– Никак Алиска, – всплеснула руками старушка. Живая?

– Да!

– Вот отец-то обрадуется, как придет. Сейчас, скоро должен быть уже, подожди.

– А вы наша новая соседка? – спросила Алиса. Она ну совершенно не помнила этой милой женщины.

Та неодобрительно проворчала что-то и захлопнула дверь.

Алиса хмыкнула, пожала плечами. Села на подоконник и, болтая ногами, стала ждать отца.

А вот и знакомые с детства шаги внизу на лестнице. Только медленнее, тяжелее.

«Папа за меня волновался» – вздохнула Алиса.

Действительно, профессор Селезнев выглядел совсем не так, каким она его помнила. Поседел, как-то сник. Не оглядываясь по сторонам, прошел к двери, зазвенел ключами.

– Папа, – шепнула Алиса. И, не дожидаясь ответа, спрыгнула с подоконника: – Папа!!!

Профессор выронил ключи, обернулся:

– Алиса! Девочка моя, правда ты?

– Правда, папа. Я, – она бросилась отцу на шею.

– Наконец-то. Я знал, – бормотал отец, – я верил, всегда верил, что ты вернешься, вот такая, живая, здоровая, веселая, что бы ни говорили.

Алиса быстро наклонилась, подняла ключи, открыла дверь:

– Веселиться-то, – вздохнула, – особых поводов нет. Экспедиция сорвана, Капитан погиб.

– Алиса? – строго смотрит на нее профессор. – Давай зайдем внутрь и поговорим, хорошо?

– Конечно, папа, – щебечет девушка, спиной вперед проходит в квартиру, любитесь дорогим отцовским лицом. – Конечно, как скажешь. Как вы тут? Как мама? Как...

– Алиса, – отец с трудом переступает порог, хватается за сердце, бледнеет. – Алиса, мама умерла, когда тебе было три года. Как ты думаешь, как она?

Алиса замолкает на полуслове, пытается вдохнуть – не получается.

Еле выдавливает из себя:

– Как это? Как умерла? Отчего?

– Если ты забыла, – с треском захлопывает дверь профессор, – она умерла от того, что я не смог спасти ее. Не смог вовремя достать лекарство: связи связями, а деньги деньгами. Я совершенно не вижу... Алиса? Подожди, я сейчас, сейчас накапаю нам, подожди.

Алиса сползает по стене, в глазах темно, на душе камень размером с гору Килиманджаро. Пока отец гремит на кухне стаканами, разливая корвалол, она тихо шепчет:

– Мама! Мамочка! Как такое может быть?

Берет дрожащей рукой из отцовской руки стакан, стучит зубами о край:

– Папа, сколько меня не было?

– Ты ушла из дома три месяца назад, девочка моя. Я думал, что навсегда потерял и тебя.

– Скажи, папа, как такое может быть, чтобы в середине двадцать первого века кто-то на Земле умер от того, что не было лекарства?

Профессор Селезнев тяжело охает, садится рядом с Алисой прямо на давно не мытый пол:

– Вот так, знаешь ли, бывает. Сплошь и рядом.

Алиса упрямо мотает головой, ей в голову приходит шальная мысль:

– Подожди. Давай сначала. Ты точно мой папа, профессор биологии Селезнев, директор Московского космозоопарка?

– Хм, – трет подбородок отец. – Все сходится. Кроме «Космо-». «Космо» – это торговый центр на проспекте Мира, но при чем тут...

– Стоп, – поднимает руку Алиса. – Еще не все. Ты уверен, что я – Алиса Селезнева, твоя дочка?

– Я? – вздыхает профессор. – Я-то уверен.

Ерошит густо-русые Алисины волосы.

– Что на тебя нашло, скажи мне? Ты нездорова? Где ты была все это время?

– Если все так, как ты говоришь, то ты мне не поверишь.

- Поверю, – честно смотрит ей в глаза отец. – По крайней мере, постараюсь поверить.
- Ну тогда слушай, – просто говорит Алиса.

И прямо в прихожей – знакомой и незнакомой одновременно – вываливает на несчастного профессора сначала все о Второй Межгалактической экспедиции, а потом всю свою историю, все, что помнила о себе с трехлетнего возраста – и до текущего дня.

Профессор слушает очень внимательно. Иногда снимает очки, протирает уголком галстука – и снова надевает. Несколько раз встает, прохаживается туда-сюда по прихожей, снова садится на грязный пол.

При словах «Кролик Питер» – уходит в комнату, возвращается с клеткой. В клетке мирно спит маленький белый кролик, рядом блюдечко с оранжевой массой.

– Морковное варенье, – уточняет Селезнев-старший. – Вредно ему, конечно, но я немножко, очень уж любит.

Когда Алиса заканчивает рассказ, отец и дочь поднимаются, молча идут на кухню. Профессор в молчании заваривает крепчайший чай. Садятся, смотрят друг на друга.

– Я – сумасшедшая, да? – первой не выдерживает Алиса.

– Я воздержался бы от столь категоричных суждений, – поправляет очки отец. – Но многое свидетельствует в пользу этой гипотезы.

В глазах Алисы ужас.

– Много, но не все, – продолжает отец. – Во-первых, редко какой сумасшедший способен создать такой мир, как твой, логичный, выверенный, тщательно продуманный.

– И на том спасибо, – хмыкает дочь.

– Не перебивай. А во-вторых: во-вторых, вот! – и профессор жестом фокусника хватается за правую руку и поворачивает ее запястьем кверху. – Видишь?

– Нет, – честно признается девушка. – Рука и рука, что с ней?

– Вот и я не вижу. А полгода назад ты сделала себе татуировку – череп и какая-то непонятная надпись. За три месяца татуировку так не сведешь.

– Ради Галактики, зачем мне татуировка?

– Я не знаю, – пожимает плечами профессор. – Ты же делала, тебе виднее.

– Не делала я никогда никаких татуировок!

– Вот! – радостно поднимает палец профессор. – Это значит, существует ненулевая вероятность, что твоя история правдива. Ну, хотя бы в какой-то части.

Потом сникает, резким движением развязывает галстук: – Хотя я бы, честно говоря, не очень на это рассчитывал. Давай сделаем вот как. Мой однокашник, профессор Стравинский, не откажет мне в еще одной услуге. Он примет тебя, посмотрит, вы с ним побеседуете. А потом мы будем делать окончательные выводы, хорошо?

– Психиатр? –стораживается Алиса.

– Психоневролог. Очень хороший психоневролог, потомственный.

Алиса хочет спорить, но у нее уже нет сил. Последнее потрясение опустошило ее. Единственное, что она спрашивает:

– А почему «еще одна услуга»? Он уже м... осматривал меня?

– Нет-нет, – махает рукой отец. – Не тебя. Ты упоминала своего друга, Пашку Гераскина.

– Он здесь, он существует? – глаза Алисы радостно загораются. Но ненадолго.

– Да. До трех лет вы были с ним неразлучны. А потом его родители погибли в автокатастрофе. Чтобы не отдавать его в детский дом, я помог устроить его в закрытый экспериментальный интернат. Там собрали замечательный преподавательский состав, хотели поставить педагогический эксперимент, но детали не разглашали.

– И что? Он там свихнулся?

– Не совсем там. Когда эксперимент закончили – преждевременно, год назад, оказалось, что ребят готовили к жизни в условиях четвертой этической системы. Представляешь, что это такое?

– Конечно! Это нормально для нашего мира.

– Угу. Вот-вот. Для вашего, но, увы, не для нашего. И когда эксперимент закончили, некоторые ребята – талантливые, надо сказать, ребята, – просто выпали из нашего мира. Где они сейчас живут, где скитаются – я не знаю. А плоть его – у профессора Стравинского, в Петрограде.

– В Ленинграде?

– В Петрограде. Ну, чтобы никому не обидно было – в Питере. Так лучше.

– Ненамного. Ну ладно, – Алиса чувствует, что еще немного, и отключится прямо за столом. – Мы завтра туда поедем?

– Да. Первым же скоростным поездом. Иди спать, девочка моя. В твоей комнате все готово, я каждый день стелил постель. Ждал тебя.

Алиса встает из-за стола, обнимает отца, целует слегка шершавую щеку:

– Спасибо, папа. До завтра.

Пашка оказался абсолютно таким же, каким Алиса его помнила. Растрепанный, как воробей, нескладный – но обаятельный. Вот только вместо неумейной энергии и молодецкого задора глаза лучились какой-то недетской мудростью, почти как у русоволосого рыцаря, спасшего Алису.

– Значит, вот там у нас как, – протянул он, выслушав Алисин рассказ. Им разрешили общаться – профессор решил, что подобное надо попробовать изменить подобным, и не стал сильно мучить девушку расспросами. Он уже убедился, что под самым глубоким гипнозом она говорит то же самое, что и в простой беседе.

– Да, у нас вот так, – согласилась Алиса. – А здесь – хуже, чем в далекой Галактике. Я почитала газеты в дороге – просто зла не хватает. Хочется просто...

Она вскочила, но Пашка потянул ее за рукав – и она покорно села на скамейку.

– Слушай, Алиса. Если будешь кипятишься – будут колоть уколы. Это неприятно. Поверь мне, я знаю.

– А что делать? Что делать-то, Пашка? Ты же помнишь – ведь ты-то же должен помнить: «Не позволяй – ни себе, ни другим делать то, что ненавидишь в себе и в других!»

– Ты бы еще двадцать седьмую теорему этики вспомнила, – грустно улыбается Павел. – Слушай, если все, что ты рассказываешь, правда...

– Что значит «если»? – вспыхнула Алиса.

– У меня нет причин сомневаться. Так вот, ты помнишь формулу галактия?

– Да. Но у нас ведь нет звездолетов, эти убогие ракеты – они не долетят даже до Альфы Центавра.

– А и не надо. У нас есть задумка получше.

– У кого это – у нас? – насторожилась Алиса.

– У нас – ребят из интерната. Нас ведь много было, это только я сорвался. Остальные сделали вид, что нормально «вписались в реальную жизнь». Мы регулярно обмениваемся информацией – я вот пока здесь, отвечаю за теоретическую физику как раз. А ребята – они устроились все вместе на один объект работать, доводят его для наших целей. Мы давно хотели шороху задать.

– Да ты что?

– Да. Не перебивай. Я тебе напишу, к кому обратиться, кого и как спросить. Попроси завтра папу забрать тебя отсюда. Стравинский разрешит, я уверен, ты же не буйная. Ты же не буйная, правда?

– Правда, – бросила Алиса.
– Отлично. Расскажешь ребятам все, что рассказала мне. А через полгода приезжай сюда, в Питер. Будет весело.

Полгода пролетели даже быстрее, чем неделя ожидания во Второй Межгалактической. Алиса с головой ушла в работу по подготовке эксперимента. Пашка рассчитал, что в условиях Земли четырех с половиной граммов галактия хватит для того, чтобы лавировать между вероятностными линиями – а именно в их перекрестье и угодила, скорее всего, Алиса.

И если все действительно так, то можно переместиться в родную реальность Алисы. А уже там с помощью ученых решить вопрос – как быть с реальностью местной. В конце концов, если уж на далеких планетах прогрессорством занимались, родную Землю в порядок привести сама Галактика велела.

Низкое питерское небо хмурилось. Туманная хмарь висела над дремлющим городом. Ранним утром у гранитного парапета собралась маленькая компания.

– Последний раз объясняю, – горячился Пашка, – по-другому никак. Надо выйти в открытое море. А то мало ли что, мы прилетаем, а тут дом стоит. И мы прямо в стену – бадамс! Кто хочет? Никто не хочет!

– Но если мы это сделаем сейчас, выйдем в море, обратной дороги не будет. И первоначальный план летит к свиньям собачьим, – спорил рыжеволосый парень.

– Да что за план! – отмахивается Пашка. – Не план, а черт-те что, все равно дальше Копенгагена нас никто не выпустил бы. Балтика же. Бутылка с горлом.

– Ну да, ну да, – соглашается парень. – Ладно, что там. Действуем. Свистать всех наверх!

Чуть поодаль Алиса прощается с отцом:

– Ты уверен, что не хочешь с нами, папа?

– Да, уверен.

– Боишься?

– Нет, не боюсь. Но здесь у меня друзья, работа, могила твоей мамы – кто будет за ней следить? А там есть свой профессор Селезнев. Зачем ставить его в неудобное положение?

– Да какое положение, ты что, ты знаешь у меня какой папка!

– Знаю, – смеется отец. Крепко обнимает Алису: – Удачи, дочка. Беги, ваши все поднялись уже.

– Пенты идут, скорее! – кричит Пашка сверху.

От моста заливается трелью свисток:

– Кто хулиганит, немедленно отойти от крейсера!

Профессор Селезнев выдвигается вперед, достает красное удостоверение директора зоопарка:

– В чем дело, лейтенант?

Алиса бежит по сходням, думает:

– А что же действительно снилось все эти годы нашей «Авроре»? Может, как раз сейчас и узнаем.

Рыжеволосый командует:

– Отдать носовые и кормовые! Отдать швартовы. Полный вперед!

И впервые за уйму лет легендарный крейсер сам начинает движение. Винты вспенивают воду, он набирает скорость.

Лейтенант не верит своим глазам, начинает истерично кричать в рацию.

Поздно.

Мосты разведены. Впереди Дворцовая набережная, открытое море, эксперимент, пан или пропал.

И когда «Аврора» величественно проплывает мимо Зимнего дворца – Пашка включает рубильник, и носовое орудие дает холостой выстрел. Этот выстрел звучит над сонным городом, как трубный глас, и словно разгоняет хмурую завесу тумана.

Пелена серой мрети сдернута с бездонного синего неба – и на город льются победные солнечные лучи.

Юлия Мальт, Ирина Скидневская. Громозека и Малый эвридический дракон

*...а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти
Громозеку в джунглях Эвридики...
Кир Булычев. Путешествие Алисы*

Как мы находим друзей? По-разному. С одними с детства живем по соседству или вместе ходим в школу. С другими нас связывает романтическая юность, веселые студенческие годы. А с кем-то сталкивают опасные приключения и нешуточные испытания. Именно так я познакомился с уважаемым профессором археологии Громозекой, страстным и решительным человеком... ой, простите за оговорку, конечно же, чумарозцем, жителем туманной планеты Чумароз.

Это случилось в те годы, когда я был молодым ученым, после окончания университета скучал в библиотечных архивах, составляя каталоги, и жаждал практической деятельности. Космозоология с детства была моим увлечением. Животные с других планет необычны, интересны, уход за ними – это и удовольствие, и научное исследование, и мне всегда хотелось, чтобы ребяташки, которые придут на экскурсию в зоопарк, могли их увидеть – когда они еще смогут слетать на другие планеты? Сначала им нужно вырасти и окончить школу...

Увы, пока что звери с далеких планет в моей жизни присутствовали только на картинках. И вдруг Московский зоопарк с восторгом принял под свою опеку целую стаю лунных зайцев, случайно обнаруженных на невидимой стороне Луны. И был переименован в Космозо. Для работы с зайцами понадобился космозолог, и вот он я, тут как тут. Впрочем, никакая это оказалась не работа, счастье сплошное, а не работа.

Лунные зайцы до сих пор мои любимцы: бесстрашные, веселые и музыкальные. Их сияющая серебристо-белая шерстка обладает высокой светопроводимостью и способна концентрировать энергию. Гладить лунного зайца против шерсти просто опасно: можно получить электрический удар страшной силы. А вот вдоль шерсти – не только очень приятно, но и целительно. Лунный заяц сияет там, где гаснут все другие огни, и дарит мужество, когда вас оставили надежда и удача. Каждая экспедиция, на Земле или в космосе, старается взять с собой хотя бы одного зайчишку, потому что всем теперь известно: чем чернее ночь вокруг путешественника, тем ярче лунный заяц освещает путь. Из всех космических существ только драконы, лунные зайцы да несколько видов птиц (говоруны, космические журавли и вакуумные птички) могут жить в безвоздушном пространстве. Но в те времена дракон считался существом из мифов, а о космических птицах я узнал значительно позже.

Два года не расставался я с моими зайцами: изучал их повадки, кормил сиреневой лунной травой, слушал их песни. Они всюду сопровождали меня, повиснув на мне пушистыми гроздьями, цепляясь за мою одежду сильными ушками. Да, оказалось, что уши у лунных зайцев не только орган слуха, с их помощью они ловчее мартышек карабкаются по деревьям, книжным полкам и комбинезонам работников Космозо.

Вскоре все друзья и знакомые называли меня дедом Мазаем, а тогдашний директор Космозо Афанасий Афанасьевич Конфетов, добрейшей души человек, но требовательный начальник, смотрел-смотрел, как я прогуливаюсь по территории зоопарка в живой, на ходу распеваящей «шубе», да и пригласил однажды на беседу в свой кабинет.

– Любишь зайцев? – со всей прямоотой спросил он меня.

– Ага, – ответил я, не в силах стереть с лица умиленную улыбку – зайцы как раз мелодично замурлыкали мотив моей любимой песни о восходе Венеры на Марсе. – А ведь правы

были китайцы, когда считали лунного зайца истинным другом всех людей! Но как они узнали? Неужели еще в древности слетали на Луну?

– Послушай, Игорь... Мы тут потихоньку от тебя взяли несколько проб у твоих подопечных и кое-что выяснили. Зайцы эти, понимаешь, вырабатывают особые феромоны, которые вызывают у людей симпатию и привязанность без всякой меры. А пение их обладает гипнотическим эффектом. Прямо сирены какие-то. Все это без особого вреда здоровью, но сбить с пути человека твои нефритовые могут. Посмотри-ка на себя.

Он повернул меня к зеркальной панели на стене. Я увидел свое отражение: меховой шар с ногами, облаченными в форменные штаны Космозо и торчащей сверху вихрастой головой. С дурацкой, надо сказать, улыбкой.

– Ученый совет Космозо, – продолжал мой начальник, – постановил, что с зайцами работать будут несколько человек посменно, а тебя решено освободить от общения с ними на неопределенное время.

Я взвыл.

– Панас Фанасич, вы меня, космозоолога, отстраняете от работы с единственными пока в зоопарке инопланетными существами! Что же мне, с крокодилами теперь работать?

– Во-первых, не забывай о стройной и никем пока не опровергнутой теории покойного Педро Кокодрило о внеземном происхождении архозавров. Во-вторых, учти, что во вселенском масштабе многие земные животные не имеют аналогов. А в-третьих, у меня есть для тебя интереснейшее задание. Хватит тут сидеть по уши в зайцах, собирайся-ка ты в экспедицию.

Итак, Космозо требовались молодые, легкие на подъем зоологи, готовые пуститься в космические странствия на поиски инопланетных зверей, птиц, насекомых и других форм жизни, – о лучшей работе можно было только мечтать! Меня приняли в разведывательную партию на Европу – спутник Юпитера, откуда я должен был отправиться далее, в межзвездную экспедицию под руководством легендарного климатолога Пномпеньского.

В полете до Юпитера я изучал справочник по космозоологии Млечного Пути и тосковал. «Зайцы мои, – бормотал я, засыпая. – Как вы там без меня? Помните ли? Скучаете? Кто слушает ваши дивные песни?» Иногда мне чудились нежные звуки. Я уже тогда догадывался о телепатических способностях моих маленьких пушистых друзей, но сомневался, что их телепатия способна преодолеть гигантские пространства, отделяющие Землю от внешних областей Солнечной системы. Следовательно, музыка эта была звуковыми галлюцинациями, навеянными памятью о моих любимцах.

Все же газовый гигант с божественным именем, закрывающий собой весь вид в иллюминаторе, может отвлечь от какой угодно печали. А приближение к загадочной Европе способно раздразнить любопытство любого ученого-натуралиста.

О спутнице грозного брата Солнца Юпитера скажу вам коротко: если вы заядлый рыбак, но никогда не бывали на Европе, то рыбаком себя можете больше не называть, настоящего улова вы пока еще не видели. Потому что все ихтиологическое разнообразие нашей с вами родной Земли блекнет перед фантастическим подводным миром Европы, планеты-океана. «Европейцы» – все сплошь «подводники» – охотники, пастухи, строители. К тому же они оказались очень доброжелательным народом и за несколько дней помогли мне собрать богатейшую коллекцию морских тварей для океанариума Космозо. Я отправил с Европы в Москву три огромных сферических аквариума с фосфоресцирующими трехцветными «медузами», на самом деле оказавшимися подводными грибами, рыбами-голограммами, великолепным экземпляром сковородного ската, моллюском-оракулом, лжерусалочками и прочими занятыми представителями мелкой европейской фауны.

Да, наша экспедиция началась весьма удачно, но я с нетерпением ждал полета за пределы Солнечной системы. Какой мальчишка в детстве не мечтает о таком путешествии? Мечтал в свое время и я, и вот мечта сбывалась самым распрекрасным образом.

На местном автоматическом челноке я отправился на орбиту Европы. Челнок был отлично приспособлен для землянина: его предварительно осушили и наполнили великолепным искусственным лесным воздухом. Утро было чудесным, свет Юпитера зажигал многочисленные искры на ледяных равнинах, оберегающих европейскую подводную жизнь от неласкового космоса. На орбите меня подобрал межзвездный космолет «Слейпнир». Прощай, Европа!

Если бы вы знали, как меня приняли мои новые спутники! Приветствуя, астронавты радостно хлопали меня по спине. Механик Зеленый сразу же починил мой вышедший из строя на Европе хронометр, память о дедушке. Руководитель экспедиции академик Пномпеньский произнес за обедом остроумную речь. А судовой кок и лекарь Не Бо устроил в честь моего появления на борту корабля пышную чайную церемонию.

На следующий день мы стартовали. «Слейпнир» в буквальном смысле скакал по просторам Вселенной, преодолевая через гиперкоридоры немыслимые расстояния. Множество планет было обнаружено и внесено в наши навигационные системы, капитан корабля Полосков был чрезвычайно доволен. И все же ни одной планеты, пригодной для жизни, нам не попадалось. Пномпеньский жаждал найти планету с атмосферой, а я мечтал о еще большем: чтобы на планете были животные, и каждый день упражнялся в стрельбе из пистолета-усыпителя, а также учился пользоваться другими хитроумными штуковинами – орудиями космического зверолова.

Несмотря на перегрузки гиперпространственных скачков, экипаж чувствовал себя превосходно. Мы обсуждали климатические особенности Европы, ее флору и фауну, играли в шахматы и наслаждались приподнятой атмосферой, сложившейся на «Слейпнире». Даже здоровенный механик Зеленый, склонный, как я заметил, к меланхолии и пессимизму, ковылял в сложной судовой электронике, посвистывая и чему-то улыбаясь.

Однажды вечером, попивая приготовленный Не Бо душистый чай, мы заговорили об особой мирной радости, царящей на борту.

– Знаете, коллега, – сказал мне академик, – я столько раз бывал в космических экспедициях, а подобного нынешнему всеобщего радужного настроения никогда не замечал.

– Неужели правда? – удивился я. – Это мой первый полет такого рода, но мне всегда казалось, что среди увлеченных первооткрывателей и должна быть особенная обстановка.

– Уверяю вас! Вы даже не представляете, как нам всем повезло. В дальнем перелете, в ограниченном пространстве все малозаметные черточки характера становятся видны и порой весьма утомительны.

Зеленый добродушно улыбался.

– Я был уверен, что добром эта поездка не кончится. Согласился полететь только потому, что капитана Полоскова в беде бросать не хотел. А теперь вижу, что у нас замечательное приключение, и экипаж редкий. Просто каждый день душа поет. Простите, профессор, мое ворчание при погрузке, я, наверное, не с той ноги встал.

– Да пустяки! Знаете, дорогой Зеленый, у меня самого постоянно душа поет!

С порога кают-компания раздался голос Не Бо. Оказалось, он стоял в дверях и внимательно слушал наш разговор.

– Скажите, друзья мои, а что именно поют ваши души? Случайно не «Over the Rainbow»? Или, может быть, песню о восходе Венеры на Марсе?

Я вздрогнул. Академик Пномпеньский в изумлении откинулся на спинку кресла. Зеленый раскрыл рот. Наша реакция была однозначной: да!

Черные глазки Не Бо засияли и сузились в щелочки, но он сохранил бесстрастную мину.

– Ваша? – Он подал мне джинсовую сумку.

Сумка была моя, любимая, бывалая, и я ужасно удивился, потому что до сих пор думал, что потерял ее при перевозке багажа с Европы. Стыдно сказать, при отъезде с Земли она была туго набита всякой вкусной ерундой: чипсами из лунной травы, шанхайскими орешками, мяг-

кими шариками с абрикосовым соком внутри. Теперь оказалась пуста, только на дне ее шеле-стели разорванные пакетики из-под лакомств.

– А откуда... – начал я, но Не Бо сделал приглашающий жест.

– Прошу всех следовать за мной.

Все мы любим отсек здоровья на «Слейпнире». Благодаря нашему лекарю-коку это, пожалуй, самые уютные помещения на звездолете. Кроме камбуза, где пахнет тонкими пряно-стями, каюты Не Бо и маленького кабинета, уставленного шкафчиками со снадобьями и при-борами, здесь есть пустой зал с толстым ковром на полу. На стенах висят написанные тушью высказывания китайских мудрецов и стихи древних поэтов. Здесь можно тренироваться, а можно просто прийти посидеть, отдохнуть душой. Именно в этой целительной комнате состо-ялась знаменитая чайная церемония в мою честь в первый вечер на «Слейпнире». Сюда я часто приходил в поисках светлого умиротворения, и оно неизменно нисходило на меня.

Не Бо распахнул дверь в зал и смеющимся голосом объявил:

– Позвольте вам представить новых участников экспедиции!

Посреди пустого зала, на толстом сером ковре резвились мои зайцы! Десять маленьких зайчат кувыркались и бегали друг за другом, мурлыча что-то восторженное. Увидев меня, все они разом подпрыгнули и оказались на мне, уцепились привычно за бороду. От неожиданности я так растерялся, что не знал, рад ли был. Но зайчишки залопотали, и я растаял.

– Игорь, это ваши зверушки? – спросил академик Пномпеньский.

– Наверное, мои... Вернее, эти лунные зайцы принадлежат Космозо, но я ума не приложу, как они здесь оказались!

Спутники изумленно смотрели на меня, только, похоже, Не Бо понимал, в чем дело.

– Иду по коридору и вдруг вижу: сумка ползет. Медленно, но верно продвигается к кам-бузу.

– Вот, оказывается, что! – довольный, пробормотал я. – Эти умники залезли в сумку с провиантом и жили в ней припеваючи. И весь экипаж напевал вместе с ними...

– Да, согласен, – с улыбкой кивнул Не Бо. – Я твердо уверен, что наше великолепное самочувствие и настроение – дело рук, вернее песен, этих маленьких проказников. У меня на родине лунные зайцы в почете, их целительские свойства подробно описаны, но всегда пред-полагалось, что это всего лишь легенды. Но после отлета с Европы я тоже почувствовал пере-мену атмосферы на корабле. А когда Игорь рассказал мне о своей работе, я что-то такое запо-дозрил...

– Ну, раз так, – шутливым тоном сказал Полосков, – назначаю их помощниками нашего судового врача. Тем более что всю дорогу у них это отлично получалось.

Так зайчишки стали законными пассажирами «Слейпнира». Питанием они, к счастью, были обеспечены на весь рейс, потому что Не Бо никогда не отправлялся в дальнюю дорогу без целебной лунной травы.

Обнаружение зайцев оказалось в тот день не единственной новостью: вскоре Полосков сообщил нам о приближении к Эвридике, легендарной планете, открытой Тремя Капитанами. Мы собрались в рубке управления.

– Дорогой Полосков, вы уверены? – спросил академик Пномпеньский, взволнованно теребя пышные усы.

– Да, профессор, я совершенно уверен, ведь прежде чем сообщить вам новость, я произвел тщательные расчеты. – Полосков показал нам голографическую модель звездной системы с двумя планетами. – Планета движется по необычно удлинённому эллипсу. Удаляясь от звезды, на десятки лет покрывается льдами, а приближаясь к ней, расцветает.

– Да-да! – подхватил Пномпеньский. – Именно поэтому Капитаны называли ее Эвриди-кой. И сейчас как раз случилось возвращение Эвридики из царства мертвых. Нам несказанно

повезло! Великолепно! Просто замечательно! – Седовласый академик готов был пуститься в пляс.

– Значит, во время «путешествия» Эвридики живые организмы впадают в глубокий анабиоз? – уточнил я. – Как интересно...

Тем же вечером, готовя вездеход к высадке, Зеленый уронил на ногу тяжелый противовес и сильно ушиб пальцы. Услышав львиный рык досады и боли, мы все примчались в мастерскую, начали суетиться, желая как-то помочь. Припрыгали и лунные зайцы, и вот тут оказалось, что мои любимые зверушки чувствуют, если у человека что-то болит. С ласковым мурлыканьем зайцы облепили босую ногу Зеленого. Вскоре пострадавший уже улыбался и уверял, что боль прошла.

Через день «Слейпнир», ведомый решительным Полосковым, совершил мастерски точную посадку на Эвридику. Среди непроходимых джунглей наш капитан обнаружил маленькое плато и сумел приземлить «Слейпнир» точнехонько посредине каменистой проплешины на выступе пологой горы. Ни одно растение и животное не пострадало там, где опустился звездолет.

Полосков известил нас, что атмосфера планеты очень хороша для землян, температура воздуха за бортом в данный момент – тридцать градусов по Цельсию, а форм жизни – великое множество, он сам заметил что-то, передвигающееся как минимум на десяти ногах. И он не видит причины, по которой мы не могли бы выйти наружу прямо сейчас. Услышав о многоногом звере, я кинулся к иллюминатору, но увидел там только траву и кустарники, а в отдалении – стену деревьев.

Мы решили выступить завтра двумя партиями по два человека, а пока совершить ознакомительную прогулку по окрестностям. Пномпеньский собирался установить на планете несколько автоматических измерительных станций для длительного наблюдения за климатом. Полосков решил, что вместо того, чтобы перегонять с места на место звездолет, они с академиком отправятся на автолете, Не Бо подежурит на корабле, а у нас с Зеленым в распоряжении вездеход. На этом совещание закончилось, и я побежал в зоологический отсек наконец-то (впервые после Европы!) доставать и готовить ловушки, силки и прочие приспособления.

Через час я в сопровождении Не Бо вышел на первую прогулку по Эвридику. Было действительно жарко, звезда Финдус стояла в зените, небо было восхитительно голубое и совершенно безоблачное. Не Бо, сойдя с трапа звездолета, продекламировал с улыбкой:

Боюсь разговаривать громко:
Земными словами
Я жителей неба
Не смею тревожить покой³.

Ну, а я твердо намеревался увезти нескольких «жителей неба» на Землю и крутил головой по сторонам. Мы стояли на возвышенности, заросшей травой и мелким кустарником. Полянки мохнатых зеленых цветов радовали глаз. Первым существом, увиденным мной, был зонтик – насекомое, которое пряталось под круглым полупрозрачным крылом. Оно передвигалось по воздуху толчками, как медузы в воде: открывало и закрывало крыло-парашют. Иногда ловило струю ветра и планировало на воздушных волнах, совсем как семечко одуванчика. Зонтиков оказалось тут великое множество, они питались соком серебристых растений с большими листьями и казались такими хрупкими, что я не решился ловить их сачком. Осторожно накрыл один лист сеткой-пирамидкой и срезал его. Тем же вечером я пересадил несколько больших растений-лопухов в горшки с местной красной почвой.

³ Ли Бо.

Не Бо поймал двух розовых птичек с роскошными висячими хвостами. Они не доставили нам хлопот, так как были заняты своим пиликающим пением и друг дружкой и не обратили никакого внимания ни на сачок, ни на переселение в птичий вольер на звездолете.

Потом наша коллекция обогатилась еще одним видом. Случилось это так. Я устал и присел на корягу. Вдруг из-под коряги высунулась чья-то голова и цапнула мой ботинок острыми зубами. Хорошо, что на корягу уселся я, а не мой напарник Не Бо, обутый в тонкие мокасины!

Я сунул в щель под корягой рукоятку сачка и сразу вытащил на свет несколько плоских лепешек с короткими лапками, круглыми желтыми глазками и острейшими зубами в маленькой пасти. Я стряхнул их с рукоятки сачка в ловушку и назвал кусаками. А после дополнительных исследований в лаборатории звездолета выяснил: это были ледяные кусаки, они впрыскивали жертве не яд, а замораживающую жидкость. Зверюшки оказались всеядными и в пути довольствовались нашими грушами и огурцами.

Вскоре настала наша первая звездная ночь посреди экзотических джунглей далекой планеты. Мне снилось сказочное существо. Оно летало, держа в каждой руке по зонтику, пело колыбельные песни и болтало в воздухе многочисленными ногами, сосчитать которые мне так и не удалось.

Утром, пролетая в автолете над ближайшим озером, Полосков опять увидел вчерашнего зверя и оставил для меня сообщение на автоответчике: «Селезнев, твой десятиногий, похоже, обитает на берегу озера в трех километрах от «Слейпнира». Удачи, встретимся вечером».

...Мы с Зеленым спустились на вездеходе с горы, преодолев примерно километр. Перед нами лежал буйный тропический лес всех оттенков зеленого, с пурпурно-фиолетовыми и желтыми пятнами диковинных цветов. Жаркий Финдус, казавшийся намного больше нашего Солнца, сиял в синем небе. Утренний воздух был влажен и горяч, сквозь пар над горой поблескивал на склоне серебристый конус «Слейпнира».

— Мы его найдем, и он нас сожрет, — бурчал Зеленый, помогая мне выгружать из вездехода рюкзаки со снаряжением. Лунные зайцы, творцы хорошего настроения, остались на «Слейпнире», и механиком вновь овладели пессимизм и хандра. — Вот увидишь, добром это не кончится. Десять ног, и зачем ему столько?

— Чтобы лучше бегать, дитя мое, — отвечал я, с трудом сдерживая радостное возбуждение.

— Плюнет ядом, и привет, — гнул свое Зеленый. — Вцепится и начнет грызть.

— Да ты посмотри вокруг! — ликовал я. — Ты когда-нибудь видел такую красоту?

Но Зеленый оставался равнодушным к местным красотам, а когда неожиданно обнаружилось, что после вчерашнего несчастного случая он напрочь забыл заменить почти разрядившийся аккумулятор, настроение его резко упало.

Он отправился к «Слейпниру», а я... Как только напарник скрылся в туманной дымке, я лихорадочно облачился в защитный костюм, подхватил рюкзак с самым необходимым снаряжением и пересек границу леса. Минут через двадцать я свяжусь с Зеленым и успокою его, а там, глядишь, и десятинога быстро поймаю.

...С гор текли прозрачные ручьи, незнакомые птицы щебетали в кронах гигантских деревьев. Цветущие лианы оплетали нижние ветви, образующие высоко над землей второй ярус леса. Эвридика совсем недавно вырвалась из ледяного заточения, кусты и заросли еще не превратили лес в колючую чашу, и все же порой, чтобы сэкономить силы и время, мне приходилось шагать по галечному руслу ручьев.

В таких лесах, как джунгли Эвридики, вполне могут водиться крупные хищные или ядовитые звери. Межгалактический кодекс звероловов запрещает носить оружие, способное убить живое существо. Так что настоящим звероловам помогают решительность, находчивость и хитроумные приспособления. Комбинезон-хамелеон делал меня почти невидимым. «Хамелеонной» краской были окрашены и шлем, и высокие ботинки, и перчатки, и широкий пояс, увешанный необходимыми в полевых условиях устройствами, от бинокля до аптечки. Костюм был

сшит из негрубой, но такой прочной ткани, что я мог бы выдержать в нем удар молнии. Из-за повышенной герметичности ни одно насекомое не могло забраться мне в рукав или за шиворот. В душном и влажном полумраке джунглей я чувствовал себя неуязвимым, мне было не жарко и не холодно, не сухо и не мокро.

– Игорь! Селезнев! Ты меня слышишь? Где ты?! – раздался в наушниках взволнованный голос Зеленого. – Отзовись!

Эх, не успел! Меня уже спохватились, а я еще не добрался до озера!

– Я здесь, все в порядке, – приглушенным голосом отвечал я. – Жди меня на месте, я скоро вернусь!

– Как это – жди? Ты понимаешь, что нарушил инструкцию выходить в джунгли только в связке и на вездеходе? – прошипел Зеленый. – Почему меня никто никогда не слушает? Ведь я же предупреждал...

Я не дослушал, о чем он предупреждал, потому что быстренько отключил связь. Так, теперь нужно так же быстренько пленить искомого десятиного, чтобы пополнить этим великолепным экземпляром коллекцию животных моего родного Космозо...

В джунглях стояла почти полная тишина. Высоко надо мной в кронах деревьев мелодично перекликались птицы, верещали маленькие зеленые «обезьянки» да назойливо жужжали насекомые. Я усилил мощность звука в наушниках до максимума, чтобы уловить хотя бы намек на присутствие десятиного. В уши мне ударил такой дикий рев, что я чуть не упал, пошатнувшись, и несколько секунд стоял с выпученными глазами, потом задрожал в охотничьем азарте и ринулся навстречу своей звероловческой удаче.

Лес не просматривался дальше чем на тридцать шагов, но местность, на радость мне, была не слишком захламлена, так что я несея, выписывая сложные зигзаги между упавшими и вывороченными деревьями.

Рев в наушниках усиливался, деревья расступились, и я на полном ходу влетел в самую гущу драматических событий. В низине поблескивало озерцо с пологими песчаными берегами. Вокруг озера бегал на коротких когтистых лапах... дракон. Да-да, самый настоящий дракон, огромный, метров пятнадцати длиной, с телом, покрытым зеленой сверкающей чешуей! Шипастый алый гребень тянулся от огромной головы до кончика мощного хвоста. Дракон извергал из клыкастой пасти огонь – он пытался поджарить чудовище, засевшее в озере, – *мое чудовище*, будущую жемчужину коллекции Космозо!

Десятиного, это чудо-юдо, гибрид слона с осьминогом, выглядел не менее устрашающе. В верхней части массивного тела, как змеи, яростно клубились щупальца, грудь прикрывал большой панцирь, а на куполообразной голове с коротким хоботом я насчитал четыре пары глаз. Возможно, глаза различались по функциям, одни лучше видели на близком расстоянии, другие – на дальнем, остальные – в разных спектрах...

Итак, они серьезно не ладили, ревели, как два футбольных стадиона, и наверняка разогнали всю живность вокруг. Языки пламени сожгли растительность вокруг озерца, в закипающей воде всплывала кверху брюхом мелкая рыбешка. Десятиного спасался от огненных атак, глубоко ныряя в воду, и тоже не отставал, защищался изо всех сил, пыхая на дракона облаками желто-зеленого дыма, не причинявшими тому никакого вреда. Еще бы! Судя по сказкам, драконы сами отличаются крайне зловонным дыханием.

Время от времени десятиного переплывал на другую сторону озерца, чтобы отдышаться на мелководе, пока его враг обегал озеро. Драконий хвост хлестал по песку, оставляя узоры «елочка». К счастью, дракон не мог подняться в воздух на своих крохотных атавистических крыльях и, по всей видимости, не умел плавать, иначе десятиного пришлось бы совсем худо. Я вдруг заметил, что у десятиного вовсе не десять ног, а всего три, но толстых, основательных, как у слона.

Эпическая битва явно затянулась, чудовища устали, движения их замедлились, а запасы дыма и огня иссякали на глазах. Пришло время выступить третьей силе, то есть мне. Я мечтал поймать одного редкого зверя, а в результате получил прекрасную возможность привезти на Землю целых двух – несказанная удача! Намеченная мной стратегия поимки была проста: усыпить, связать и транспортировать на корабль. В первую очередь следовало нейтрализовать дракона, чтобы он не спалил трехнога. Но и трехнога нельзя было надолго оставлять без внимания, он вполне мог убежать в чащу, и кто знает, сумел бы я его там догнать и выловить.

Я достал из рюкзака пистолет, стреляющий сонными бомбочками, и стал осторожно подкрадываться к чудищам.

Дракон как раз переводил дух, не сводя, однако, злобных красных глаз с противника. Тот распластал по воде щупальца и с шумом втягивал воздух своим коротким хоботом. Я, к сожалению, как ни старался, не мог приглушить звук шагов по песку. Дракон быстро повернул голову в мою сторону. Я замер. Дракон снова уставился на трехнога. Я выстрелил, целясь в вытянутую драконью голову с длинными усами, свисавшими по бокам пасти.

У сонной бомбочки есть сенсоры, дающие сигнал о близости органической материи, иначе говоря, плоти. Как только сенсор срабатывает, бомбочка выбрасывает два крылышка, позволяющие ей затормозить и взорваться, в данном случае прямо перед носом дракона. Не тут-то было! Каким-то непостижимым образом дракон заметил бомбочку и проглотил, как муху. Я выстрелил снова и с тем же результатом. Мы стояли на месте, я стрелял – дракон без всякого ущерба для организма хрумкал мои боеприпасы. Все это стало напоминать стрельбу по тарелочкам. Вжик! Хрум! Вжик! Хрум...

После пятого бесполезного выстрела пришлось менять тактику. Я сунул пистолет за пояс и, сорвавшись с места, забежал дракону за спину, включил режим «вакуумные подошвы и ладони», взобрался на драконий хвост и стал пробираться к голове, стараясь не прикасаться к острым, как бритва, алым шипам на гребне.

Оседланный дракон взревел так, что трехног с коротким охом сразу пошел на погружение, выплеснув на берег пол-озера. Дракон крутился на месте, пытаясь меня скинуть, но я уже добрался до его мощной шеи и выпустил бомбочку над самым носом. Она пыхнула синим облачком. Через минуту дракон лежал, уткнувшись в песок.

Тем временем трехног вылез из озера и с самым несчастным видом принялся озираться по сторонам, будто что-то выискивал. Я выстрелил в его сторону. Он осел и завалился на песок.

Сколько времени будут спать дракон с трехногом, я не знал. Обычно, чтобы не навредить животному, действие сонного газа длилось несколько минут, в которые зверолов должен был уложиться. Поэтому я бросился за рюкзаком. Я не сразу его нашел, ведь он был невидимым, пришлось попинать воздух под деревом. Я нашарил в рюкзаке два мотка очень прочной липкой ленты, которой рассчитывал обмотать пасть дракону, связать лапы, щупальца, в общем, обезопасить себя на тот случай, если звери проснутся не вовремя. И вдруг мне стало нехорошо: засосало под ложечкой, по коже побежали мурашки. Я резко обернулся – в лицо дышал дракон, смотрел на меня, невидимого, в упор. Не знаю, как он меня почувствовал. Возможно, умел читать следы на песке, возможно, увидел раскрытый рюкзак... Но он подкрался ко мне неслышно, как тень.

Я отпрыгнул в сторону и покатился по песку. Дракон успел клацнуть зубами в сантиметре от моего лица, зацепил мой локоть и разорвал рукав. Я еще не встал на четвереньки, а он уже выпустил мощную струю пламени и спалил мой рюкзак.

Мне ничего не оставалось, как повторить проверенный трехногом способ защиты – прыгнуть в озеро и выплыть на середину. Теперь я на собственной шкуре почувствовал, как несладко быть объектом драконьего гнева. Деревья у озера тряслись от его противного пронзительного крика, и чем сильнее дракон кричал, тем энергичнее извергал из пасти пламя и кипящую слюну.

Через какие-то пять минут я совершенно выбился из сил. Сквозь дыру на рукаве защитный костюм наполнился водой и только мешал нырять. Улучив момент, когда дракону потребовалась передышка, я стянул шлем, кое-как выбрался из комбинезона и, волоча их за собой, поплыл к противоположному берегу. Дракон, конечно же, сразу побежал вокруг озера, намереваясь организовать мне теплый прием. Вот же неугомонное существо...

Амуницией мне пришлось пожертвовать, чтобы выиграть несколько важных секунд, – пока дракон расправлялся с брошенным на песок костюмом, я успел взобраться на ближайшее дерево. В этом и заключался мой план спасения. Ствол был толстым и гладким, но, к счастью, сучковатым – по сучкам я пулей взлетел наверх.

На мощной нижней ветке, располагавшейся метрах в десяти над землей, две зеленые обезьянки грызли оранжевые фрукты.

– Прекрасная погода, не правда ли? – сказал я, устраиваясь рядом с ними и тяжело отдуваясь.

Они молча таращились на меня.

Эта картина («Боевое крещение космозоолога») до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу озера, затянутого дымком, лежит массивная туша трехнога с раскинутыми по песку бледно-молочными щупальцами; я сижу на дереве, распаренный, как после бани, в мокром спортивном костюме, в компании зеленых обезьян, а снизу за мной наблюдает самый настоящий, а не мифический, дракон. У меня ни средств связи, ни орудия защиты от его клыков и огнедышащей пасти.

Неожиданно совсем неподалеку раздалось характерное тарахтенье, треск сминаемых кустов, и вскоре к озеру выехал наш вездеход. В кабине сидел Зеленый. Прибыла подмога.

Завидев нового врага, в железной грохочущей броне, дракон несколько оторопел, раскрыл пасть, но вместо пронзительного крика из нее вырвалось только сиплое дыхание и струйка дыма. Охрип, похоже! Из кабины вездехода высунулся Зеленый со звуковым ружьем и направил его на дракона. Секунда – и «усыпленный» ультразвуком дракон свалился на землю.

– Ура! – заверещал я с дерева. – Зеленый! Ты змееборец! Ты мой спаситель... Спасибо!

Зеленый поднял на меня глаза. Лицо у него было крайне суровым.

– Я же предупреждал, что в этих джунглях нет ничего хорошего...

...Мы связали дракона и трехнога, облепили их тела антигравитационными поплавками на присосках и по воздуху, невысоко над землей, держа за веревочки, как воздушные шарик, доставили к звездолету. Зеленый вел вездеход, я шел рядом и следил, чтобы наш живой груз не зацепился за деревья. Надо сказать, что в спортивном костюме мне было менее комфортно во влажном тропическом лесу, кишашем насекомыми. Но что поделаешь? Это была расплата за мою самонадеянность и беспечность, так что я все вытерпел, только лицо распухло немного, несмотря на выданную мне Зеленым защитную мазь.

Зеленый всю дорогу ворчал, что нельзя пускать на корабль огнедышащего дракона.

– Он нам все сожжет. На чем полетим домой?

– Ну что ты, Зеленый! – успокаивал я его. – Радоваться нужно, что нам удалось заполучить таких уникальных животных! Не переживай, что-нибудь придумаем.

...При нашем появлении Не Бо вышел из звездолета, изумленно оглядел парящих в воздухе монстров и сказал: «Вот это да...» А потом продекламировал, с благоговением адресуясь дракону:

Сейчас господин в сети попал, в силки,
Как же он обретет свои крылья опять?⁴

⁴ Ду Фу.

– Ты как хочешь, но я считаю, что о драконе надо срочно сообщить капитану. – Зеленый связался с автолетом и принялся сгущать краски: – Капитан, я предупреждаю: он громадный! Огнедышащий! Спалит корабль!

Полосков попросил меня выйти на связь.

– Селезнев, неужели и правда дракон?

– Самый настоящий!

– А десятиног?

– Этого тоже поймали, но он оказался трехногим, с десятью щупальцами. Оба сейчас спят. – В этот момент дракон дернулся в силках и зарычал. – Ну, то есть не оба...

– Сам понимаешь, безопасность превыше всего, – озабоченно сказал Полосков. – Если не придумаем, как его доставить на Землю без потерь для корабля и экипажа, придется выпустить обратно в джунгли. Держите меня в курсе! – Полосков отключил связь.

Может быть, в этой части Вселенной к драконам привыкли, но у нас они по-прежнему встречаются только в сказках. Мне страшно хотелось что-нибудь придумать, чтобы привезти домой такого потрясающего зверя. Но что? Усыпляющий газ действовал на дракона недолго, да и нельзя же ни в чем не повинного зверя до самой Земли держать под наркозом. Длительное воздействие ультразвука тоже вредно.

– Обожрет он нас, – бубнил Зеленый, стоявший рядом.

Вот и проблему питания тоже нужно решить... Что едят драконы? И в каких количествах?

На «Слейпнире» была специальная дверь, через которую на корабль доставляли большие грузы. Так что трехнога мы с Зеленым без проблем препроводили в вольер зоологического отсека, уложили на пол и развязали. Удивительно, что небольшая доза снотворного действовала на него так долго – он по-прежнему спал.

Не Бо присматривал за драконом, и когда мы вернулись, рассказал, что зверь снова ворочался и пару раз приоткрыл глаза. В этот момент дракон захрипел и крутанул головой так, что силки затрещали.

– Заносим! – крикнул я.

– Опасно, – возразил Зеленый.

– Я пойду впереди и, если что, пальну, – вызвался Не Бо.

– Давай! – согласился я.

Так мы и пошли: впереди пятился Не Бо с ультразвуковым генератором, я тащил на веревочке трепыхавшегося дракона, а Зеленый шел за мной и высказывал опасения, что «добром это не кончится».

Почти сразу мы наткнулись на идиллическую картину. Лунные зайцы, все десять, забрались на маленького робота-уборщика и ехали на нем по коридору. Увидев нас, они приветственно залопотали. В другой момент я бы непременно умилился и остановился, но не сейчас – в эту минуту дракон мощно дернул хвостом. Из связанной пасти раздался страшный утробный звук. И вдруг зайчишки все как один запрыгнули дракону на морду, нежные, как сверкающие снежки, прыткие, как шарики для пинг-понга. Они перебрались к дракону на макушку, облепили ее и громко замурлыкали. Глазищи дракона сомкнулись, хвост перестал бушевать.

– Они ушили его! – Мы с Зеленым потрясенно переглянулись. И только Не Бо не удивился. Он опустил свое звуковое ружье и немного горделиво произнес:

– Ну, а чему вы удивляетесь?

...Дракон довольно быстро очнулся и поужинал бананами, которых у нас было предостаточно. Зайчишки белой пуховой шапочкой сидели у него на макушке, и все было тихо-мирно. Когда вечером вернулись Пномпеньский с Полосковым, мы долго и возбужденно совещались и пришли к выводу, что если зайцы не подведут, дракон вполне может долететь до Земли. А вот трехног, к сожалению, по-прежнему не приходил в себя. Я страшно устал, но каждый час

наведывался в зоологический отсек, с тревогой всматривался в его неподвижное тело и просил: «Пожалуйста, очнись...» И вдруг в мое пятое посещение, когда я уже совсем отчаялся и развернулся, чтобы уйти, мне почудился за спиной тихий голос:

– Самый умный, да? Самый ловкий зверолов во Вселенной?

Я обернулся. Трехног сидел! Он смотрел на меня во все восемь глаз, изогнутые щупальца сложились на голове, как лепестки экзотического цветка. Позже я узнал, что этот жест означает «мои нервы не железные».

– Что? – воскликнул я, возвращаясь к вольеру. – Дважды два?

– Четыре! – проревел трехног. Щупальца яростно хлестали по прутьям клетки. – Пятью пять – двадцать пять!

Теперь уже я схватился за голову и простонал:

– Ты разумен?!

– Я с планеты Чумароз из системы Туманная! Скорее освободи меня, двоечник! И дай какую-нибудь одежду!

Мне и в голову не могло прийти, что передо мной разумное существо, ведь одежды на нем не было и вело оно себя как животное, спасающееся от хищника... Как я потом узнал, измученный жарой Громозека отбил от археологической партии, набрал на озерце и залез в воду, чтобы освежиться. Купаясь, он заметил на дальнем берегу озера широкий вход не то в пещеру, не то в нору, наполовину скрытый разросшимися лианами. На своей родине чумарозцы зимуют в норах, впадая в спячку, поэтому Громозека бесстрашно полез в темный лаз. Вскоре в лицо ему ударила струя зловонного дыма, он быстро дал задний ход, успел выскочить и инстинктивно броситься в воды озера прежде, чем дракон успел его поджарить. От огня и страшного драконьего крика он спасался, ныряя в воду.

...Трехног провел у нас на корабле весь следующий день. Я не знал, как загладить свою вину, экипаж поддерживал меня, демонстрируя радушие и гостеприимство. Громозека – так звали нашего бывшего пленника, а ныне гостя – оказался отличным парнем, прекрасным собеседником, разве что излишне чувствительным. Ему очень понравились наши зайцы.

Когда Не Бо предложил дорогому гостю полную чайную церемонию по неизменным и древним канонам великолепного Гугуна, Громозека, с ужасом косясь на поднос, словно там лежала очковая змея, отказался и спросил, не найдется ли у доктора валерианы, каплею чести, не больше... И салат. Салата тоже немного, с тазик. Не Бо, конечно же, немедленно исполнил его просьбу, после чего Громозека рассказал нам историю своего отравления зеленым чаем в первый день своего появления в стенах Токийского университета. Оказывается, образование он получил на Земле...

– Но худшей отравы, чем черный чай, я не встречал. Валерьянка! Только валерьянка! – пыхая желтым дымом из ноздрей, от которого мы все принялись кашлять, гремел он. – Прекрасно утоляет жажду и бодрит!

Конечно, нам было интересно, как Громозека оказался на планете и чем он тут занимался.

– Ох, – тяжело вздохнул он. – Эвридика – наша семейная печаль. Мой отец, и дед, и прадед становились археологами только потому, что хотели разгадать тайну, скрывающуюся в ее джунглях. Давным-давно мой прадед Молнизека, пролетая над только что открытой Эвридикой, заметил в той местности, где ты меня нашел⁵, необычное строение, очень напоминающее развалины каменного жилища. Как же оно у вас называется? Вспомнил! Замок! В замке были четыре полуразрушенные башни и глубокий колодец... Но найти его так и не смогли, потому

⁵ Громозека никогда не упрекал меня за историю с поимкой и заключением его в клетку, напротив, он как-то признался, что я спас его от бесславной смерти в зубах дракона, и всякий раз использовал самые деликатные выражения: «Где ты меня нашел», «Когда мы познакомились», «В памятный день нашей встречи» и пр. За что я ему крайне признателен.

что, как только Эвридика возвращается к Финдусу и оттаивает, уже через две недели джунгли становятся непроходимыми. Эта планета – кошмар археолога, на ней невозможно ничего раскопать! Мало того, ее пребывание в краю смерти, то есть в зоне наибольшей удаленности от ее звезды, становится с каждым циклом длиннее. Знаешь, почему? Там по соседству есть черная дыра, которая всасывает в себя все, что к ней приближается: астероиды, маленькие планеты, звездолеты, спутники... И Эвридику она тоже скоро втянет. У меня на этот счет есть своя теория... Я верю, что планету хотят утащить бывшие ее жители, хозяева, живущие теперь в черной дыре.

– А зачем бы им там жить? – спросил я задумчиво. Рассказ Громозеки меня заинтересовал.

– Им не нужно наше общество, вот зачем. И вот этого... – Большая голова-купол Громозеки качнулась в сторону вольера с драконом, – оставили сторожить замок и все, что там спрятано. Ты видел его детские крылышки? Специально подрезали, чтобы с планеты не улетел!

– Да ты что? – ужаснулся я и тут же спохватился: – Дружище, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Зачем так мрачно?

– Мрачно? Ты еще не знаешь всей правды, дорогой космозоолог. Этот огнедышащий страж на Эвридике не единственный. Здесь живет и другой, в три раза крупнее. Большой эвридический дракон. Я его видел сверху, на обзорном экране моего звездолета. Он как раз был в отлучке, занимался обходом владений, поэтому ты с ним не столкнулся. Я тебе больше скажу, друг мой Игорь. Если когда-нибудь все начнут спрашивать, куда подевался тот беспокойный археолог с планеты Чумароз... – Громозека расчувствовался, из глаз полились слезы, из ноздрей выползли две тонкие струйки дыма, – знай, что я не смог противостоять своей заветной мечте... Знаешь, нам, чумарозцам, раз плюнуть впасть в спячку в глубокой-преглубокой норе, укрытой толстым слоем льда... Напротив, мы любим поспать, наше анабиозное состояние может длиться годами.

Я стал догадываться, о чем говорит Громозека, и мне стало очень грустно.

– Неужели ты собираешься улететь от нас на Эвридике в черную дыру? К ее таинственным жителям? Нет-нет, не надо, прошу тебя, ты же все придумал, это фантазии!

Но Громозека оставил без ответа мои слова. Вместо этого он спросил, нельзя ли ему еще раз увидеть дракона. Мы пошли в зоологический отсек. Дракон лежал на полу с закрытыми глазами, раскинув веерами бурые кожистые крылья. Алый гребень стал светлым, почти розовым, на шишковатой голове красовалась пушистая заячья диадема, при нашем появлении засиявшая двумя десятками янтарных глаз. Зайцы добровольно оставались на макушке спящего чудовища, меня это трогало до слез – меня, но не Громозеку.

– Почти во всех мифологиях драконы – хитрые разумные существа, а не просто хищные звери. Говорят, невозможно дружить с драконом, но необходимо считаться с ним как с равным по разуму...

– Ты о чем? – сказал я.

– Смотри. – Громозека громко крикнул дракону: – Дыр-быр-бар-бур!

Дракон открыл глаза. Гребень у него сделался темно-красным, он развернулся и уполз в глубь вольера, в наспех посаженные мной «джунгли».

– Знаешь, что такое «дыр-быр-бар-бур» на древнекосмическом, дружище?

– Нет, что-то не припомню, – честно признался я. – А ведь когда-то я учил древнекосмический, в школе... Факультативно. Мне так стыдно...

– Это было давно, ты вполне мог забыть, – успокоил меня Громозека, – «Дыр-быр-бар-бур» – это «страж без сокровищ».

– И ты думаешь...

– Думаю! – Как всегда в минуту волнения, Громозека пыхнул едким дымом так, что я закашлялся. – О, прости! – Он снова взглянул на дракона. – Охраняйте его получше. Как бы он не завоевал Землю.

В тот же день мы расстались, но через год, к обоюдной радости, снова встретились, уже на Земле. Мы дружим много лет, оба обзавелись семьями, стали профессорами. Каждый раз, бывая у меня в гостях, Громозека обязательно приходит в Космозо и пытается разговаривать с Малым эвридикским драконом, он убежден, что дракон разумен.

И знаете, иногда, если посетителей не слишком много, я тоже прохожу вдоль клеток и тихо бормочу себе под нос, чтобы меня не сочли, гм, как бы это сказать... Я шепчу: «Дважды два? Пятью пять?» И прислушиваюсь – не скажет ли кто из зверей мне вслед: «Эй, зверолов! Самый умный, да?»

Мария Гинзбург. Что сказал Минц

*Громозека рассердился.
– Мне это надоело! – вскричал он.
Глаза под прозрачным шаром шлема загорелись.
Он поднял бластер и ударил по дереву парализующим лучом.
Ветви дерева тут же свернулись, желтые цветочки закрылись,
дерево начало проваливаться. И на том месте, где оно росло, осталась
небольшая кучка пыли, и, если бы Алиса собственными глазами не видела
этой сцены, она никогда бы не подумала, что такое возможно.
Археологи, за ними Громозека, потом Алиса и ее отец осторожно обошли
место, куда спряталось дерево, и поднялись на невысокий холм, вершина
которого была изрыта квадратными ямами. Здесь шли раскопки.
Кир Булычев. Лиловый шар*

Профессор Селезнев стащил со стола скатерть из яркого разноцветного пластика и принялся отрывать от нее полосу. Пластик хоть и не был рассчитан на подобное варварское обращение, держался стойко и рваться не хотел. Он тянулся в месте разрыва. Однако профессор Селезнев давно прославился в научных кругах своей настойчивостью и терпением в достижении цели. И пластиковая скатерть в итоге сдалась, как сдавались трудные загадки животного мира разных планет. Следующим на очереди был стол. Профессор Селезнев ловко открутил от него тонкую металлическую ножку, попробовал согнуть ее, и остался удовлетворен результатом. Стол опасно накренился, но Селезнев не обратил на это внимания. Он скрутил из оторванной от скатерти полосы тугой жгут, сделал на конце петлю и закрепил ее на одном из концов ножки. Затем согнул ее, и, удерживая ногами и кряхтя от напряжения, накинул петлю на второй конец.

Издав торжествующий вопль, от которого любой неандерталец забился бы в самый дальний закуток своей пещеры, профессор Селезнев отломал вторую ножку у стола, наложил на скрученную из скатерти тетиву и выстрелил в дальнюю стену комнаты. Стена была прозрачной, и за ней маячили лица, которые жутко раздражали Селезнева. Раздался гулкий стон – Селезнев попал. Не его вина, что стекло было пуленепробиваемым. Для того чтобы разбить его и добраться до белесых червей, что нагло заперли Селезнева здесь, а теперь еще и бесперомонно таранились на него, нужно было что-то помощнее лука из ножки стола и скатерти. Стол, лишенный обеих ножек, рухнул на ногу профессору Селезневу, едва стекло прозвенело – как будто сигнала ждал. Селезнев подскочил, ругаясь и размахивая руками, проскакал на одной ноге по комнате, затем сел на пол, снял ботинок и принялся дуть на пострадавшую ногу.

Вскоре он успокоился; в глазах, устремленных на ботинок, появился так хорошо знакомый бывшим коллегам по лаборатории огонек. Лучшие биологи Земли собрались здесь, на затерянном в океане уютном атолле, – надо было найти противоядие от вируса ненависти, что таился в лиловом шаре, и как можно скорее. Лиловый шар был найден во время экспедиции Селезнева на планету Бродягу. Вскоре она в своем бесконечном странствии по Вселенной должна была снова пройти мимо Земли – и людей к тому времени на Земле не должно было остаться. Лиловый шар существовал отнюдь не в единственном экземпляре; брат-близнец шара, мирно покоившегося в герметическом контейнере в лаборатории, был спрятан несколько тысяч лет назад где-то на Земле. Жителям Бродяги надоело странствовать по космосу еще несколько тысяч лет назад. Они заминировали Землю с тем расчетом, чтобы на нее, пустынную и обезлюдившую, можно было бы перебраться в следующий раз, когда их искусственная планета будет пролетать Солнечную систему.

Именно этот огонек горел в глазах Селезнева, когда три дня назад он воскликнул: «Эврика!», а инспектор Йенсен, сидевший за соседним столиком в столовой, неприязненно покосился на него и привычно протянул руку к кобуре, но сдержался. Рядом со своим соседом, хрупким седым психиатром Смитом, швед выглядел как моренный камень рядом с изящной ивой.

Большую часть атолла занимал космодром, расположенный почти точно посередине изогнутого полумесяцем острова. На западном роге полумесяца находились развалины крепости, построенной еще английскими и французскими колонизаторами. Над полуразрушенными башнями нарастили полусферы лабораторий и жилых корпусов, и в крепости разместилась лаборатория по исследованию вируса ненависти. В восточной же части острова находился курорт, на котором после сложного дела отдыхал инспектор Йенсен. Он был старым знакомым психиатра Смита, и тот попросил инспектора выполнить обязанности телохранителя, пока на острове разгуливают эти безумные русские и не менее безумные и агрессивные монстры, прибывшие из глубокого космоса. У себя, на планете Чумароза, Громозека считался одним из первых красавцев, но тонкий вкус англосакса скорее оскорбляло, чем восхищало существо, выглядящее как помесь слона с осьминогом, а при улыбке обнажающее сто великолепных зубов, которым позавидовала бы и акула. К тому же их знакомство началось с того, что Смит назвал Громозеку типичным маньяком с убийственными наклонностями. Громозека, чтобы разубедить психиатра, привязал Смита к стулу проводами. Селезнев не помогал в этом несложном деле своему другу, но и не мешал ему, и Смит до сих пор посматривал на него косо.

А кричал Селезнев не потому, что был невоспитанным или любил покричать в столовой за обедом, как подумал психиатр Смит, а потому, что Тубаи Ра, талантливый африканский микробиолог, вроде бы нащупал формулу противоядия к вирусу ненависти. Эксперименты на морских свинках дали великолепные результаты, и об этом Тубаи Ра и сообщил Селезневу.

– Поздравляю, коллега! – сказал Селезнев и сел. – Надо немедленно запускать вашу сыворотку в массовое производство! Бродяга, говорят, уже добралась до Юпитера, а надо ведь еще успеть провести вакцинацию всего населения Земли!

– Нет, не надо, – тихо сказал Тубаи Ра. – Я еще не испытывал ее на людях.

Он замолчал.

Для того чтобы испытать противоядие, надо было сначала вдохнуть газ, которым был наполнен лиловый шар, ввести себе вирус ненависти. Кто захочет превратиться в агрессивное, ненавидящее все живое вокруг бессмысленное существо, изнемогающее от злобы и ярости?

Селезнев отложил ложку, которой хлебал суп из моллюсков, и сказал:

– Я к вашим услугам, коллега.

– Нет-нет, – испугался Тубаи Ра. – Даже не думайте!

– Кто-то должен это сделать. К тому же я самый бесполезный член нашей команды, – добавил честный Селезнев. – Я зоолог, дружище...

Тубаи Ра замахал на него руками и заставил замолчать.

Ночью профессор Селезнев прокрался к контейнеру с лиловым шаром, извлек шар, а затем заперся в герметически изолированной комнате, где до этого размещали инфицированных морских свинок, горилл и волков.

В спальне его нашли записку: «Я в вас верю».

Но его вера оказалась слишком доверчивой. Шли третьи сутки после того, как Селезневу ввели сыворотку Тубаи. Но поведение профессора не изменилось: он по-прежнему сидел в герметической комнате, куда ему по специальному трубопроводу передавали еду и питье, и мастерил различные орудия убийства, которые с каждой попыткой становились все совершеннее.

* * *

Когда стрела ударилась в стекло прямо перед его лицом, Смит непроизвольно отшатнулся и выругался сквозь зубы.

– Какой ужас, – сказал он инспектору Йенсену, стоявшему рядом с ним.

В голосе психиатра звучало лицемерное сочувствие.

– Для первого выстрела – очень даже неплохо, – возразил флегматичный Йенсен. – Ведь профессор Селезнев, насколько я понимаю, раньше никогда не стрелял из лука?

Смиту не понравился ответ инспектора, и он хотел что-то возразить, но в этот момент он заметил фигурку в алом комбинезоне, стоящую у стекла неподалеку от них. Алиса негромко всхлипнула и выскользнула прочь из зала наблюдений.

– Бедная девочка, – сказал Йенсен.

Смит промолчал.

* * *

Алиса, захлебываясь слезами, бежала вниз по лестнице. «Папочка, милый папочка», – билось у нее в голове. Девочка с размаху налетела на что-то теплое и мягкое. Это что-то издало недовольный звук. Алиса открыла глаза и увидела профессора Минца. В научном мире он прославился своей разносторонностью: все давалось ему – и химия, и физика, и микробиология. Однако Минц был человеком грузным, неповоротливым и не подготовленным к столкновениям с маленькими девочками.

– Извините, – сказала Алиса.

В ответ профессор чихнул. Мощно, освободительно. У Алисы создалось такое впечатление, что если бы он не успел прикрыться платком, в стене башни появилась бы дыра, как после удачного попадания мортиры.

– Да ладно, что там... Не надо было мне вчера купаться, – озабоченно сказал профессор, когда они вместе продолжили спуск по лестнице.

– Да, вид у вас нездоровый, – вежливо ответила Алиса.

Лицо у Минца было красное, влажное от пота.

– Вы бы полежали, малины бы с аспирином приняли, – продолжала она.

– Некогда мне лежать! Твоего отца спасти надо! А я тут совсем расклеился! – сердясь на себя, воскликнул профессор Минц и топнул ногой. От слабости ли, или по причине плохого зрения, он промахнулся ногой мимо выщербленной ступеньки. Профессор наверняка свалился бы вниз, но Алиса подхватила его и прижала к стене.

– Вы хотите спасти моего отца? – взволнованно воскликнула девочка. – Как?

– Вам, Алиса, я могу открыть опасную тайну, которая не должна стать достоянием корыстных людей и милитаристских кругов, – торжественно сказал Минц.

– Раскрывайте скорее! – нетерпеливо воскликнула Алиса.

– Я хотел воспользоваться фактом существования параллельных миров, – сообщил профессор.

– А они есть? – удивилась Алиса.

– Есть, и множество, – кивнул Минц. – Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается вместе с нами и различия которого с нашим минимальные.

– То есть существует Земля, – сообщила Алиса, – где есть Громозека, есть я...

– И даже я, – сказал профессор.

Мимо них вверх по лестнице прошел Джон Ошуга, диспетчер космодрома. (Громозека в качестве знакомства привязал его к стулу рядом с психиатром Смитом.) Алиса, как и ее отец,

не помогала Громозеке, но молча стояла рядом, и поэтому Ошуга одарил девочку настороженным взглядом. Алиса отпустила профессора Минца, которого от волнения все еще прижимала к стене.

– У вас все в порядке, профессор? – осведомился Ошуга.

– В полном, – откликнулся профессор.

Ошуга продолжил подниматься по лестнице. Алиса провожала его взглядом, Минц тоже молчал, ожидая, пока диспетчер скроется из виду. Ошуга пару раз украдкой обернулся. Его лицо мелькнуло в сумраке лестницы, как серебристое облачко.

– Да что же мы тут стоим, – сообразил Минц. – Здесь неудобно. Пойдемте ко мне, Алиса. Я вам все расскажу.

– Пойдемте, – согласилась Алиса.

Но Минц не дотерпел до своей комнаты и продолжил рассказывать на ходу:

– Параллельный мир, назовем его Земля-два, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц Тубаи Ра, или Вернер, или даже я наверняка изобретем настоящее противоядие от вируса ненависти!

– А далеко до Земли-два? – спросила Алиса, которая была девочкой сообразительной.

– Этого наука сказать не может, – ответил Минц. – Существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

– Ну, раз выше, то не надо объяснять, – согласилась Алиса.

Они как раз дошли до комнаты профессора и остановились перед дверью. Минц принялся хлопотать себя по карманам в поисках ключей.

– Отлежитесь, выздоровейте, а я пока отправлюсь в ваш параллельный мир, поговорю с вами, или с Тубаи, или с Вернером. Может, и в самом деле привезу формулу сыворотки, – заключила Алиса.

От удивления профессор даже выронил ключи, которые с большим трудом извлек из кармана пиджака. Ключи зазвенели на каменной плите пола так, словно были стеклянными и разбились от удара.

– Вы? – закричал Минц так громко, что в их сторону обернулась известная ученая Брюнгильд Тарт – она как раз выходила из своей комнаты. Это была высокая, статная женщина со светлой толстой косой, которой позавидовала бы и валькирия.

– Добрый день, профессор, – любезно сказала Брюнгильд.

В ответ Минц что-то пробормотал. Алиса тем временем подняла ключи, открыла дверь и буквально впихнула профессора внутрь.

– Да, я! – воскликнула она и заперла за ними дверь комнаты.

– Если бы все было так просто... – протянул профессор Минц.

– Вы только что сами рассказали мне, что вы выбрали тот мир, отличия с которым у нас минимальные, – возразила Алиса. – Я перейду в этот параллельный мир, найду вас вот в этой самой комнате, вы поделитесь со мной записями, и я тут же и вернусь.

– Неизвестно, успеешь ли до того, как в том времени взорвется их лиловый шар, – напомнил Минц. – Бродяга должна приблизиться к Земле примерно через сто дней. Жители Бродяги рассчитывали высадиться на планету, которая уже будет безопасна для них, и значит, к тому времени вирус уже должен развеяться в атмосфере. Если и не без следа, то все равно концентрация газа должна упасть до значений, при которых заражение уже невозможно. Сколько времени они заложили на то, чтобы мы уничтожили друг друга? Два месяца – это примерно шестьдесят дней, и ты попадешь в ту точку времени, в которой лиловый шар должен взорваться со дня на день! Если уже не взорвался, – добавил он про себя.

– Придется рискнуть, – сказала Алиса. – Я возьму в нашем корабле мой скафандр и баллоны с чистым воздухом. На два часа их должно хватить.

– Это не детское развлечение, девочка, – продолжал упираться Минц. – Ты полагаешь, что это игра, а на самом деле от путешествия в параллельный мир зависит судьба твоего отца! А может быть, и всего человечества...

Алиса почувствовала, что теряет терпение. Она выпрямилась во весь рост, так что достала макушкой Минцу до плеча.

– Дорогой мой профессор Минц! – сказала она твердо. – Чья гипотеза о планете Бродяга оказалась самой верной?

– Твоя, насколько я знаю из отчетов, – согласился Минц.

– Кто нашел лиловый шар?

– Ты, но совершенно случайно.

– А чей отец сейчас сидит в клетке, как зверь, и мастерит из своего ботинка очередную мини-катапульта?

– Ну... – сказал Минц.

И чихнул. От этого последнего чиха Минц как-то сразу ослабел, ухватился за край стола, но понял, что не удержится на ногах, и сел (точнее, упал) на свою койку.

– А вы все равно не можете идти, вы больны, – закончила Алиса. – Я пошла за скафандром. Встретимся здесь через полчаса.

– Не надо скафандра, – слабым голосом сказал Минц. – Я дам вам фильтры, вставьте себе в нос. Легкого защитного комбинезона вполне хватит... и не забудьте бластер.

* * *

Перейти в параллельный мир Алисе предстояло в особой точке, которую вычислил Минц. Находилась она в джунглях, километрах в шести от крепости, на полпути к космодрому. И это было хорошо, потому что переход, как объяснил Минц, сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо будет вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире, следует также оградить места входа ограничителями и запомнить место – в другом не перейдешь.

Выслушав инструкции, сложив в рюкзак набор ограничителей, прикрепив к комбинезону маленький энерготранслятор и вставив в нос фильтры, Алиса была готова к походу.

– Учтите, смелая девочка, – сказал Минц. – Перейти может только один человек. Я не смогу прийти к вам на помощь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц останется таким же профессором Минцем, а Алиса Селезнева – такой же отважной и доброй, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

– Жду! – сказал он Алисе. – Со щитом, но не на щите.

Алиса вышла, раздумывая над мрачным смыслом исходной поговорки, которую деликатный Минц слегка изменил.

* * *

...В джунглях на шестом километре Алиса отыскивала нужное место.

Там Минц уже пометил белой краской два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

Алиса открыла рюкзак. В джунглях стоял обычный гомон. Мелкая колибри крутилась около уха Алисы. Девочка расставила ограничители и воткнула их поглубже в землю. Потом вошла в круг, нащупала у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажала на нее.

И тут же ее куда-то понесло, закрутило, она потеряла равновесие и стала падать, ввинчиваясь в пространство.

На самом же деле она никуда не падала, и если бы случайный прохожий увидел ее, то поразился бы высокой девочке в легком защитном комбинезоне, которая отчаянно машет руками, будто идет по проволоке, но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Алиса открыла глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось. Потому что вокруг стояли такие же шумные, суетливые джунгли и точно так же крутилась у уха настойчивая колибри. Правда, вид у нее был какой-то больной, птичка пошатывалась в воздухе, как истребитель с пробитым крылом.

Откуда-то донеслись выстрелы. Колибри выпустила жало длиной сантиметра два и спикировал на Алису. Жало согнулось, ударившись о комбинезон, но Алиса, хоть и была готова к нападению, вздрогнула.

– Дура, – сказала она колибри.

Колибри еще раз бросилась на Алису, но промахнулась и упала на землю.

В первый момент Алиса подумала, что Минц что-то перемудрил в настройках и транслятор транслировал ее на Бродягу. А затем ей пришла здравая, хотя и мрачная, мысль. Алиса поняла, что она в том самом параллельном мире, о котором говорил Минц. И что здесь лиловый шар, как и опасался профессор, уже взорвался, и вирус ненависти распространился по Земле. Успели ли ученые найти противоядие? Алиса задумчиво посмотрела на колибри. Та в последних судорогах подергивалась на колючей ветке какого-то очень недружелюбно выглядящего куста, обсыпанного ярко-желтыми цветочками. Вдруг ветка зашевелилась, обхватила птичку и поволокла в зубастый рот, который раскрылся в середине тонкого ствола. «Но даже если успели, – подумала Алиса, чтобы ободрить себя, – им не хватило времени, чтобы вакцинировать еще и зверей». Она сожгла бластером куст, потянувшийся было к ней. Не так давно Алисе казалось это интересным: стоять, сжимая в руке бластер, на опасной планете под искусственным солнцем, да не просто стоять, а пускать бластер в ход! Это было даже более захватывающе, чем обычные экспедиции с отцом в поисках зверей с других планет. Тогда, на Бродяге, когда под лучом ее бластера падали серебряные змеи и ядовитые медведи, все ее предыдущие путешествия казались Алисе скучными, пресными, слишком уж спокойными и безопасными. Алиса еще подумала, что вот было бы здорово, если бы все ее путешествия были такими, как на Бродяге, – бегаешь, стреляешь, находишь топорики с украшенными рубинами рукоятками...

Остальные деревья вокруг полянки – или это были не деревья вовсе? – сразу как-то притихли и прикинулись совершенно безобидными представителями флоры. Алиса огляделась – да, и блестящие ограничители исчезли. Алиса пометила точку перехода ограничителями, нанесла отметки специальной краской на деревья и двинулась обратно, к крепости.

Но она не дошла.

За ней увязалось чудовище, похожее на крокодила, одного из тех, что обычно мирно дремали в пойме речушки, пересекавшей джунгли прихотливым зигзагом. Обычно крокодилы были ленивы и нелюбопытны; они провожали людей настороженными, но в целом равнодушными взглядами. А этот оказался любопытным и к тому же голодным. Алиса сначала даже не поняла, что зверь следует за ней. Но треск в джунглях и топот тяжелых ног, настойчиво приближавшийся, не оставлял сомнений, что данный конкретный крокодил решил

свести с Алисой близкое знакомство. Она не хотела жечь крокодила – в конце концов, он всего лишь жертва бесчеловечного эксперимента, поставленного на Земле жестокими жителями Бродяги. Алиса решила вскарабкаться на скалу, которая находилась чуть в стороне от тропинки, укрыться там в небольшой пещере, которую она нашла как-то во время прогулок по окрестностям лаборатории. Алиса не видела входа в пещеру за буйным сплетением лиан и кустов, но примерно помнила, где он должен находиться. Если эта пещера имела в родном мире Алисы, значит, скорее всего, она была и здесь. Надо было просто немного подождать. Нюх у крокодилов не очень хороший, и потеряв из виду жертву, он, скорее всего, потеряет и интерес к ней и найдет себе другое занятие.

Алиса глазами отыскивала несколько выступов в стене и поставила ногу на первый. Первые метра три она поднималась уверенно, цепляясь за подворачивающиеся кусты, но тут везение прекратилось. Ни одного выступа, ни одной трещины. Только остролистый кустик в метре над головой. И по-прежнему никакого намека на вход в пещеру.

Алиса посмотрела вниз. Конечно, крокодил уже стоял у подножия обрыва и внимательно наблюдал за каждым ее движением. Теперь Алиса заметила, что у него высокие ноги, а не маленькие, как у обычных земных крокодилов. Если бы чудовище сообразило встать на задние лапы, оно могло бы без труда уцепиться за ногу Алисы и стащить ее вниз. Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене. С сожалением Алиса прицелилась в крокодила.

Заметив, как Алиса старается оторвать руку с бластером от скалы, чудовище сжалось на мгновение и, распрямившись пружиной, прыгнуло! Этот прыжок и разрешил все Алисины трудности. От испуга она взлетела вверх и вцепилась в кусты. Они подались под ее весом, и Алиса буквально вкатилась в пещеру – они как раз закрывали вход в нее.

С минуту Алиса неподвижно лежала у входа в пещеру, прислушиваясь, как оскорбленно рычит чудовище у подножия скалы. Ей вспомнился похожий случай, произошедший с ней на Бродяге, и она опять засомневалась. Туда ли ее послал Минц? Это легко можно было проверить. На Бродяге она таким образом очутилась в подземном бастионе последних людей. А что ее ждало здесь?

Алиса поднялась на ноги. В полумраке пещеры щелкнул затвор.

В отличие от Бродяги, где в убежище осталось только оружие, которое люди не успели использовать, здесь находился кто-то, кто умел им пользоваться.

– Ни с места, – сказал очень знакомый голос.

– Капитан Йенсен? – удивилась Алиса.

Глаза ее уже привыкли к полумраку. Девочка увидела людей. Они сидели тесным кружком на полу пещеры. Алиса узнала Брюнгильд по светлой косе – та буквально светилась в полумраке, но не успела разглядеть остальных. Кто-то страшно захрипел.

– Профессор Минц! – воскликнул кто-то, и Алиса узнала и этого человека – это был диспетчер космодрома Ошуга.

В темноте забегали, засуетились, уронили что-то тяжелое, а человек все хрипел и пытался что-то сказать, и слышать это было страшно... Но страшнее всего была тишина, что наступила потом.

– Почему я не выучился на хирурга, – изломанным, почти неузнаваемым голосом произнес профессор Смит.

Алиса все еще стояла у входа в пещеру. Она ощутила бесконечное опустошение. Все было напрасно. Если кто и разработал противоядие, то это, должно быть, Минц. Но судя по всему, он не успел применить сыворотку, да и поделиться формулами уже не мог. Правда, еще оставались Тубаи Ра и Вернер. Надо было найти их. «Если они еще живы, – в отчаянии подумала Алиса. – Да что тут у них происходит?»

– Алиса, – окликнул ее Йенсен. – Проходите. Как вам удалось удрать от этих живодеров?

– Каких живодеров? – машинально спросила Алиса.

Она прошла в глубь пещеры и уселась рядом с остальными.

– Ну, этих, которые остались на биостанции, – ответил Йенсен, присаживаясь рядом с девочкой. – Вернер, Тубай... – он замялся.

Правда оказалась горше, чем Алиса могла себе представить.

И тут она поняла причину заминки Йенсена.

– Мой отец... – в тон капитану произнесла она.

– Да, – согласился Йенсен.

Алиса собрала с мыслями. И решила, что про живодеров уточнять пока не будет. Что она просто не хочет этого.

– Я не та Алиса, которую вы знаете, – сказала она.

К ее удивлению, Смит рассмеялся в ответ на ее слова.

– Мы здесь все уже совсем не те, кем были раньше, – сказал он.

– Не в этом смысле, – сказала Алиса. – Есть множество параллельных, почти одинаковых миров.

Она запнулась, припоминая объяснения профессора, и вдруг с ужасом подумала, что ей никто не поверит. Но перед ней, в полумраке пещеры, все-таки сидели лучшие умы планеты – точнее, те из них, кто еще выжил.

– А, так у вас там то же, что и у нас, – догадалась Брюнгильд. – Ты хотела спастись, девочка? Вы думали, что у нас тут лучше?

На этот раз засмеялся не только Смит, но и Ошуга.

– Перестаньте, – одернул их Йенсен. – Это невежливо.

– Нет, – сказала Алиса. – Вы движетесь во времени немного впереди нас. Профессор Минц был уверен, что он или... кто-нибудь другой... успеет создать противоядие от вируса ненависти. И он послал меня за формулами.

На этот раз никто не смеялся.

– Мы бы очень хотели помочь тебе, Алиса-из-параллельного-мира. Ты славная девочка, и в нашем мире ты была такой, – очень мягко сказала Брюнгильд. – Но...

– Я уже поняла, – печально ответила Алиса.

– Минц не успел, – сказал Смит. – Никто не успел. И теперь они сидят в крепости, и...

– Не надо, – перебил его Йенсен. – Девочка и так уже всяких ужасов насмотрелась.

– Ничего! – возразил Смит с неожиданной яростью. – У себя дома она еще и не такое увидит! Пусть привыкает!

– Что делают те, кто остался в крепости? – сама не зная зачем, спросила Алиса.

– Минц не успел изобрести противоядие, – сказал Ошуга. – Но он снабдил нас фильтрами. Мы не заразились, когда лиловый шар взорвался. А некоторые ученые не успели воспользоваться фильтрами.

– Хватит ее щадить! – взорвался Смит. – Не «не успели», а «не захотели»! Это все Вернер! Я всегда подозревал в нем социопатические наклонности! Он говорил, что естественная агрессия в нашем мире слишком репрессирована воспитанием, что эти пришельцы с Бродяги, сами того не зная, не гибель несли нам, а освобождение! Что мы слишком скучно, слишком сладко, слишком безопасно живем! Что в нас убивают естественный дух конкуренции, что...

– В общем, он говорил многое, – перебила его Брюнгильд.

Алиса молчала, втянув голову в плечи. А ведь она сама недавно думала так же, как Вернер. Это будет весело – вот что она думала. Бегать, стрелять... И ни о чем не думать. И только кишки веером!

Чужие. Всегда чужие кишки веером. Не свои и не кишки друзей. Алиса непроизвольно посмотрела в ту сторону, где лежало то, что еще недавно было профессором Минцем. Его тело

было какой-то странной формы и слишком маленьким для того, чтобы принадлежать человеку. «Ноги, – вдруг поняла Алиса. – У него нет ног, и...»

Она запретила себе вглядываться в полумрак дальше.

– Но когда половина из этих горе-ученых поубивала вторую половину, выжившие поняли, что ошиблись, – продолжал Ошуга. – Сыворотки нет и в нашем мире, ни у Вернера, ни у Тубаи. И они принялись ловить нас, тех, кто не заразился.

– Зачем? – тупо спросила Алиса.

Это было слишком много для нее.

– Они переливают себе чистую кровь, – просто ответил Ошуга. – Они думают так спасти себя.

Алиса припомнила все, что знала о вирусе ненависти. Он был неизлечим в первую очередь потому, что необратимо менял клетки организма. Смысл сыворотки, которую придумал Тубаи, как раз и заключался в том, что она должна была блокировать эту способность вируса, и он должен был оставаться только в крови. Лейкоциты должны были рано или поздно убить вирус в крови, оптимистично предположил Тубаи, и человек должен был выздороветь.

– Но им это не поможет, – в тон ее мыслям произнес Йенсен. – Мое последнее дело было аналогичным. Вирус уже повредил клетки их мозга, всего тела... Они просто оттягивают свой неотвратимый и мучительный конец. Но при этом губят еще и нас.

– Понятно, – сказала Алиса.

Она поднялась на ноги.

– Спасибо вам, – сказала она. – Я, пожалуй, пойду.

Девочка направилась к выходу из пещеры. Сзади выжившие негромко обменялись какими-то фразами.

– Алиса, подожди, мы тебя проводим, – окликнула ее Брюнгильд.

– Если это недалеко, – сказал Смит нервно.

– Мы здесь сидели только из-за... в общем, мы теперь можем идти, – добавил Ошуга.

– Да и нам надо сменить место дислокации, пока нас не выследили, – сказал Йенсен.

– Спасибо, – сказала Алиса.

* * *

Группка ученых, которым удалось избежать заражения, не любила передвигаться по земной поверхности, по крайней мере днем; пещера, в которой они обосновались, была одним из разветвленных подземных ходов, начинавшихся в крепости. Раньше или позже оставшиеся в лаборатории обезумевшие ученые должны были сообразить, что беглецы скрываются если у них не под самым носом, то прямо под ногами. Насколько поняла Алиса из обрывков разговоров, Йенсен и другие с самого начала собирались пробраться на космодром, сесть в «Чумарозу», забытую в карантине, и улететь с Земли. Однако профессор Минц был тяжело ранен, и друзья скрывались в подземельях, ожидая, пока он поправится... или пока он *не* поправится.

Систему переходов обнаружил Ошуга, задолго до того, как лиловый шар взорвался. Теперь Джон вел своих товарищей сквозь затхлый мрак залов и нестерпимую вонь полузатопленных коридоров. Ошуга, хоть и работал диспетчером космодрома, с детства увлекался спелеотуризмом и выучил все подземные коридоры как свои пять пальцев еще до того, как в развалинах разместили лабораторию. «А ведь здесь теперь так будут говорить, – подумала Алиса, осторожно ступая среди грязи вслед за психиатром Смитом. – До Взрыва Лилового Шара, три года спустя после Взрыва Лилового Шара... Как раньше археологи говорили – *«третий век до нашей эры»*. Да и у нас, наверное, будет так же...» Алиса неожиданно поняла, что ее мысль означает и то, что будет кому отсчитывать время от случившейся катастрофы, и приободрилась.

Небольшая группка, состоявшая из Йенсена, Смита, Ошуги, Алисы и Брюнгильд Тарт, долго шла по коридорам. Они изгибались и вливались друг в друга – черные коридоры, узкие желобы, по которым приходилось скатываться, как с детской горки, лестницы, приводившие в комнаты и залы, по углам которых валялись ржавые остатки еще французских доспехов.

– Так где эти колонизаторы собирались жить – в крепости или под ней? – отдуваясь, спросила Алиса.

– Тогда так строили, – ответил Йенсен.

Узкая лестница привела их на поверхность. Снаружи выход из подземелья скрывали буйно разросшиеся кусты. Осторожно раздвинув ветки перед лицом, Йенсен внимательно осмотрел поляну.

– Вроде чисто, – сказал капитан. – Выходим.

И первым вышел в сияющий, душный тропический полдень. Остальные последовали за ним. Вскоре небольшая группка оказалась на дороге к космодрому. Алиса огляделась и поняла, что до точки перехода минут пять пути. Путешественники двинулись через джунгли. Шли молча, чтобы не привлекать излишнего внимания, и только бесшумные вспышки бластеров, которыми люди снимали кровожадных колибри и сжигали хищные деревья, отмечали их путь. Вскоре Алиса заметила две серебристые метки на деревьях, которые сама же и нанесла. Она тихонько стукнула капитана Йенсена по плечу, привлекая внимание, указала на метки и помахала рукой в том смысле, что я, мол, пойду. Капитан кивнул, Брюнгильд обняла Алису на прощание.

– Удачи тебе, – сказала она. – Может, вашему миру повезет больше нашего.

Алиса сошла с дороги и направилась к отмеченным деревьям. Она уже видела серебристые головки ограничителей, выглядывающие из травы, как глаза какого-нибудь чудовищного паука, когда земля у нее под ногами зашевелилась. Алиса закричала, стремительно поехала куда-то вниз на спине. Во все стороны взметнулись зеленые обрывки лиан.

Это были не ограничители. Это и были глаза огромного паука, закопавшегося в стороне от дороги и терпеливо ожидавшего добычу. Паук поднялся из своего тайника, могучий и грозный, как ночной кошмар первых – и, судя по всему, и последних – людей. Его острые зазубренные жвалы источали мутный яд. Засверкали вспышки бластеров, Йенсен отрывисто выкрикивал какие-то команды. Паук загорелся. Удушливый вонючий дым пополз на Алису, она закашлялась.

К уже знакомым голосам Йенсена, Ошуги и Тарт тем временем присоединились какие-то чужие. Грубые и торжествующие.

– Алиса, уходи оттуда! – в ужасе закричал Смит.

Алиса пыталась выкарабкаться из ямы-ловушки, которую паук успел вырыть за время ее краткого отсутствия и даже замаскировать сверху ветвями и листьями. Но влажная, рыхлая почва осыпалась у нее под руками, и Алису неумолимо тащило все ниже, к пауку – он уже не горел, но все еще дымился. Девочка вцепилась в торчащий из земли корень, попробовала вскарабкаться вверх, но он изогнулся под тяжестью ее тела.

В этот момент раздался пронзительный свист. За краткий миг он перешел в вой, а затем на Алису обрушился грохот, горящие ветки, комья земли и ошметки паука. Девочку подбросило в воздух, а затем, что удивительно, уронило обратно на землю. Алиса ударилась так сильно, что на мгновение задохнулась от боли. У нее потемнело в глазах. Когда она проморгалась, то увидела, что лежит рядом с поваленным деревом, а с другой стороны ствола на нее лезет огромная, уродливая тварь – восемь шупальцев, слоновьи лапы, оранжево-черная пятнистая шкура, три бластера и один меч. С обнаженных акульих зубов твари хлопьями падала слюна. Алиса поняла, что погибла. Но без сопротивления, без боя она не сдастся. Она вскинула бластер и выстрелила. Раздался короткий рев, и огромная туша тяжело повалилась прямо на девочку со ствола. Алиса едва успела откатиться в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.